

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.А. БУНИНА»

ФИЛОLOGOS

Выпуск 1 (68)

Елец – 2026

УДК 82
ББК 81
Ф 54

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: ПИ № ФС77-40325 от 15 июня 2010 г.).

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Редакционная коллегия

О. А. Харитонов, канд. филол. наук (Елец, Россия) – гл. редактор; **Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук (Гродно, Беларусь), **В. Р. Аминев**, д-р филол. наук (Казань, Россия), **В. А. Бурцев**, д-р филол. наук (Елец, Россия), **С. Георгиева**, д-р филологии (Пловдив, Болгария), **А. Золтан**, д-р филол. наук (Будапешт, Венгрия), **Б. П. Иванюк**, д-р филол. наук (Елец, Россия), **Э. Инаныр**, д-р филол. наук (Стамбул, Турция), **А. А. Кораблев**, д-р филол. наук (Донецк, Донецкая народная республика, Россия), **Р. О. Муталов**, д-р филол. наук (Москва, Россия), **А. Н. Пашикуров**, д-р филол. наук (Казань, Россия), **Е. А. Попова**, д-р филол. наук (Липецк, Россия), **С. А. Скуридина**, д-р филол. наук (Воронеж, Россия), **А. Г. Степанов**, канд. филол. наук (Москва, Россия), **Е. М. Тюленева**, д-р филол. наук (Иваново, Россия), **А. А. Чевтаев**, канд. филол. наук (Санкт-Петербург, Россия), **Е. А. Шаронова**, д-р филол. наук (Саранск, Россия), **В. И. Шульженко**, д-р филол. наук (Пятигорск, Россия), **Г. Н. Ягафарова**, д-р филол. наук (Уфа, Россия), **М. Яхьянур**, канд. филол. наук (Тегеран, Иран), **М. В. Сапрыкина** (Елец, Россия) – отв. секретарь.

Ф 54 ФИЛОLOGOS. – Выпуск 1 (68). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2026. – 123 с.

68-й выпуск научного журнала «Philologos» представлен статьями по лексикологии и словообразованию, дискурс-анализу и прагматике, лингвопоэтике и семантике, поэтике текста и истории русской литературы, компаративистике и рецептивной эстетике, а также рецензией на книгу Т.Е. Автухович «Массовая литература XVIII и XXI вв. как культ-товар: параллели и соответствия».

Адресуется профессиональной аудитории.

The 68th issue of the scientific journal "Philologos" features articles on lexicology and word formation, discourse analysis and pragmatics, linguopoetics and semantics, text poetics and the history of Russian literature, comparative studies and receptive aesthetics, as well as a review of T.E. Avtukhovich's book "Mass Literature of the 18th and 21st Centuries as a Cult Product: Parallels and Correspondences."

The issue is intended for the targeted audience.

ISSN 2079-2638

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2026
© Авторы статей, 2026

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Лексикология и словообразование / Lexicology and Word Formation

<i>Мосинец А.Г.</i> Предложения необходимого основания в болгарском языке	5
<i>Mosinets A.G.</i> Purpose Clauses with Deontic Modals in Bulgarian	5
<i>Селеменева О.А.</i> Квазикомпозиты с начальным компонентом травел- / трэвел- / тревел- в русском языке новейшего периода	12
<i>Selemeneva O.A.</i> Quasi-composites with the Initial Component "Travel" in the Russian Language of the Recent Years	12
<i>Турко У.И.</i> Семантика, функционирование и орфография неолексем с компонентом «ЭКО-»	19
<i>Turko U.I.</i> Semantics, Functioning and Spelling of Neolexemes with the Component "eco-"	19

Дискурс-анализ и прагматика / Discourse Analysis and Pragmatics

<i>Зуева А.И.</i> Способы выражения категории эвиденциальности в русскоязычном экологическом научном дискурсе	27
<i>Zueva A.I.</i> Ways of Expressing the Category of Evidentiality in the Russian-Language Environmental Scientific Discourse	27
<i>Попова О.П.</i> Топонимикон рекламных текстов сферы туризма Липецкой области	36
<i>Popova O.P.</i> Toponymy of Advertising Texts in the Tourism Sector of Lipetsk Region	36

Лингвопоэтика и семантика / Linguopoetics and Semantics

<i>Бугакова Н.Б., Скуридина С.А.</i> Термин родства <i>мать</i> в ранней прозе А. Платонова ...	44
<i>Bugakova N.B., Skuridina S.A.</i> The Term "Mother" in A. Platonov's Early Prose	44
<i>Бурцев В.А.</i> Описание особенностей текста «Окаянных дней» И.А. Бунина в терминах модели «Тема-Приемы выразительности-Текст»	52
<i>Burtsev V.A.</i> Description of the Features of the Text "The Cursed Days" by I.A. Bunin in Terms of the "Theme-Expressive techniques-Text" Model	52

Поэтика текста и история русской литературы / Poetics of the Text and the History of Russian Literature

<i>Кенжебаева С.Ж.</i> Коллекционирование как дело: письма детей А.М. Горькому о марках (по материалам Архива А.М. Горького)	62
<i>Kenzhebaeva S.Zh.</i> Collecting as a Work: Children's Letters to A.M. Gorky about Stamps (Based on Materials from the A.M. Gorky Archive)	62
<i>Куприянова А.А.</i> Мотив разговора мертвого правителя с живым потомком в романе «Седьмая стража» П.Л. Проскурина	70
<i>Kupriyanova A.A.</i> The Motif of a Dead Ruler's Conversation with a Living Descendant in the Novel "The Seventh Watch" by P.L. Proskurin	70
<i>Сапрыкина М.В.</i> Поэтика и функционирование жанровых мотивов «последнего стихотворения» в творчестве Б.А. Слуцкого. Статья третья	77
<i>Saprykina M.V.</i> Poetics and Functioning of the Special Genre Motifs of "The Last Poem" in the Work of B. Slutsky. The Third Article	77

Сапунова И.П. Мифопоэтический хронотоп в романах А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», З. Прилепина «Обитель», Г.Ш. Яхиной «Дети мои»	84
Sapunova I.P. Mythopoetic Chronotope in the Novels of A.P. Chudakov "The Glamour Falls on the Old Steps", Z. Prilepin "The abode", G.Sh. Yakhina "My Children"	84

Компаративистика и рецептивная эстетика / Comparative Linguistics and Receptive Aesthetics

Ван Луяо, Аминева В.Р. Символика белого цвета в лирике Анны Ахматовой и Шу Тин: опыт сопоставления	92
Wang luyao, Amineva V.R. The Symbolism of the White Color in the Lyric Poetry of Anna Akhmatova and Shu Ting: A Comparative Study	92
Ли Юньчжу, Аминева В.Р. Компаративистский дискурс в монографии Ян Чжэнсяня «Этюд об Анне Карениной»	100
Li Yunzhu, Amineva V.R. Comparativist Discourse in Yang Zhengxian's Monograph "A Study of Anna Karenina"	100
Стрепетова М.А., Ковальчук Л.А. Религия и творчество: «язычество» католика Мориака в жизни и в литературе	109
Strepetova M.A., Kovalchuk L.A. Religion and Creativity: Catholic Mauriac's «Paganism» in Life and Literature	109

Рецензии / Reviews

Паикуров А.Н. «По спирали времени...» (Рецензия на книгу: Автухович Т.Е. «Массовая литература XVIII и XXI вв. как культ-товар: параллели и соответствия» ...	120
Pashkurov A.N. "In Time Spiral..." (Book Review: Avtukhovich T.E. "Popular Literature of the 18th and 21st Centuries as Cultural Goods: Parallels and Matches"	120
Для авторов	123

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ / LEXICOLOGY AND WORD FORMATION

А.Г. Мосинец
A.G. Mosinets

ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕОБХОДИМОГО ОСНОВАНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

PURPOSE CLAUSES WITH DEONTIC MODALS IN BULGARIAN

Цель исследования – описать структурные и семантические свойства предложений необходимого основания в болгарском языке, а также выяснить их структурные и семантические отличия от собственно-целевых предложений. В статье на основании корпуса примеров из произведений болгарской художественной литературы XX–XXI вв., а также параллельного корпуса болгарских и русских текстов выделяются две структурные разновидности болгарских предложений необходимого основания. Обязательным структурным элементом главной части таких предложений является наличие модального глагола трябва (или его синонимов, модальных слов типа необходимо, нужно) или же личного спрягаемого глагола трябвам (или его синонимов нужен, иска се и др.). В качестве средства связи в предложениях необходимого основания, как правило, выступает союз за да (реже – другие целевые союзы), являющийся наиболее распространенным целевым союзом в болгарском языке. В статье уделяется внимание матричным предикатам, употребляемым в главной части: это могут быть как предикаты контролируемого действия, так и предикаты неконтролируемого действия, включая глагол-связку съм. Описываются возможность препозиции или постпозиции придаточной части, особенности постановки отрицания. В результате исследования установлено, что в зависимости от лексического наполнения главной части (содержится ли в ней предикат контролируемого или неконтролируемого действия, присутствует ли указание на логический вывод говорящего, употреблен ли глагол съм в эпистемическом значении) в предложениях необходимого основания происходит модификация целевой семантики вплоть до полной ее утраты, когда данные предложения получают условно-следственное значение или причинно-аргументирующее.

Ключевые слова: болгарский язык, предложения необходимого основания, синтаксис болгарского языка, предложения с целевыми союзами.

The aim of the study is to describe the structural and semantic properties of sentences of purpose with deontic modals in Bulgarian, as well as to determine their structural and semantic differences from the sentences of purpose. Based

on a corpus of examples from works of Bulgarian fiction of the 20th–21st centuries, as well as a parallel corpus of Bulgarian and Russian texts, the article identifies two structural types of such sentences in Bulgarian. An obligatory structural element in the main clause of such sentences is the presence of the modal verb *трябва* or the personal conjugated verb *трябвам*. The conjunction *за да* (less frequently – other purpose conjunctions) typically serves as the connective, being the most common purpose conjunction in Bulgarian. The article focuses on the matrix predicates used in the main clause: these can be predicates of controlled action as well as predicates of non-controlled action, including the copula verb *съм*. The possibility of preposition or postposition of the subordinate clause, as well as features of negation placement, are described. The research has established that, depending on the lexical content of the main clause (whether it contains a predicate of controlled or non-controlled action, whether it indicates the speaker's logical inference, or whether the verb *съм* is used as epistemic one), the purposive semantics in sentences with deontic modals undergoes modification, up to its complete loss, and these sentences might acquire a conditional-consequential or a causal-argumentative meaning.

Key words: Bulgarian language, purpose sentences with deontic modals, Bulgarian syntax, purpose clauses.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-5-11

К предложениям необходимого основания относятся предложения, в состав главной части которых входит модальное слово со значением необходимости и долженствования, а придаточная часть которых вводится целевыми союзами. Материал для исследования был отобран из произведений болгарской художественной литературы XX–XXI вв. (Б. Райнов, П. Вежинов, П. Христов, Б. Априлов, Д. Димов), а также параллельного корпуса болгарских и русских текстов.

Предложения необходимого основания не являются собственно целевыми по своей семантике, однако сохраняют с ними связь, так как значение цели тесно связано со значением модальных слов необходимости, являющихся неотъемлемой частью рассматриваемых конструкций: «нужно может быть только то, что направлено на достижение некоторой цели» [1, 24]. И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер предлагают следующее толкование подобных предложений: «существует цель Q субъекта ситуации Р такая, что если он не сделает Р, то либо цель Q вообще не будет достигнута, либо достижение ее затруднится» [6, 173]. По мнению И.Б. Левонтиной, предложения рассматриваемого типа представляют собой непрототипическую цель, потенциальную либо конвенциональную. При потенциальной цели отсутствует указание на желательность результата – результат рассматривается как «такой, которого можно и естественно желать»: *Чтобы доехать отсюда до работы, мне нужно полчаса, а чтобы доехать до дома – час, так что поеду лучше на работу*. Конвенциональная цель присутствует в полемике в качестве «допущения для удобства рассуждения»: *Чтобы простудиться, мне нужно два часа стоять на морозе* [8, 220–221].

Одно из главных отличий предложений необходимого основания от собственно целевых состоит в том, что они могут содержать в главной части глаголы неконтролируемого действия, что невозможно в чисто целевых предложениях. Известно, что неконтролируемые предикаты не способны присоединять целевое расширение: *Камень упал, чтобы ушибить собаку [2, 69]. Даже обычно контролируемые предикаты не присоединяют целевое расширение, если речь идет о демиактивной ситуации: Но я плачу не для вас: мне просто плачется – *Мне плачется не для вас, а просто так [2, 79–80]. Придаточные предложения с союзом *чтобы*, присоединяясь к неконтролируемым предикатам, утрачивают целевое значение: Пастер умер от чумы, чтобы навсегда остаться в памяти потомков [3, 31]. Однако в предложениях необходимого основания такие примеры

возможны: *Чтобы научиться реагировать адекватно и быстро, человеку нужно не один раз оказаться в подобной ситуации* [4, 321]. В таком случае целевое значение ослабляется или полностью утрачивается, уступая место отношениям условия-следствия [7, 241]. Поэтому некоторые исследователи рассматривали подобные конструкции в рамках условных. С.Г. Ильенко относит такие предложения к условно-целевым, считая их синонимичными условным предложениям с модальными глаголами желания [5, 299]. С.В. Степанюк относит их к условным, исходя из теории дифференциальных различий, уточняя, что некоторые примеры осложняются также смыслом «назначение» [12, 79–80].

В «Русской грамматике» предложения необходимого основания рассматриваются в рамках целевых, при этом выделяется несколько их семантических разновидностей. Модальное слово может подчеркивать: 1) соответствие признака именно данному его носителю; 2) недопустимость ситуации, о которой говорится в придаточной части; 3) парадоксальность сложившейся ситуации [11, 595].

Основные структурные разновидности предложений необходимого основания в болгарском языке. В нашем корпусе примеров предложений необходимого основания придаточная часть, за исключением единичных случаев, вводится союзом *за да*, который является основным собственно целевым союзом в болгарском языке и не используется в других видах придаточных предложений: *Ще трябва да дойдеш, за да направим протокола* (Б. Райнов). – 'Тебе нужно будет прийти, чтобы составить протокол'. Примеры с другими целевыми союзами (*да*, *та да*, *за да не би да*) малочисленны, например: *Тези праскови трябва да се изядат бавно, да им се усети сладостта* (Б. Априлов). – 'Эти персики необходимо есть медленно, чтобы почувствовать их сладость'; *Трябваше да превърнем планетата в помийна яма, та да се сетим: брей, абе какво става с околната среда!* (Б. Райнов). – 'Нам понадобилось превратить планету в помойку, чтобы одуматься: ах, что же происходит с окружающей средой!' Редкое употребление союза *да* в таких предложениях, несмотря на то, что он, наряду с *за да*, является одним из наиболее распространенных союзов цели в болгарском языке, может объясняться, во-первых, его многозначностью (он выступает в качестве средства связи в изъяснительных, условных и др. типах предложений), во-вторых, наличием *да*-конструкции в главной части. В тех случаях, когда два целевых придаточных относятся к одной главной клаузе, в первом из них используется союз *за да*, во втором, как правило, союза *да*, например: *Като излезе от стаята ѝ, той отиде в една дрогерия и купи спринцовка, спиртна лампа и някои други принадлежности, които бяха необходими, за да приготви стерилен разтвор от морфина и да го инжектира без опасност от инфекция* (Д. Димов). – 'Выйдя из ее комнаты, он пошел в аптеку и купил шприц, спиртовку и другие принадлежности, которые были необходимы, чтобы приготовить стерильный раствор морфина и чтобы безопасно его вколоть'.

В нашем материале выделяются две структурных разновидности предложений необходимого основания. В первой из них в главной части содержится неизменяемый модальный глагол *трябва*, выступающий как часть составного глагольного сказуемого, во второй – спрягаемый глагол *трябвам*. Рассмотрим каждую из данных разновидностей отдельно.

1. Предложения с модальным глаголом *трябва* в главной клаузе ('трябва + да конструкция ... за да')

Это наиболее распространенная конструкция предложений необходимого основания в нашем материале. Несмотря на определенную семантическую близость собственно-целевым предложениям, предложения необходимого основания не указывают на желание субъекта предпринять действие, указанное в главной части, для достижения своей цели, а лишь на необходимость осуществления действия главной части для наступления ситуации придаточной: *Трябва да се видя с тоя тип, за да се разберем веднаж завинаги* (Б. Райнов). – 'Мне нужно увидеться с этим типом, чтобы покончить с этим раз и навсегда' [см. 10]. Такие предложения, как пример выше, наиболее близки собственно-целевым: матричный глагол

в главной части представлен предикатом контролируемого действия; присутствует канонический субъект целеполагания, то есть личность, способная стремиться к какой-либо цели и предпринять осознанные действия для ее достижения.

В каноническом понимании цель субъективна, она принадлежит интимной сфере субъекта и связана с его желаниями. Обобщенно-личные по своему типу предложения необходимого основания, даже имея предикат контролируемого действия в главной части, отдаляются от собственно-целевых предложений, так как канонический субъект целеполагания в них уступает место непрототипическому, обобщенному субъекту, который понимается как все люди вообще и каждый человек в отдельности [9, 47]: *За да усетиш напълно насладата от лежането, трябва понякога и да ставаш* (Б. Райнов). – 'Чтобы полностью ощутить наслаждение от лежания, нужно иногда вставать'.

Главная часть данных предложений может содержать и предикат неконтролируемого действия: *Трябваше да падам неведнаж, за да се убедя, че умея да го правя* (Б. Райнов). – 'Мне нужно было не раз упасть, чтобы убедиться в том, что я умею это делать' (глагол *упасть* не всегда обозначает неконтролируемое действие (см. [13, 160–162], однако в данном контексте действие не поддается контролю субъекта). В таких случаях вместо целевой на первый план выступает условно-следственная связь между двумя ситуациями.

Рассмотрим еще один пример: *<...> един дом е като една цигулка или една лула, изобищо нещо, което трябва да бъде добре разработено и порядъчно да остарее, за да добие душа и характер* (Б. Райнов). – '...дом – как скрипка или трубка, то есть что-то, что должно быть хорошо сконструировано и изрядно состариться, чтобы обрести душу и характер'. В данном примере также отсутствует канонический субъект целеполагания, а его место занимает предмет (в данном случае дом, скрипка, трубка), или квази-субъект [9, 47], лишенный сознательной деятельности, что невозможно в собственно целевых предложениях.

Целевая связь между частями предложения уступает место условно-следственной и при наличии в главной части предложений необходимого основания *да*-конструкции с глаголом *съм* в функции связки. Тогда главная клауза содержит указание на признак или качество субъекта (выраженный прилагательным или, реже, существительным), наличие которого обязательно для осуществления ситуации зависимой клаузы (соответствие признака именно данному его носителю в классификации «Русской грамматики»): *За да я [Лорелея] види човек, трябва да бъде или поет, или луд – каза Бенц* (Д. Димов). – 'Чтобы увидеть ее [Лорелею], нужно быть или поэтом, или сумасшедшим, – сказал Бенц'.

В ряде предложений необходимого основания в нашем корпусе придаточная часть не имеет гипотетического значения. В ней указывается реальная ситуация, наблюдаемая говорящим в действительности, причем, как правило, парадоксальная (ср. [11, 595]): *Е, наистина съдба, казах си, трябвало е да стигнеш до края, за да намериш изхода, трябвало е да останеш без нито един близък човек, за да откриеш баща си* (Б. Райнов). – 'Да, это и правда судьба, сказала я себе, надо было дойти до самого края, чтобы найти выход, надо было остаться без единого близкого человека, чтобы найти отца'.

Вместо безличного глагола *трябва* в главной части предложений необходимого основания могут употребляться (реже) другие модальные слова типа *необходимо*, *нужно*: *Изглежда, необходимо е нещо да те тресне по главата, за да си отвориш очите и да прогледаш* (Б. Райнов). – 'Похоже, необходимо, чтобы что-то ударило тебя по голове, чтобы ты открыл глаза и прозрел'.

Среди предложений необходимого основания выделяются случаи, когда модальный глагол *трябва* употреблен как эпистемический, то есть означает высокую вероятность ситуации (см. [4, 113]). Тогда предложение, которое по своей структуре является предложением необходимого основания, получает другое значение – причинно-аргументирующее: *И животът му с Мария трябва да бе станал непоносим, за да прави това* (Д. Димов). – 'Его жизнь с Марией, должно быть, стала невыносимой, раз он так делает'. Главная часть в данном примере не содержит указания на необходимое

для достижения цели действие, а является логическим выводом, сделанным на основе ситуации в зависимой клаузе. Еще больше отдаляет такие предложения от чисто целевых то, что в придаточной части указана реальная ситуация, наблюдаемая говорящим, в то время как цель всегда ирреальна и относится к плану будущего.

2. Предложения с личным глаголом *трябвам* в главной клаузе ('трябва + N ... за да')

Второй тип предложений необходимого основания – предложения со спрягаемым глаголом *трябвам* в главной части и с последующим указанием на объект или качества, обладание которыми является условием, необходимым для осуществления ситуации, указанной в придаточной части: *За да парирам бойкота, ми трябва тъкмо една солидна фирма* (Б. Райнов). – 'Чтобы парировать бойкот, мне как раз нужна солидная фирма' [см. 10].

Данные предложения близки конструкциям первого типа с глаголом *има* (*имам*) в составе сказуемого в главной клаузе, где также идет речь о необходимости какого-либо объекта для осуществления ситуации придаточной части: *Да, но за да има почивка, все пак трябва да има умора* (П. Вежинов). – 'Чтобы был отдых, должна быть и усталость'.

Вместо глагола *трябвам* в главной части могут выступать его синонимы, такие как лексемы *нужен, необходим, иска се, имам нужда* например: *Защото, за да бъдеш добър карьерист, се искат талант и способности, както за всяка друга работа* (П. Вежинов). – 'Чтобы быть карьеристом, необходимы способности и талант, как и для любой другой работы'; *За да намериш добра квартира, са необходими добри познания* (Б. Райнов). – 'Чтобы найти хорошую квартиру, необходимы хорошие связи'. Использование синонимов глагола *трябва* позволяют отступать от четкой структуры предложений, где придаточная часть отнесена к глаголу-сказуемому главной части. Например, в следующем примере придаточная часть относится к согласованному определению: *Ван Алтен е само дребна подробност в сложната комбинация, необходима, за да разтвориш стоманения шкаф на касата «Зодиак»* (Б. Райнов). – 'Ван Альтен лишь маленькая деталь в сложной комбинации, необходимая, чтобы открыть стальной сейф «Зодиака»'.

В следующем примере глагол *трябва* или его стандартные синонимы в главной части отсутствуют, однако его ситуативным синонимом становится глагол *съм* с отрицанием и прилагательным *излишен*: *Подир всяка операция, подобна на моята френска история, една пауза не е излишна, за да може моторът да изтине* (Б. Райнов). – 'После такой операции, как моя французская история, перерыв не является лишним, чтобы мотор мог остыть'.

В главной части предложений второго типа отсутствует предикат контролируемого действия, как и указание на необходимость предпринимать какое-либо действие в целом. Его место занимает указание на предмет, необходимый для достижения потенциальной цели. Часто такие предложения являются обобщенно-личными, то есть в них отсутствует канонический субъект целеполагания, а его место занимает обобщенный субъект. Все это приближает данные предложения к предложениям с условно-следственной связью.

Позиция придаточной части. Позиция придаточной части в рассматриваемых предложениях свободна. Уточним, что препозиция придаточной части зафиксирована только в предложениях, где средством связи выступает союз *за да*. Это объясняется тем, что союз *за да* является чисто целевым союзом в отличие от многозначного союза *да*, поэтому вероятность неверной интерпретации построенного таким образом сообщения исключается.

Придаточные предложения, оформленные с помощью союзов цели, в случае присоединения к предикатам неконтролируемого действия утрачивают целевое значение. Препозиция придаточной части в таком нецелевом предложении становится невозможна [3, 31], что является верным и для болгарского языка. Однако в случае с предложениями необходимого основания способность к препозиции придаточной части сохраняется даже при предикатах неконтролируемого действия: *Аз рядко съм в настроение. Предполагам, че за да бъде човек в настроение, трябва да има известна причина* (Б. Райнов). – 'Я редко бываю в хорошем настроении. Предполагаю, что,

чтобы человек был в настроении, *должна иметься причина*'; *Утре няма да съм тук. Но за да не бъда тук, паспортът трябва да е в джоба ми* (Б. Райнов). – 'Завтра меня здесь не будет. Но чтобы меня тут не было, паспорт должен быть у меня в кармане'. В данном случае порядок частей диктуется ходом рассуждения говорящего: придаточное предложение является темой, опираясь на предыдущее высказывание, и становится в препозицию к главной части.

Интерпозиция придаточного предложения также возможна – это единичные случаи с союзом *за да*: *А мисълта, за да добие значение, трябва да породи действие* (Б. Райнов). – 'А мысль, чтобы получить какое-то значение, должна породить действие'; *Че мъжът, за да получи нещо, трябва да похарчи пари, връзки, време, да напира с нокти и зъби, а жената, какво?* (Б. Райнов) – 'Мужчина, чтобы получить что-либо, должен потратить деньги, связи, время, впиваться когтями и зубами, а женщина что?'

В случае диалогической речи возможно опущение главной части в ответной реплике, если она следует из вопроса: – *Защо ти е притрябвал?* – *Да му задам няколко въпроса* (Б. Априлов). – 'Зачем он тебе понадобился? – Чтобы задать ему несколько вопросов'.

Заключение. В предложениях необходимого основания, хотя они и оформлены с помощью союзов цели, происходит модификация целевой семантики. В качестве обязательного структурного элемента в главной части таких предложений присутствуют лексемы необходимости. Позиция придаточной части в таких предложениях не закреплена: возможна как препозиция, так и (реже) интерпозиция.

Предложения необходимого основания сохраняют связь с целевым значением, которая особенно проявляется при наличии канонического субъекта целеполагания и предиката контролируемого действия в главной части. Однако рассматриваемые предложения отличаются от собственно-целевых отсутствием указания на то, что субъект намеревается совершить какое-либо осознанное действие для достижения цели, указанной в придаточном предложении. Однако при наличии у субъекта желания или намерения достичь цели, обозначенной в придаточной части, ему необходимо совершить действие, указанное в главной клаузе. Место канонического субъекта целеполагания может занимать обобщенный субъект или квази-субъект.

Среди предложений необходимого основания можно выделить две структурные разновидности: конструкции с модальным глаголом *трябва* как частью составного глагольного сказуемого в главной клаузе, где выражается необходимость совершения какого-либо действия для достижения цели, и предложения с личным глаголом *трябвам* и последующим существительным в главной части, где выражается необходимость обладания каким-либо объектом (наличия абстрактного предмета) для осуществления ситуации придаточной части.

В случае если в главной части употребляется предикат неконтролируемого действия или глагол *съм* в функции связочного и прилагательное либо существительное в качестве именной части сказуемого, между частями наблюдается условно-следственная связь.

Предложения, где в главной части содержится вывод или предположение (глагол *трябва* употребляется в эпистемическом значении), а в придаточной – реальная ситуация, получают причинно-аргументирующее значение, или значение обоснования.

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. С. 3–42.
2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / под ред. О.Н. Селиверстовой. М., 1982. С. 7–85.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
4. Иванова Е.Ю., Градинарова А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М., 2015.

5. Ильенко С.Г. К вопросу о сложноподчиненном предложении с придаточным цели в современном русском языке // Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды / вступ. ст. М.Я. Дымарского, И.Н. Левиной. СПб, 2003. С. 293–303. [Серия: «Герценовская антология»].
6. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка. М., 1991. С. 169–175.
7. Кутова Г.И. Синтаксис современного русского языка. Курс лекций. М., 2013.
8. Левонтина И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.
9. Левонтина И.Б. Целесообразность без цели // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 42–57.
10. Мосинец А.Г. Сложные предложения с придаточными цели и причины в болгарском языке (на фоне русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2018.
11. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
12. Степанюк С.В. Дифференциальные признаки синтаксической категории цели // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1976. № 1. С. 76–82.
13. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: [сборник статей] // Академия наук СССР, Институт языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1989. С. 155 – 185.

Информация об авторе

Анастасия Геннадьевна Мосинец,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9.
Кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры славянской филологии.
Научные интересы: болгарский язык,
синтаксис.
ORCID ID: 0000-0001-8439-0373
SPIN-код: 4417-6630, AuthorID: 892591
E-mail: a.mosinets@spbu.ru

Поступила в редакцию 23.01.2026;
одобрена после рецензирования 27.02.2026;
принята к публикации 27.02.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the author

Anastasiya G. Mosinets,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia).
199034, Russia, St Petersburg,
7–9 Universitetskaya Embankment.
Candidate of Sciences in Philology,
Senior Lecturer of the Department
of Slavic Philology.
Research interests: Bulgarian language,
syntax.
ORCID ID: 0000-0001-8439-0373
SPIN-code: 4417-6630, AuthorID: 892591
E-mail: a.mosinets@spbu.ru

The article was submitted 23.01.2026;
approved after reviewing 27.02.2026;
accepted for publication 27.02.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Мосинец, А.Г. Предложения необходимого основания в болгарском языке // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 5–11. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-5-11.

For citation: Mosinets, A.G. Purpose clauses with deontic modals in Bulgarian // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 5–11. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-5-11.

Права: © А.Г. Мосинец (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

О.А. Селеменова
O.A. Selemenewa

КВАЗИКОМПОЗИТЫ С НАЧАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ ТРАВЕЛ- / ТРЭВЕЛ- / ТРЕВЕЛ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

QUASI-COMPOSITES WITH THE INITIAL COMPONENT "TRAVEL" IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE RECENT YEARS

В статье затронута проблема развития русского языка в первой четверти XXI в., в частности вопрос композитообразования при языковом трансфере. Актуальность темы обусловлена совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов: интересом отечественных лингвистов к причинам языковых изменений и содержательным характеристикам новейшего этапа в истории русского языка, быстрым ростом индустрии туризма и гостеприимства в России, активизацией вхождения иноязычной лексики в русский язык ввиду глобализационных процессов, непрекращающимся поиском номинаций новых понятий с целью заполнения существующих лакун. Предметом исследования служит группа сложных имен существительных – квазикомпозитов с начальным компонентом травел- / трэвел- / тревел-, восходящему к английскому глаголу travel в значении 'путешествовать'. Установлено, что в современных лингвистических словарях пока зафиксировано только 2 квазикомпозита с рассмотренным иноязычным элементом, в Национальном корпусе русского языка (основной подкорпус) – 7, а в текстах научного, рекламного и туристического дискурсов – 47. С учетом контекста сформулированы дефиниции собранных квазикомпозитов, выявлены единицы, имеющие несколько значений (травел-формат / трэвел-формат / тревел-формат; травел-программа / трэвел-программа / тревел-программа и др.). Отмечены квазикомпозиты, построенные как по заимствованной модели, при которой оба компонента восходят к английскому языку (трэвел-райтер / тревел-райтер; трэвел-шоу / тревел-шоу и др.), так и по контаминированной, когда первый компонент восходит к английскому, а второй – к русскому языку (трэвел-передача / тревел-передача; трэвел-услуга / тревел-услуга и др.). Более предпочтительными в письменной коммуникации оказываются квазикомпозиты с графемами Э / Е в начальном иноязычном элементе. Автор приходит к выводу о необходимости установить единообразие в написании квазикомпозитов с элементом травел- / трэвел- / тревел- и произвести полную инвентаризацию этих и подобных сложных слов.

Ключевые слова: этапы развития русского языка, иноязычная лексика, квазикомпозит, графема, графо-фонетический вариант.

The article addresses the issue of the development of the Russian language in the first quarter of the 21st century, particularly the problem of composite formation in language transfer. The relevance of the topic is due to the combination of linguistic and extralinguistic factors: the interest of Russian linguists

in the causes of language changes and the content characteristics of the recent years in the history of the Russian language, the rapid growth of the tourism industry and hospitality in Russia, the increased use of foreign vocabulary in the Russian language due to globalization processes, and the ongoing search for new concepts to fill the resulting gaps. The subject of the study is a group of compound nouns – quasi-composites with the initial component "травел- / трэвел- / тревел-", which is derived from the English verb "travel". It has been established that only 2 quasi-composites with the considered foreign element have been recorded in modern linguistic dictionaries, 7 in the National Corpus of the Russian Language (the main subcorpus), and 47 in scientific, advertising, and tourism discourse texts. Based on contextual usage, the definitions of the collected quasi-composites are formulated, and units with different meanings are identified (травел-формат / трэвел-формат / тревел-формат; травел-программа / трэвел-программа / тревел-программа and others). Quasi-composites are marked, both according to the borrowed model, in which the components are derived from English (трэвел-райтер / трэвел-райтер; трэвел-шоу / тревел-шоу, etc.), and according to the contaminated model, in which the first component is derived from English and the second component is derived from Russian (трэвел-передача / тревел-передача; трэвел-услуга / тревел-услуга, etc.). Quasi-composites with graphemes "Э / E" in the initial foreign-language element are more preferable and competitive in written communication. The author concludes that it is necessary to establish uniformity in the spelling of quasi-composites with the element "травел- / трэвел- / тревел-" and to conduct a complete inventory of these compound words.

Key words: *stages of the Russian language development, foreign vocabulary, quasi-composite, grapheme, grapho-phonetic variant.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-12-18

Исторический период развития русского языка, начавшийся примерно с 1985 г. и продолжающийся всю первую четверть XXI в., условно делят на два этапа, которые существенно различаются причинами языковых изменений и содержательными характеристиками: постсоветский (примерно с середины 80-х гг. XX в. до 2000 г. – 2002 г.) и собственно новейший (первая четверть XXI в.) [6, 18]. Если в постсоветский период среди причин языковых изменений называют открытость общества и его поляризацию, свободу слова, политический плюрализм, переход к рыночной экономике, социальную нестабильность, техническое перевооружение быта [17, 3–10; 2, 20–21], то в собственно новейший – глобализационные процессы, цифровизацию общества, распространение электронной коммуникации [6, 18]. Перечисленные причины обуславливают качественную разницу языковых изменений данных этапов. На первом этапе происходит перераспределение единиц между пассивным и активным запасами, фиксируется расширение значений ряда слов, развитие энантиосемии, изменения в функционировании видо-временных форм глаголов, отмечается рост именной префиксации, ослабление синтаксических связей, нарушения в согласовании, рост расчлененных синтаксических построений и т.д. [14; 1; 17; 16; 5]. На втором наблюдается детерминологизация единиц, активизация слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, расширение сочетаемости класса слов-интенсификаторов, появляются особые неударяемые, новые графическим знаки и т.д. [6; 11; 15; 19]. При всей постулируемой разнице выделяемых этапов новейшего развития языка существует явление, которое характеризует оба периода, – активизация вхождения иноязычной лексики. При языковом трансфере деривационный потенциал заимствованных слов отмечен действием таких факторов, как деэтимологизация, переразложение, гибридизация и композитообразование [3, 235].

Под композитами в системе русского словообразования понимают обычно сложные слова, т.е. те дериваты, «имеющие более чем одну мотивирующую основу» в своей

словообразовательной структуре (типа *торфоразработка*, *слепоглухонемой*, *зимостойкий* и под.) [18, 514–515]. От таких производных слов Е.В. Клобуков и С.В. Гудилова предлагают отличать квазикомпозиты, которые, с одной стороны, схожи с обычными композитами членимостью, возможностью выделения двух и более корней, с другой – отличны от них связанностью компонентов основы, ее непроизводностью и разной степенью членимости [8, 13–22].

Состав радикасоидов, принимающих участие в образовании квазикомпозитов русского языка, постоянно расширяется в силу постулируемого отечественными учеными тезиса о заимствованном характере хотя бы одной корневой морфемы в их структуре [8, 13]. Среди начальных связанных компонентов квазикомпозитов в русском языке новейшего периода называют *арт-*, *аудио-*, *биг-*, *веб-*, *директ-*, *пресс-*, *лофт-*, *промо-*, *топ-*, *сити-*, *смайт-*, *трансфер-*, *фитнес-* и др. [20, 51–52]. В этот ряд можно включить и иноязычный элемент, восходящий к английскому глаголу *travel* – 'путешествовать'.

Хотя этот радикасоид уже не сохраняет в русском языке графический облик языка-донора, все же полностью ассимилированным тоже не является. В лингвистических словарях русского языка фиксируются графо- и фоноварианты нескольких сложных слов с рассматриваемым компонентом. Например, в словаре «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (под ред. Т.Н. Бурцевой и Е.А. Левашова), который является четвертым в серии лексикографических изданий, представляющих с 1971 г. новую русскую лексику по десятилетиям, указаны два варианта квазикомпозита, обозначающего 'туристический финансовый чек, выдаваемый банком на определенную сумму, который путешественник может получить в иных банках, поставив свою подпись', – *трэвел-чек* и *трэвел-чэк* [10, т. 3, 1125]. В «Словаре композитов русского языка новейшего периода» Н.В. Габдреевой и М.Т. Гурчиани также приводятся графо-фонетические варианты этой же лексемы: *трэвелер-чек*¹ / *трэвел-чек* [4, 215]. Помимо этого, регистрируется еще один квазикомпозит с рассматриваемым иноязычным элементом с графемами *Э* и *Е* – *трэвел-предложение* / *трэвел-предложение* в значении 'предложение, рекламирующее отдых в той или иной стране' [4, 215].

Обращение к данным Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [9] позволяет сделать несколько интересных наблюдений:

- при составлении «Портрета слова» первое упоминание в корпусе варианта *трэвел* датируется 1965–1994 гг., а *трэвел* – только 2001 г.; вариант *травел* вообще не отмечен;
- частотность иноязычного элемента в текстах, включенных в НКРЯ, низкая. В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка, насчитывающем 133 554 текста и 389 471 513 слов, вариант *трэвел* зафиксирован в 29 примерах из 19 текстов, а *трэвел* – 22 примерах из 15 текстов;
- сфера функционирования *трэвел* охватывает художественные и нехудожественные тексты, а *трэвел* – только нехудожественные тексты.

Всего в НКРЯ обнаружено 7 квазикомпозитов с двумя вариантами написания радикасоида (только с графемами *Э* или *Е*): *трэвел-агент* ('специалист, оказывающий помощь в планировании, организации и бронировании путешествия')², *трэвел-тема* ('тема, главный предмет обсуждения которой – путешествие'), *трэвел-райтер* ('человек, создающий контент о путешествиях, включая статьи, обзоры, посты в блогах, социальных сетях'), *трэвел-коллекция* ('круизная коллекция, межсезонная коллекция модных домов, предвещающая основную коллекцию и показ'), *трэвел-журналистика* ('направление в массмедиа, предметом рассмотрения, описания и анализа которого выступает информация, связанная с путешествием и туризмом'), *трэвел-размер* ('небольшой размер продуктов, каких-л.

¹ Возводят этот вариант начального компонента квазикомпозита к англ. *traveler* – 'путешественник' [4, 215].

² Поскольку подобные квазикомпозиты в Толковых словарях русского языка еще не отмечены, дефиниции сформулированы здесь и далее нами.

средств (шампунь, кондиционер, жидкое мыло и т.д.) для ручной клади') и *трэвел-репортаж* ('тематическая разновидность журналистской деятельности, в которой путешествие выступает как средство обращения журналиста к каким-либо социально-культурным явлениям или проблемам других культур, стран и народов').³

Поскольку основная сфера функционирования сложных слов с рассматриваемым иноязычным компонентом, согласно данным НКРЯ, – нехудожественные тексты, мы обратились к текстам научного, рекламного и туристического дискурсов. Анализ публикаций двух российских научных электронных библиотек КиберЛенинка (<https://cyberleninka.ru/>) и eLIBRARY.RU (<https://www.elibrary.ru/>), контента отечественного журнала путешествий «Russian Traveler» за 2020–2025 гг. (<https://itraveler.ru/>) и некоторых сайтов крупных туроператоров и турагентств (PEGAS Touristik, <https://pegast.ru/>, Интурист, <https://inturcom.ru/>, TEZ TOUR, <https://teztr.ru/>) позволил сделать несколько выводов.

1. Для рассматриваемого иноязычного компонента ряда квазикомпозитов фиксируется уже не два, а три возможных варианта написания – с графемами *А*, *Э* и *Е*: *травел- / трэвел- / тревел-*. Например: *травел-грант / трэвел-грант / тревел-грант* в значении 'субсидия, спонсорская помощь, выделяемая для участия в профессиональной стажировке, конференции, тренинге и других образовательных тематических программах'. Или: *травел-программа / трэвел-программа / тревел-программа*. Этот квазикомпозит зафиксирован уже в двух значениях: 1) 'индивидуальная программа путешествия, учитывающая предпочтения туриста: от насыщенности программы и условий проживания до бюджета и времени на отдых'; 2) 'телевизионный жанр, который сочетает в себе элементы документального фильма, образовательной программы, развлекательного ток-шоу'; *травел-журналист / трэвел-журналист / тревел-журналист* ('журналист, создающий контент о путешествиях, туризме, изучении новых мест и культур') и др. Наличие одного иноязычного радикала с тремя графемами для краткого английского звука [æ] (нечто среднее между [э] и [а] в русском) – показатель процесса освоения заимствованного элемента русским языком, когда предпринимаются попытки учесть «как влияние языка-донора, так и требования языка-рецептора» [3, 228].

2. Количество функционирующих квазикомпозитов в письменных текстах указанных дискурсов гораздо больше, чем зафиксировано в НКРЯ. Было отмечено 47 сложных слов. Например: *травел-блог / трэвел-блог / тревел-блог* ('блог о путешествиях, в котором автор делится своим опытом, рассказывает о новых местах и культурах'); *травел-формат / трэвел-формат / тревел-формат* в двух значениях (1) 'современная концепция организации путешествий, характеризующаяся интеграцией в местную культуру, персонализацией опыта, отсутствием массовых экскурсий, гибким и удобным маршрутом'; 2) 'миниатюры средств для путешествий, например, косметика во флаконах и пузырьках объемом не более 100 мл'); *трэвел-блогинг / тревел-блогинг* ('деятельность по созданию и ведению блогов, посвященных путешествиям автора'); *трэвел-журнал / тревел-журнал* ('специализированное печатное издание, которое размещает информацию о путешествиях, истории, географии, культуре, искусстве, туризме в вербальной и визуальной формах'); *трэвел-издание / тревел-издание* ('специализированное издание, которое публикует тексты о путешествиях'); *трэвел-контент / тревел-контент* ('различные материалы о путешествиях, помогающие аудитории планировать поездки, получать информацию о месте отдыха, достопримечательностях'); *трэвел-отзыв / тревел-отзыв* ('отзыв о туристических услугах или сервисах'); *трэвел-практики / тревел-практики* ('туристические практики, предполагающие не только отправление в конкретную точку земного шара, но и путешествие внутри своей страны, города и даже дома с использованием современных цифровых технологий'); *трэвел-приложение / тревел-приложение* ('мобильное приложение, которое помогает планировать путешествия,

³ Собственные имена типа «Панорама-трэвел», «ИКАР-ТРЭВЕЛ», «Бунгало-тревел» и др., т.е. искусственные номинации агентств, предприятий, фирм, мы здесь не рассматриваем.

бронировать жилье, авиабилеты и экскурсии»); *трэвел-текст* / *тревел-текст* ('тип текста СМИ, выступающий результатом совершенного автором путешествия, обладающий признаками повествовательности, субъективности, выполняющий просветительскую функцию') и др.

Зарегистрированные слова построены по разным моделям словосложения: заимствованной, когда оба компонента принадлежат языку-донору, и контаминированной, при которой в сложном слове один из компонентов возводится к языку-донору, а второй – к языку-рецептору [3, 235]. Например, в квазикомпозите *трэвел-шоу* / *тревел-шоу* ('жанр журналистики, фокусирующийся на путешествиях, культурных наблюдениях и взаимодействии с представителями разных этносов') оба компонента восходят к английскому языку и, соответственно, реализуется заимствованная модель – [англ. *travel* + англ. *show* ('показывать, демонстрировать')]. А вот в квазикомпозите *трэвел-передача* / *тревел-передача* ('телепередача, рассказывающая о путешествиях') – контаминированная модель [англ. *travel* + рус. *передача* в значении 'то, что передается по радио, телевидению')].

3. В условиях конкуренции более предпочтительными оказываются квазикомпозиты с графемами *Э* и *Е* в начальном компоненте, т.е. *трэвел-* и *тревел-*, а не *травел-*.

Так, в текстах научных публикаций, размещенных в библиотеке КиберЛенинка (<https://cyberleninka.ru/>),⁴ квазикомпозиты с элементом *тревел-* (лексемы *тревел-агентство*, *тревел-бот*, *тревел-инфлюенсер*, *тревел-консьерж*, *тревел-контент*, *тревел-литература*, *тревел-медиадискурс*, *тревел-менеджер*, *тревел-политика*, *тревел-проект*, *тревел-психотерапия*, *тревел-рынок*, *тревел-стартап*, *тревел-терапия*, *тревел-технология*, *тревел-услуга*, *тревел-фото*, *тревел-фотограф*, *тревел-эксперт* и многие др.) насчитывают более 540 употреблений в контекстах, с *трэвел-* (лексемы *трэвел-блогинг*, *трэвел-журналистика*, *трэвел-издание*, *трэвел-история*, *трэвел-маркетинг*, *трэвел-медиатекст*, *трэвел-репортаж*, *трэвел-текст*, *трэвел-телепередача*, *трэвел-передача* и др.) – около 600, а с *травел-* (квазикомпозиты *травел-программа*, *травел-формат*, *травел-блог*) – только 4.

Зачастую лингвисты отмечают неравноправность в русском языке лексических единиц с графемами *Е* и *Э*, полагая, что «численно преобладают первые» [7, 63]. В случае с рассматриваемым иноязычным элементом очевидно пока равноправие квазикомпозитов с *тревел-* и *трэвел-*. Необходимость установить единообразие имеющихся вариантов, выбрать унифицированную форму, не противоречащую правилам русского языка, произвести полную инвентаризацию, выполнить описание этих и подобных сложных слов, – задача будущего. Предпочтительным для всех отмеченных квазикомпозитов является, полагаем, вариант *тревел-*, поскольку, согласно правилам русской орфографии, рекомендовано в иноязычных словах после твердых согласных, чтобы не увеличивать количество слов-исключений, писать «в соответствующих случаях *е*» [12, 10]. Эксперты справочной службы портала «ГРАМОТА» – научные сотрудники Института русского языка РАН и других организаций – корректной передачей англ. *travel* по-русски тоже считают исключительно *тревел-*.⁵ А в «Русском орфографическом словаре» РАН под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой для квазикомпозита *тревел-чек* уже отмечен единственный вариант написания с графемой *Е* [13, 757].

Подвести итог нашим размышлениям хотелось бы словами известного советского и российского лингвиста Н.С. Валгиной: «Язык и время – извечная проблема исследователей. Язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке» [1, 4]. Развитие сферы туризма в первой четверти XXI в., возникновение и распространение новых форматов личного и профессионального общения существенно влияет на лексический состав русского языка

⁴ Запрос от 12.01.2026 г.

⁵ ГРАМОТА. Ответы справочной службы. URL: <https://gramota.ru/spravka/vopros/282992> (дата обращения: 02.02.2025).

в плане расширения терминологии и поиска номинаций новых понятий, способных заполнить имеющиеся лакуны. Компрессивность формы, семантическая емкость делают квазикомпозиты с иноязычным элементом *travel-* / *трэвел-* / *тревел-* заметной группой единиц в словарном составе русского языка новейшего периода.

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
2. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
3. Габдреева Н.В., Агеева А.В. Заимствование в русском языке новейшего периода: сопутствующие языковые процессы // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 225–240.
4. Габдреева Н.В., Гурчиани И.Т. Словарь композитов русского языка новейшего периода. 5-е изд., стер. М., 2024.
5. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: Исследования по социолингвистике и лингвокультурологии. Воронеж, 2013.
6. Загоровская О.В. Этапы развития русского языка в новейший период его истории (рубеж XX–XXI веков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 16–22.
7. Зюзина Е.А. Об употреблении букв Э и Е после согласных в словах иноязычного происхождения // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 3 (41). С. 62–64.
8. Клубуков Е.В., Гудилова С.В. Языковая специфика непрямых сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2001. Вып. 20. С. 12–25.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).
10. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. Т. 3: Паркомат – Я / под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашиова; Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2014.
11. Радбиль Т.Б., Ясаи Л., Палоши И. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 101–121.
12. Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. М., 1999.
13. Русский орфографический словарь: около 200000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. М., 2013.
14. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки славянских культур, 2000.
15. Сандакова М.В. Тенденция развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217–226.
16. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л.П. Крысин; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2008.
17. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века. Изд. 4-ое. Воронеж, 2004.
18. Улукханов И.С. Сложное слово // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
19. Фахрутдинова М.Т., Озтюрк Л.И. Роль лингвистического прогнозирования в нормализации русского языка новейшего периода // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 138–147.
20. Шишолова А.О. Типология новейших композитов русского языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 4 (192). С. 49–53.

Информация об авторе

Ольга Александровна Селеменова,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.

Information about the author

Olga A. Selemenewa,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Russia, Lipetsk region,
Yelets, Kommunarov str., 28.

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской филологии
и журналистики.
Научные интересы: литературная ономастика,
медиалингвистика.
ORCID ID: 0000-0002-0488-8428
SPIN-код: 4731-7091, AuthorID: 513229
E-mail: ol.semeneva2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.01.2026;
одобрена после рецензирования 25.02.2026;
принята к публикации 25.02.2026;
опубликована 20.03.2026.

Doctor of Sciences in Philology, Docent,
Professor of the Department of Russian Philology
and Journalism.
Research interests: literary onomastics, media
linguistics.
ORCID ID: 0000-0002-0488-8428
SPIN-code: 4731-7091, AuthorID: 513229
E-mail: ol.semeneva2011@yandex.ru

The article was submitted 25.01.2026;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 25.02.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Селеменова, О.А. Квазикомпозиты с начальным компонентом *travel-* / *трэвел-* / *тревел-* в русском языке новейшего периода // Филологос. 2026. № 1 (68). С. 12–18. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-12-18.

For citation: Selemenewa, O.A. Quasi-composites with the initial component "travel" in the Russian language of the recent years // Philologos. 2026. No. 1 (68). Pp. 12–18. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-12-18.

Права: © О.А. Селеменова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

У.И. Турко
U.I. Turko

СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ОРФОГРАФИЯ НЕОЛЕКСЕМ С КОМПОНЕНТОМ «ЭКО-»

SEMANTICS, FUNCTIONING AND SPELLING OF NEOLEXEMES WITH THE COMPONENT "ECO-"

Статья посвящена исследованию смыслового значения лексических единиц, содержащих в составе сложных слов морфему «эко-». Автор анализирует семантику корпуса сложных лексем с частью «эко-», зафиксированных в онлайн-словаре орфографического академического ресурса «Академос». На материале текстов современной письменной речевой практики устанавливается смысловое значение не имеющих лексикографического описания языковых единиц с указанным вербальным индикатором. Выявлено, что компонент «эко-» как сокращение слова «экологический» при описании пищевой продукции способен нести посыл 'натуральный', 'естественный' и выступать маркером экологичности, понимаемой неоднозначно. На основании контекстного употребления в медиaprостранстве выявляются значения, которые реализует сложная лексема с компонентом «эко-». Обнаружено расхождение в семантике лексем, функционирующих в текстах СМИ и рекламы, и в тексте формализованного языка законов. В целях привлечения внимания клиентов компонент «эко-», указываемый в составе номинативной единицы, в коммерческих текстах выступает инструментом убеждения, повышая привлекательность рекламируемой продукции, мотивируя покупателей сделать осознанный выбор. С точки зрения потребителей услуги и добросовестных производителей, словесный маркер «эко-», присутствующий в наименовании пищевой продукции, связывается с представлениями 1) об изготовлении из растительных компонентов, 2) из продуктов животного происхождения собственного производства, а также 3) об отсутствии в составе сахара и иных добавок. С точки зрения языка законов, вербальный указатель «эко-» используется на органической продукции, получившей сертификат соответствия производства.

С учетом орфографии исходного сложного слова делается вывод о различиях в написании новых слов с частью «эко-». В случае, если производящее слово простое, написание производных лексем урегулировано правилами.

Ключевые слова: экологическая лексика, лексика с компонентом «эко-», семантика неологизмов, гринвошинг, язык рекламы, язык закона.

This article examines the semantic meaning of lexical units containing the morpheme "eco-" in compound words. The author analyzes the semantics of a corpus of compound lexemes containing the morpheme "eco-" recorded in the online dictionary of the academic spelling resource "Akademos". Using texts from contemporary written language practice, the semantic meaning of linguistic

units with this verbal indicator, although lacking a lexicographic description, is established. It is revealed that the component "eco-," as an abbreviation of the word "ecological" when describing food products, can convey the message of 'natural' and act as a marker of environmental friendliness, which is understood ambiguously. Based on contextual use in the media, the meanings realized by the compound lexeme containing the component "eco-" are identified. A discrepancy has been discovered in the semantics of lexemes used in media and advertising texts and in the formal language of laws. In order to attract the attention of customers, the "eco-" component, indicated as part of a linguistic unit, acts as a persuasive tool in commercial texts, increasing the attractiveness of the advertised product and motivating buyers to make an informed choice. From the perspective of service consumers and conscientious producers, the verbal marker "eco-" in the name of a food product is associated with the concepts of 1) production from plant-based ingredients, 2) production from domestic animal products, and 3) the absence of sugar and other additives. From a legal perspective, the verbal indicator "eco-" is used on organic products that have received a certificate of conformity. Considering the spelling of the original compound word, the author concludes that there are differences in the spelling of new words containing the "eco-" component. If the source word is simple, the spelling of derivative lexemes is regulated by rules.

Key words: ecological vocabulary, vocabulary with the "eco-" component, semantics of neologisms, greenwashing, advertising language, legal language.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-19-26

В современном русском языке наблюдается активное функционирование сложных лексем, в первой части которых присутствует компонент *эко-*. Эта номинативная единица восходит к греческому *οἶκος* – 'обиталище', 'жилище', 'дом' [6, 1157] и содержит значение – 'относящийся к экологии', 'к окружающей среде'.

Исследование того, как понятие экологичности преломляется в современном русском языке, представляет интерес для выявления тенденций развития языка. Учет семантики и прагматики экологической лексики как регистратора языковых изменений позволяет обнаружить новые смыслы.

На фоне концепции здорового образа жизни маркеры экологичности привлекают внимание потребителей и становятся доминантными при выборе того или иного товара.

Лексика, именуемая различные аспекты экологических процессов и явлений, попадает в область научных интересов ученых вследствие актуальности в международном сообществе вопросов экологической повестки. Лингвисты проводили сопоставительное исследование экологической лексики в английском и русском языках [18], анализировали модели словообразования неологизмов англоязычного дискурса в сфере экологии [19], испаноязычного медийного дискурса [16]; обращались к широко распространенным лексическим единицам из терминологии экологической сферы *eco*, *climate*, *green*, которые наиболее ярко отражают процессы, протекающие в английском языке, а также лингвистические тенденции, «происходящие в обществе англоговорящих стран в области защиты окружающей среды» [5, 346].

Появилось понятие «зеленой» терминологии в различных отраслях профессиональной деятельности, в которой выделяют совпадающие по содержанию и внешнему созвучию интернационализмы: *экосистема*. Учитывая материал разноструктурных языков, О.М. Голосова [4, 31] рассматривает объем содержания профессионального языка и приходит к выводу о необходимости стандартизации специальной лексики для устранения несоответствий в разноязычных профессиональных картинах мира.

В данной статье ставится цель – установить значение номинативных единиц с компонентом *эко-*, проанализировав контексты их употребления, и выявить действующие орфографические тенденции.

Материалом для анализа послужили лексикографические источники, тексты средств массовой информации и рекламы, законодательных документов, современной письменной речевой практики.

Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [14] фиксирует 34 сложные лексемы-существительные с первым компонентом *эко-*, из которых 5 приходится на прилагательные: *экобиоморфический*, *экогенетический*, *экополитический*, *экосистемный*, *экосферный*.

В сочетании с существительными компонент *эко-* реализует следующие значения:

- 1) 'экологически чистый, не содержащий вредных добавок': *экопитание*, *экопродукт*;
- 2) 'изготовленный из экологически чистых материалов, с использованием технологий, снижающих энергопотребление, не загрязняющий окружающую среду': *экодом*;
- 2) 'изготовленный из искусственного материала, внешне похожего на натуральный': *экокожа*;
- 3) 'приближенный к природе и естественности': *экосад*;
- 4) 'представляющий экологически чистое пространство для жизни, спроектированное с минимальным влиянием на окружающую среду': *экополис*, *экопоселок*;
- 5) 'ландшафтная единица, в которой сохраняется окружающая среда, биоразнообразие': *экотерритория*, *экорегиион*, *экопарк*;
- 6) 'совокупность средообразующих компонентов': *экоресурсы*, *экосистема*, *экосфера*;
- 7) 'характеризующий приспособление организмов к условиям окружающей среды': *экотип*, *экобиоморфа*, *экогенез*;
- 8) 'использующий возобновляемые источники энергии': *экоэнергетика*;
- 9) 'учитывающий минимизацию негативного влияния на окружающую среду': *экотехника*, *экотехнология*;
- 10) 'направленный на охрану окружающей среды и природных ресурсов': *экослужба*, *экоконтроль*, *экозащита*;
- 11) 'имеющий отношение к деятельности, ориентированной на природу и сохранение окружающей среды': *экотуризм*, *экополитика*, *экопроект*, *экоцентр*, *экосводка*;
- 12) 'описывающий воздействие вредных веществ на живые организмы и природную среду': *экокатастрофа*, *экотоксикология*.

Современная письменная речевая практика показывает, что слова с компонентом *эко-* в русском языке обнаруживают вариативность в передаче графического облика лексем.

Запросы носителей языка в справочную службу «Грамота.ру», касающиеся орфографии эколексем, подтверждают процессы обновления лексического состава. «Стало модно сокращать слово «экологический» и добавлять к привычным словам приставку «эко». Но правописание не очевидно – через тире или слитно? Экотропа, экопатруль, экопарковка» (орфография сохранена) [3].

Вариативность написания эколексем сопровождает тексты различных функциональных стилей. Обращение к корпусу научных источников свидетельствует о неустойчивости орфографии пласта лексики с компонентом *эко-*: *эко-туризм*, *эко-гостиница* (2017)⁶, *эко-модель* (2020), *эко-стиль*, *эко-шник*, *эко-минимализм* (2021), *эко тревожность*, *эко контент* (2024), *эко-город*, *эко-территория* (2025) [13].

Наибольшей вариативностью отмечены рекламные тексты, в которых лексический инструментарий зачастую направлен на привлечение внимания читателей.

В коммерческих текстах кроме слитного, полуслитного (дефисного) и отдельного написания, переданного с помощью кириллицы, фиксируется орфография экологической лексики с указанным элементом посредством латинских букв. Разнобой в графической

⁶ В скобках указан год публикации статьи, в заглавии которой приведено написание указанного слова.

подаче неолексем встречается при описании рекламируемого товара даже в одном и том же тексте: «*Эко-шоколад без сахара. Темный шоколад с изюмом и кедровым орехом на сиропе топинамбура. Эко шоколад не содержит ароматизаторы, искусственные красители, эмульгаторы, растительные и транс-жиры*» [24]; «*Эко Вода – доставка артезианской воды на дом и на работу*» [21]. По нормам русской орфографии сложные лексемы, в первой части которых выступают интернационализмы на гласную, должны писаться слитно. Но если начальный элемент *эко-* присоединяется к словам, в составе которых есть дефис, то он тоже пишется через дефис, с тем чтобы не затруднять идентификацию смысловых отрезков: *эко-арт-терапия, эко-мастер-класс*.

Кроме слитного, дефисного и раздельного написания сложных слов с компонентом *эко-* встречаются варианты оформления строчными или прописными буквами целого слова или прописными буквами начальной части сокращения; зафиксирована также подача простых слов в составе сложного слова с прописной буквы: «*ЭКО-Продукт – Доставка питьевой воды в Воронеже*» [23].

Продуктивность номинаций с компонентом *эко-* настолько высока, что он участвует в формировании представления в сознании потребителей об уникальном образе компании. Наименование *ЭКОБАЛАНС*, заимствованное для торговой марки питьевой воды, несет посыл «получена в экологически чистом регионе и содержит необходимое количество полезных минералов и микроэлементов»: «*"Экобаланс мягкая". Вода природная питьевая*» (реклама воды на этикетке товара).

Другие примеры использования компонента *эко-* в текстах средств массовой информации, письменной речевой практике зафиксированы:

1) в наименованиях торговых марок: *ЭКОПТИЦА*, получившей регистрацию в 2013 г. (г. Липецк); *ЭКО МЯСО*, *ЭКОМЯСО*, зарегистрированных в 2012 г. (г. Киров); *EKONIVA*, *ЭКОНИВА*, поставленных на учет в 2022 г. (г. Воронеж) [15];

2) в названиях организаций: *ООО «ЭКОТВОРОГ»*, созданное в 2002 г. в г. Рязани; *ООО «ЭКОХОЛДИНГ»*, зарегистрированное в 2003 г. в г. Москве; *ООО «ЭКОЧАЙ»*, внесенное в реестр юридических лиц в 2018 г. в г. Новосибирске; *ООО «ЭКОСЫР»*, учрежденное в 2023 г. в г. Казани; *АО «ЭКО-ФЕРМА "РЯБИНКИ"»*, основанное в 2014 г. (Московская обл.); *ООО «ЭкоНива-АПК Холдинг»*, открытое в 2007 г. (Воронежская обл.); *ООО «Экохолдинг "Натуралия"»*, поставленное на учет в 2010 г. в г. Москве [8];

3) в наименованиях продуктов или товаров: *Экомясо из Карелии* [22]; *В России появился первый производитель экочая* [2].

Информация о времени присвоения объекту уникального имени в качестве торгового знака или создании организации, в названиях которых присутствует компонент *эко-*, позволяет получить социолингвистические данные. Так, примеры употребления наименований дают возможность отследить период возникновения эргонимов, а мониторинг их статистики свидетельствует об общественной значимости и внимании к экологическим ценностям: заботе о природе, безопасности, натуральности.

Рассмотрим семантику наименований, функционирующих в интернет-текстах.

Неолексема *экоботаника*, переданная на латинице как *Eco-botanica*, представляет соединение двух компонентов – сокращения английского слова *eco-* 'экологический' и греческого *botanē* 'трава', 'растение', что означает – 'продовольственный товар, содержащий экологически чистые продукты флоры'. Бренд *Eco-Botanica* транслирует потенциальным потребителям информацию о выпускаемой продукции как обогащенной полезными для здоровья добавками, имеющей натуральный состав и сниженное содержание сахара: «*Конфеты с пользой Экоботаника. Конфеты Eco-botanica NATURA с черносливом, абрикосом и морковью*» [9].

Лексема *экомороженое* по данным примеров употребления, зафиксированных в СМИ, имеет 2 смысловые составляющие. Проиллюстрируем их в контекстах.

«Илья впервые попробовал модные среди столичных жителей фермерские продукты. Например, экомороженое с козьей фермы Елены Шевляковой ... Десерт изготавливается

исключительно из домашнего козьего молока, сливок и яиц» [12]. Контекстное окружение свидетельствует о том, что лексема *экомороженое* реализует 1) значение – 'продукт питания, ингредиентами которого являются фермерские молоко, сливки и яйца'.

«На фестивале продавалось и эксклюзивное *экомороженое* без молока и масла» [7]. В данном случае добавление к слову компонента *эко-* показывает, что лексема *экомороженое* сообщает 2) значение – 'вегетарианский продукт, изготовленный из растительного сырья'.

Лексема *экоконфеты* получает значение – 'продукт, изготовленный из натуральных ингредиентов растительного происхождения, преимущественно сухофруктов, орехов, не содержащий сахара, глутена, ГМО и иных добавок'.

На маркетплейсе Ozon производители предлагают к продаже «*Экоконфеты Nutley Premium+ Манго – Кокос*», которые, впрочем, на самой упаковке не содержат наименования *экоконфеты*, описываются как «*конфеты финиковые БЕЗ САХАРА, для веганов. Полезные сладости без глутена, без лактозы*» [10]. И, действительно, подтверждение растительного состава свидетельствует о соответствии содержимого его наименованию.

Материалы нашего анализа показывают, что производители конфет избегают использования слова *экоконфеты* в составе номенклатурного названия, но обращаются к нему при позиционировании продаваемого товара.

На сайте интернет-магазина СПАР в каталоге рекламируемой продукции нам встретился эргоним *Конфеты ЭКО Фудс Курага с Грецким Орехом*. Формально слово *фудс* для русского языка чуждое и для носителя, не знакомого с английским языком, не имеет смысла. В языке-источнике, однако, *Eco Foods* означает – '*экопродукты, экологически чистые продукты (питания)*'. Заимствование из английского языка может быть переведено в принимающем языке, но мы наблюдаем передачу английского сочетания транслитерацией, которая востребована в языке, если речь идет об имени собственном, географическом названии, культурной реалии и др. В данном случае можно говорить о маркетинговой стратегии привлечения внимания, когда триггером, мотивирующим покупателя обратить внимание на предлагаемый товар, выступает слово *ЭКО-/эко-*. Тем более что маркетологи сообщают такую информацию о продукции: «*Конфеты "Эко Фудс" – это вкусное и полезное лакомство, которое понравится всем сладкоежкам. Курага и грецкие орехи, входящие в состав, содержат много полезных веществ: витамины, минералы, клетчатку, антиоксиданты*» [11]. Однако при рассмотрении состава того, что маркетологи позиционируют как *ЭКО Фудс*, мы обнаружили несоответствие содержимого его названию. В описании продукта читаем «*Курага сушеная, глазурь (сахар, заменитель какао масла нетемперируемый лауринового типа (фракция гидрогенизированного пальмоядрового масла), эмульгаторы (соевый лецитин, E492), какао порошок, ароматизатор "Ванилин")*», сахар, ядра грецкого ореха» [11]. Представленный состав свидетельствует о наличии только трех натуральных ингредиентов, кроме того, присутствует сахар.

На законодательном уровне употребление лексики, маркирующей экологичность, регулировалось федеральным законом от 2018 г. [17], который разрешил использование на такой продукции слова *органический*, его сокращения или производного от этого слова только в том случае, если имеется сертификат соответствия органического производства.

Массовость появления торговых знаков, в наименованиях которых присутствуют слова, описывающие ориентированность продукции на ценностное отношение к природе, очевидно, повлияла на расширение лексического инструментария, сигнализирующего об экологичности рекламируемого ассортимента. Поэтому с 1 сентября 2025 разрешено нормативное использование гораздо большего количества словесных маркеров: *биологический, экологический, экологически чистый, зеленый* или сходных по значению слов, их сокращений либо обозначений *эко, био* [17].

Обращение к тексту нормативного источника позволяет обнаружить расхождение между объемом понятия, которое обозначается лексемой *эко-* законодательно,

и представлениями, которые сформированы в сознании массовой аудитории. С точки зрения получателя услуги и добросовестного производителя, наличие языкового маркера *эко*- сообщает потенциальному покупателю, что продукт не содержит каких-либо искусственных добавок, но с точки зрения закона – допускает применение разрешенных пищевых добавок, технологических вспомогательных средств, ароматизаторов, усилителей вкуса. Последнее слишком широко трактуется недобросовестными продавцами, которые присваивают своим товарам словесные «ярлыки» с акцентом на экологичность, не имея на это сертификата органической продукции, и тем самым вводят потенциальных клиентов в заблуждение.

Из всех типов воздействующей речи наиболее трудной для диагностирования является манипуляция, при которой адресант послания, руководствуясь своими интересами, оказывает на адресата скрытое воздействие, а тот в свою очередь «не может за реально сказанным увидеть завуалированные намерения отправителя сообщения» [1, 143–144].

Практика, когда публично заявляется информация об экологически безопасной продукции, которая таковой не является, или у потребителей формируются ложные представления о товарах или услугах, получила название *гринвошинг* [20, 64]. Этот термин заимствован из английского языка, в котором *greenwashing* происходит от слов *green* – 'зеленый', 'относящийся к окружающей среде' и *whitewashing* – 'отбеливание' с неодобрительным значением – 'пытаться скрыть неприятные факты'; 'представить что-либо лучше, чем оно есть на самом деле' [25]. В стремлении охарактеризовать продукт питания как экологический через использование словесного маркера *эко*- видится риск перехода грани между соответствием наименования его содержанию и искажением информации о позиционируемом товаре.

В результате проведенного исследования можно сделать следующий вывод. Лексема *эко*-, присоединяемая к наименованиям пищевой продукции (*экоконфеты*, *экошоколад*, *экомороженое*), в текстах СМИ и рекламы реализует несколько значений: 1) 'изготовленный из растительных компонентов'; 2) 'состоящий из продуктов животного происхождения собственного производства'; 3) 'не содержащий сахара и иных добавок'. Язык законов допускает использование лексического маркера *эко*- как обозначение имеющей сертификат соответствия изготовленной экологическим способом органической продукции, при производстве которой применяются разрешенные пищевые добавки, ароматизаторы, усилители вкуса и др. Последнее достаточно широко трактуется недобросовестными производителями продуктов питания.

1. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. *Экологическая лингвистика: монография*. 3-е изд., стер. М., 2018.
2. В России появился первый производитель *эко*чая // *Коммерсантъ*, 09.09.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5557307?ysclid=mk75edm1ak483345550> (дата обращения: 30.11.2025).
3. Вопрос № 308060 от 8.05.2021 // *Грамота.ру*. URL: <https://gramota.ru/spravka/vopros/308060> (дата обращения: 25.11.2025).
4. Голосова О.М., Мерзликина Н.И., Мохова О.Л. Зеленые технологии и экологическая терминология: на материале русского, английского, немецкого и французского языков // *Вестник Академии*. 2021. № 2. С. 26–32.
5. Грубин И.В., Плужникова И.И., Юдина И.И. Развитие экологической терминологии в английском языке: на примере формирования лексики на основе слов *eco*, *climate* и *green* // *Современное педагогическое образование*. 2024. № 2. С. 346–349.
6. *Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. чл.-кор. Академии наук СССР проф. С.И. Соболевского. С прил. грамматики, сост. С.И. Соболевским*. Т. 2. М – Я. М., 1958.
7. Камлёва Н. Драники, *экомороженое* и деликатесы. Чем отличалось фестивальное меню? 21.07.2016. URL: <https://vitvesti.by/bazar-last/draniki-ekomorozhenoe-i-delikatesychem-otlichalos-festivalnoe-meniu.html> (дата обращения: 30.11.2025).
8. Компании. URL: <https://companies.rbc.ru/search/?query=> (дата обращения: 30.11.2025).

9. Конфеты с пользой Экоботаника. URL: <https://www.alenka.ru/catalog/eco-botanika/konfety-eco-botanika/filter/brand-is-ekobotanika/?ysclid=mk5p1b7ra27121056> (дата обращения: 30.11.2025).
10. Конфеты финиковые БЕЗ САХАРА. URL: https://www.ozon.ru/product/konfety-finikovye-bez-sahara-podarochnye-nutley-premium-mango-kokos-konfety-v-pakete-nabor-1731081030/?at=PjtJEEk98cVkyAn1i1YkgOf07BwWBtQ5lvm8hALrgkV&from_sku=1604864936&ooos_search=false (дата обращения: 30.11.2025).
11. Конфеты ЭКО Фудс Курага с Грецким Орехом. URL: <https://myspar.ru/catalog/vesovye-konfety/konfety-eko-fuds-kuraga-s-gretskim-orekhom/> (дата обращения: 30.11.2025).
12. Модный десерт. Подмосковный блогер попробовал экомороженое из фермерских продуктов // 360tv.ru, 02.07.2019. URL: https://woman.rambler.ru/cooking/42435489/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 30.11.2025).
13. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?amp&> (дата обращения: 25.11.2025).
14. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: https://orfo.ruslang.ru/abc/part/reverse_e?start=177932&end=178232 (дата обращения: 25.11.2025).
15. Торговые марки и знаки. URL: <https://companies.rbc.ru/search/?query=Торговые+марки+и+знаки> (дата обращения: 30.11.2025).
16. Фатильникова С.З. Лексические средства выражения концепта «экология» в испаноязычном медийном дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 11–2. С. 210–218. DOI 10.37882/2223-2982.2024.11-2.40.
17. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) URL: <https://base.garant.ru/72005268/> (дата обращения: 25.11.2025).
18. Чвягина Т.В. Сопоставительный анализ экологической лексики в английском и русском языках // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4. № 4(16). С. 282–288.
19. Чепурная М.А. Неологизмы массмедийного англоязычного дискурса как пласт лексики концепта «Экология» // Гуманитарные исследования. 2019. № 3 (24). С. 115–118.
20. Шахназаров Б.А. Гринвошинг, гринвишинг и гринхаинг в контексте недобросовестной конкуренции, охраны интеллектуальной собственности и прав потребителей // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 11 (216). С. 63–73. DOI 10.17803/1729-5920.2024.216.11.063-073.
21. Эко Вода – доставка артезианской воды на дом и на работу. URL: <http://ekovodashop.ru/?ysclid=mk81qevhqf416003783> (дата обращения: 30.11.2025).
22. Экомясо из Карелии. URL: <https://www.wildberries.ru/brands/310921388-ekomyaso-iz-karelii> (дата обращения: 30.11.2025).
23. ЭКО-Продукт – Доставка питьевой воды в Воронеже. URL: <https://36eco.ru/?ysclid=mk81mytсya573733786> (дата обращения: 30.11.2025).
24. Эко-шоколад без сахара. Темный шоколад с изюмом и кедровым орехом на сиропе топинамбура. URL: <https://www.ozon.ru/product/eko-shokolad-bez-sahara-temnyy-shokolad-s-izyutom-i-kedrovym-orehom-na-sirope-topinambura-227557129/> (дата обращения: 25.11.2025).
25. Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/whitewash_2?q=whitewashing (дата обращения: 30.11.2025).

Информация об авторе

Ульяна Игоревна Турко,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Кандидат филологических наук, доцент,

Information about the author

Ulyana I. Turko,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Russia, Lipetsk region,
Yelets, Kommunarov str., 28.
Candidate of Sciences in Philology, Docent,

доцент кафедры русской филологии
и журналистики.
Научные интересы: лингвистическая
компаративистика, социолингвистика.
ORCID ID: 0000-0001-8604-0457
SPIN-код: 3882-8781, AuthorID: 653536
E-mail: selishchevskaya@mail.ru

Associate Professor of the Department of Russian
Philology and Journalism.
Research interests: comparative linguistics,
sociolinguistics.
ORCID ID: 0000-0001-8604-0457
SPIN-код: 3882-8781, AuthorID: 653536
E-mail: selishchevskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2026;
одобрена после рецензирования 04.02.2026;
принята к публикации 04.02.2026;
опубликована 20.03.2026.

The article was submitted 31.01.2026;
approved after reviewing 04.02.2026;
accepted for publication 04.02.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Турко, У.И. Семантика, функционирование и орфография неолексем с компонентом «эко-» // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 19–26. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-19-26.

For citation: Turko, U.I. Semantics, functioning and spelling of neolexemes with the component "eco-"// *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 19–26. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-19-26.

Права: © У.И. Турко (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ПРАГМАТИКА / DISCOURSE ANALYSIS AND PRAGMATICS

А.И. Зуева
A.I. Zueva

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

WAYS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN-LANGUAGE ENVIRONMENTAL SCIENTIFIC DISCOURSE

Экологические проблемы сегодня стоят в центре внимания мирового сообщества. В условиях стремительных изменений климата, роста населения и истощения природных ресурсов вопросы охраны окружающей среды приобретают первостепенное значение для человечества. В современной лингвистической парадигме отмечается устойчивая тенденция к количественному и качественному росту устных и письменных текстов, посвященных экологической проблематике. Данный феномен способствует институционализации особого типа дискурса – экологического, который приобретает статус самостоятельного объекта научного осмысления в рамках дискурсивного анализа. Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что экологический дискурс демонстрирует вариативность в разных языковых сообществах, проявляющуюся в специфике лексико-грамматических средств, стилистических приемов и коммуникативных стратегий. При этом универсальным параметром данного типа дискурса выступает систематическое использование эвиденциальных маркеров – языковых единиц, эксплицирующих источник информации и степень ее достоверности. Материалом исследования послужили научные статьи, опубликованные в научных изданиях на территории РФ, индексируемых ВАК и РИНЦ. Для исследования был выбран именно научный дискурс, поскольку академические статьи наиболее полно раскрывают те экологические проблемы, с которыми сталкивается современное общество. В ходе исследования были использованы следующие методы: структурно-семантический (исследование взаимосвязи типов эвиденциальных значений, источников информации и пропозиционального содержания предложения); коммуникативно-прагматический (исследование коммуникативно-прагматической основы эвиденциальной семантики и коммуникативно-прагматической и стилистической направленности маркеров эвиденциальности); сравнительно-сопоставительный (анализ средств выражения эвиденциальности в русском языке, выявление изоморфных и алломорфных черт, обуславливающих потенциальную способность к выражению категории). Результаты исследования показали, что в научном экологическом дискурсе чаще всего авторы прибегают

к косвенной опосредованной эвиденциальности, а именно ссылаются на работы других ученых, чьи идеи послужили основой для научной статьи, или на свои собственные предыдущие работы. Реже, встречаются случаи, где эвиденциальные средства выражаются при помощи лексических единиц со значением 'знание, которое известно всем/очевидно'.

Ключевые слова: дискурс, экологический дискурс, экодискурс, эвиденциальность, категория эвиденциальности, эвиденциальные средства.

Today, environmental challenges are at the forefront of global concern. Amidst rapid climate change, population growth, and the depletion of natural resources, environmental protection has become a paramount priority for humanity. The modern linguistic paradigm reveals a steady trend toward the quantitative and qualitative growth of oral and written texts dedicated to environmental issues. This phenomenon contributes to the institutionalization of a specific type of discourse – environmental discourse – which has gained the status of an independent subject of scientific inquiry within discourse analysis. A comparative study demonstrates that ecological discourse exhibits variability across different linguistic communities, manifesting in specific lexico-grammatical means, stylistic devices, and communicative strategies. Simultaneously, a universal parameter of this discourse type is the systematic use of evidential markers – linguistic units that explicate the source of information and its degree of reliability. The research material comprises scientific articles published in Russian periodicals indexed in the Higher Attestation Commission (VAK) and the Russian Science Citation Index (RSCI). Scientific discourse was specifically selected for this study as academic articles provide the most comprehensive insight into the environmental challenges facing modern society. The study employed the following methods: Structural-semantic analysis: investigating the interrelation between types of evidential meanings, information sources, and the propositional content of the sentence; Communicative-pragmatic analysis: examining the communicative foundation of evidential semantics, as well as the pragmatic and stylistic orientation of evidentiality markers; Comparative analysis: analyzing the means of expressing evidentiality in the Russian language and identifying isomorphic and allomorphic features that determine the potential for expressing this category. The results indicate that in scientific ecological discourse, authors most frequently resort to indirect mediated evidentiality, specifically by citing the works of other scholars that form the basis of the article or referencing their own previous research. Instances where evidential means are expressed through lexical units signifying 'common knowledge' or 'obviousness' were found to be less frequent.

Key words: discourse, environmental discourse, ecodiscourse, evidentiality, category of evidentiality, evidential means.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-27-35

Одним из важных аспектов человеческой жизни является защита и забота об окружающей среде. В связи с тем, что вопросы экологии сегодня занимают особое место в мировой повестке, все больше и больше ученых стали свое внимание данной проблематике. В том числе и языковеды. В рамках лингвистических исследований актуализировалось изучение процесса формирования когнитивных представлений об окружающей среде посредством языковых структур. Это способствовало возникновению и последующему концептуальному оформлению понятия «экологический дискурс».

Первым, кто употребил данное понятие в научно-исследовательской литературе считается зарубежный исследователь Дж. Дризек, представивший дефиницию термина «экологический дискурс» в своей монографии «The Politics of Earth: Environmental

Discourse» [15, 27]. В рамках концепции автора экологический дискурс позиционируется как фундаментальный эпистемологический инструмент мировосприятия и интерпретации действительности субъектом. Согласно позиции исследователя, сфера функционирования рассматриваемого феномена не ограничивается узкоспециализированным экспертным сообществом (экологами), а охватывает широкий круг акторов, включая представителей медиасреды, государственных служащих, политических деятелей и рядовых граждан. В предложенной автором типологии выделяются радикальное и реформистское направления, в контексте которых экологический дискурс анализируется как действенный механизм, детерминирующий государственную стратегию и методы преодоления актуальных экологических вызовов.

В отечественной лингвистике значительный вклад в исследование данного языкового феномена внесла Е.В. Иванова, которая определяет экологический дискурс как многогранную совокупность текстов различной модальности (устных и письменных), объединенных единой экологической проблематикой [3, 10]. Важно отметить, что к экологическому дискурсу относятся исключительно те тексты и материалы, которые непосредственно касаются вопросов природы и экологии, что позволяет четко разграничивать его с другими видами дискурса. Опираясь на функционально-стилевые параметры экологической коммуникации, Е. В. Иванова предлагает дифференцировать соответствующий дискурс на четыре ключевых сегмента. К ним относятся [3, 12]:

1. Академический дискурс, представляющий собой совокупность интеллектуальных продуктов экспертного и академического сообществ. Данный сегмент ориентирован на трансляцию результатов теоретических изысканий и апробацию прикладных решений в сфере экологии.

2. Публицистический дискурс: его функционирование детерминировано медийными платформами. Ключевая интенция этого вида заключается в донесении актуальных экологических сведений до массового реципиента с целью формирования общественного мнения.

3. Теологический (проповеднический) дискурс, где экологическая проблематика подвергается теологическому осмыслению. Данная коммуникативная сфера аккумулирует письменный корпус канонических текстов и практику живого пастырского слова, где принципы природосбережения детерминированы религиозно-этическими императивами и догматическими установками конкретных конфессий.

4. Литературный (художественный) дискурс, который локализован в плоскости литературно-эстетической деятельности. Его специфика заключается в образной медиации между человеком и биосферой: экологическая проблематика здесь не просто констатируется, а подвергается творческой рефлексии, в процессе которой антропо-природные взаимодействия вербализуются через систему метафорических и эстетических кодов.

Каждый из этих типов имеет свои характерные особенности и способы подачи экологической информации, что позволяет охватить различные аспекты восприятия и обсуждения экологических вопросов в обществе.

Другой ученый, В.И. Карасик, рассматривает экологический дискурс как особый речемыслительный процесс, результатом которого является создание различных текстов на экологическую тематику, взаимосвязанных друг с другом за счет общих когнитивных стратегий. Таким образом, экологический дискурс выступает как целостная система, где каждый текст связан с другими общими принципами создания и интерпретации информации, что обеспечивает единое понимание экологических проблем и способов их решения [4, 67].

Еще один исследователь, Ф.Л. Косицкая, говоря о экологическом дискурсе подчеркивает, что его основной задачей является трансформация мировоззрения человечества в отношении природы и окружающей среды. Ценностная составляющая экологического дискурса включает как общечеловеческие, так и общенациональные идеалы,

которые выражаются в осознании неповторимости и уникальности окружающего мира. Ключевыми тематическими доменами экологического дискурса являются проблематика взаимодействия социума с природной средой и вопросы охраны окружающей среды. Специфика достижения коммуникативных целей в исследуемом дискурсивном пространстве детерминирована использованием ряда доминирующих стратегий. Согласно типологии, предложенной Ф.Л. Косицкой, к их числу относятся информационная, императивная (директивная), суггестивная (агитационная), экспланаторная и аксиологическая стратегии [7, 45].

Резюмируя вышесказанное, под экологическим дискурсом понимается совокупность гетерогенных (вербальных и невербальных) текстов, объединенных общей тематикой охраны окружающей среды. Его ключевая прагматическая установка заключается в трансформации когнитивных установок реципиента и формировании экологически ориентированных поведенческих паттернов.

Говоря о типах экологического дискурса, хотелось бы обратить внимание на научный дискурс, ведь именно из статей, написанных учеными-экологами, реципиент получает информацию о состоянии мира. И тот человек, который читает академический текст на тему экологии, должен быть уверен в достоверности, представленной ему информации, а значит быть осведомлен, откуда автору статьи стали известны те или иные данные. Эта информация отражается в тексте благодаря эвиденциальным средствам. Прежде, чем рассмотреть, какие эвиденциальные средства употребляются в русскоязычном научном экологическом дискурсе, требуется дать определение понятию «категория эвиденциальности».

Термин «эвиденциальность» берет свое начало от английского слова *evidence*, которое, в свою очередь, происходит от латинского *evidentia*. Этот лингвистический феномен обозначает особую грамматическую или лексическую конструкцию, которая указывает на то, что говорящий или кто-то другой является источником информации, то есть был очевидцем описываемых событий. С помощью таких средств в языке подчеркивается, что высказывание основывается на личном опыте или непосредственном наблюдении автором событий. Средства выражения эвиденциальности включают не только прямое указание на источник информации. Помимо этого, в языке используются различные способы, которые сигнализируют о том, что информация получена косвенно. Именно поэтому данная категория получила название «пересказывательная», поскольку она также отражает процесс передачи сведений, полученных не напрямую, а через другие источники.

Понятие «эвиденциальность» впервые было использовано в научных трудах известного американского этнолингвиста Франца Боаса. Ученый применил это понятие при исследовании структуры предложений в америндских языках [14, 60]. Основы же систематического изучения категории эвиденциальности в современном языкознании заложил известный лингвист Роман Якобсон в своей работе «Shifters, verbal categories and the Russian verb». Ученый ввел термин «evidential» («засвидетельствованность»), который обозначает способ указания на источник информации в языке [13, 135]. Эта категория отражает, откуда говорящий получил те или иные сведения.

Р. Якобсон выделил несколько основных способов получения информации:

1. Информация, полученная от других людей (косвенная передача, слухи).
2. Сведения, основанные на догадках и предположениях.
3. Данные, полученные из личного опыта самого говорящего.
4. Информация, полученная во сне.

Вопросом изучения категории эвиденциальности занимались многие российские лингвисты и языковеды. Среди них особо выделяются работы Н.А. Козинцевой, которая рассматривает эвиденциальность как особый способ маркирования источника той или иной информации в языке. Она отмечает, что способ маркирования чаще всего исходит от обязательности, вследствие чего все языковые факты можно разделить на две группы [5, 94]:

Первая группа – говорящий может строить свое высказывание, не давая указаний на источник информации. Вторая группа – находясь в определенных коммуникативных условиях, говорящему необходимо обязательно указать источник сведений.

Структурирование эвиденциальных значений базируется на противопоставлении прямой очевидности (результата личного наблюдения) и косвенной засвидетельствованности. Функциональный потенциал данной категории в языке заключается в спецификации источника сообщения, что дает возможность разграничивать сферу непосредственного когнитивного опыта говорящего и область опосредованного информирования.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что эвиденциальность – это такая грамматическая конструкция или лексическая единица, с помощью которой автор сообщает реципиенту, откуда были получена информация. На основе источника информации эвиденциальность подразделяется на прямую (когда автор был лично свидетелем произошедших событий – слышал или видел) и косвенную (когда информация была получена от другого человека. В свою очередь косвенная эвиденциальность может быть представлена в виде инферентива или презумтива).

В инферентиве (что в переводе с английского означает 'вывод' или 'умозаключение') в основе информации заложены не прямые наблюдения, а собственные размышления говорящего. Он делает выводы, опираясь на определенные признаки или улики. Сам говорящий не был непосредственным свидетелем события, но может восстановить картину произошедшего, проанализировав имеющиеся факты и сделав логические заключения на их основе.

Под презумптивом (от английского *предположение*) понимается способность человеком делать выводы о ситуации, опираясь на общие знания и жизненный опыт. В этом случае говорящий прибегает к использованию следующих типов знаний: 1) Общие логические соображения – то, что известно большинству; 2) Личное знание мира – собственный опыт и наблюдения.

Еще одним подтипом косвенной эвиденциальности является косвенная опосредованная эвиденциальность, известная как цитатив (или пересказывательное значение, ренарратив). В некоторых языках, таких как болгарский, эстонский и латышский, этот способ передачи информации даже имеет особые грамматические формы. Но и в других языках, включая русский и английский, он также может быть выражен и лексически. Впервые о косвенной опосредованной эвиденциальности заговорил В.А. Плунгян. Он выделил три основных источника получения информации [10, 352]:

1. Конкретный источник – когда точно известен автор высказывания:
 - Он сказал, что... / He said that...
 - Она рассказала, что... / She said that...
2. Неопределенный источник – когда источник информации не известен, но подразумевается некое третье лицо:
 - Говорят... / They say...
 - Мне сказали... / Somebody told me...
 - Слышно, что...
3. Общий фонд знаний – что-то, что известно каждому:
 - Как известно...
 - Как всем известно... / As everyone knows...
 - Говорят, что...

Каждый из этих способов помогает показать, насколько надежным является источник информации и как реципиент к ней относится.

Рассмотрим на конкретных примерах, какие эвиденциальные средства используются в русскоязычном экологическом научном дискурсе. Исследовательским материалом послужат фрагменты статей, опубликованных в научных журналах по теме

природопользование и экология, публикуемых на территории Российской Федерации в журналах ВАК и РИНЦ, а именно:

1. Журнал «Экология»: Рецензируемое научное издание, индексируемое в Перечне ВАК и входящее в «Белый список» научных журналов. Публикует оригинальные статьи и аналитические обзоры по результатам фундаментальных исследований в области теоретической и экспериментальной экологии, трактуемой в классическом понимании – как наука о взаимодействии живых организмов, их сообществ и среды обитания.

2. Сборник «Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии»: Рецензируемое периодическое издание, предназначенное для публикации научных трудов, охватывающих широкий спектр проблематики лесного комплекса, включая лесоведение, лесное хозяйство, защиту леса, лесное и лесоинженерное машиностроение, а также вопросы экологии, экономики отрасли и высшего профессионального образования.

3. «Российский журнал прикладной экологии» (Научный журнал, публикующий статьи научно-исследовательского характера по вопросам экологии и охраны окружающей среды.)

Анализ статей показал, что чаще всего в научных статьях используется косвенная опосредованная эвиденциальность, а именно указание на конкретное лицо, от которого была получена информация. Это может быть выражено в виде прямого цитирования с указанием на ФИО конкретного автора и его научный труд (примеры (1) и (2)), так и вследствие упоминания группы людей (ученых), которыми был совершено исследование (пример (3)):

1) *«В работе Гиндл с соавт. (19) была впервые показана связь между плотностью лигнина, измеренной с помощью УФ-фотомикрофотографии, и температурой воздуха в конце вегетационного периода»* [6, 376];

2) *«Куприянов и др. (2021) в своей работе приводят положительные результаты эксперимента по реконструкции почвенно-растительного слоя на нарушенных землях Кузбасса путем перенесения плодородного слоя почвы, содержащего органы и семена растений, ценозы почвенных беспозвоночных и микробные ассоциации на поверхность песчаникового отвала»* [8, 48];

3) *«Однако исследователи неоднократно обнаруживали очень большие – иногда на порядки величин – различия между оценками токсичности, которые получены в экспериментах с искусственно и техногенно загрязненными почвами»* [11, 423].

Иногда имя автора (источника информации) напрямую не называется, но на него ссылаются внутри текста, помещая информацию о нем в круглые (пример (4) и (5)) или квадратные (пример (6)) скобки:

4) *«Процессы самоочищения загрязненных нефтью почв, восстановление их экосистем осуществляются преимущественно благодаря функциональной активности почвенного микробного сообщества (Samblin et al., 2019), что требует выполнения действий, направленных на интенсификацию метаболических процессов»* [16, 3];

5) *«Анализируя информацию из открытых источников (Дягилева и др., 2012; Богданов и др., 2013; ГОСТ 33103.2–2017) и из отчетных материалов по паспортизации отходов ЦБП (17.21 ОКВЭД), которые подвергаются последующему сжиганию при их утилизации, целесообразно представить обобщенный состав минеральной части золы (рис. 1) различного происхождения на предприятиях ЦБП»* [2, 60];

6) *«Показано, что у растений, произрастающих в условиях атмосферного загрязнения, одним из проявлений общей ответной реакции фотосинтетического аппарата является ксерофитизация ассимиляционных органов [Николаевский, 2002; Колмогорова, 2016]»* [9, 143].

Тем не менее, авторы статей могут апеллировать не только исследованиями других ученых, но и брать за основу свои собственные предыдущие работы (примеры (7), (8), (9))

7) *«Например, в одной из наших работ результаты электронно-зондового микроанализа показали, что основные фазы-носители мышьяка в исследованных*

техногенно загрязненных почвах – это малорастворимые оксиды железа и сульфиды меди» [11, 425];

8) «В нашем предыдущем исследовании (20) показано, что в изучаемом регионе зависимости трех таксономических уровней от географических направлений (т.е. от расстояний на север, восток и т.п.), климата и рельефа различаются не только теснотой, но и знаком связей» [12, 273];

9) «Как показали наши исследования, для сохранения фотосинтезирующей поверхности исследуемые виды применяют различные стратегии адаптации, причем с увеличением уровня техногенной нагрузки увеличивается и количество задействованных адаптационных механизмов» [9, 145].

Репрезентация методологии и полученных эмпирических данных является неотъемлемым компонентом научного дискурса. Экспликация конкретных методов и приемов исследовательского процесса позволяет авторам обосновать достоверность представленных результатов. С точки зрения лингвистического анализа, подобная детализация служит маркером прямой эвиденциальности: она не только раскрывает генезис научного знания (инструментарий и его авторство), но и верифицирует статус исследователя как непосредственного субъекта познания, осуществляющего первичную обработку данных) см. примеры (10), (11), (12)).

10) «Дендроклиматический анализ показал, что на радиальный прирост сосны пицундской оказывает положительное влияние количество осадков июня–июля, однако для точки NSPB также установлена связь с осадками декабря прошлого года, марта и октября текущего года (рис. 2)» [6, 378];

11) «Анализ площади листьев годичного побега древесных пород показал «классическую» реакцию ксероморфности листовой пластинки под воздействием техногенеза» [9, 143];

12) «Гистограммы сообществ живого напочвенного покрова ключевых биотопов демонстрируют, что распределение по семи классам обильности неравномерно: большинство видов относится к немногочисленным, то есть представлены незначительным числом находок, и лишь немногие виды являются массовыми» [1, 92].

Наконец, в качестве эвиденциальных средств используются лексические конструкции, указывающие, что представленная в тексте информация известна и понятна всем («всем известно...», «все знают...», «всем знакомо»). Это отражено в следующих примерах (примеры (13) и (14)):

13) «Хорошо известно, что медь – жизненно необходимый элемент для растений, животных и микроорганизмов, но он может быть токсичным, если присутствует в среде в высоких концентрациях» [11, 430];

14) «Как известно, степень антропогенного воздействия на растения во многом определяется всем комплексом условий произрастания» [9, 150].

Таким образом можно сделать вывод о том, что в русскоязычном экологическом научном дискурсе наиболее распространена:

I. Косвенная эвиденциальность, особенно в контексте анализа и обработки теоретической базы исследования. Авторы статей размещают в своих работах или в подстрочнике ссылку на имя и труд того ученого, чьи идеи или научные труды повлияли на собственное исследование автора, либо ссылаются на свои собственные предыдущие работы.

II. Поскольку при написании статей на экологическую тематику ученые прибегают к совершению все возможных экспериментов (заборы образцов, использование реактивов и пр.), авторы делают особый упор на то, какой метод был использован (кем он был создан и для чего), к каким результатам его использование привело и что автор сам был участником происходящих событий и им самим была обработана/проанализирована полученная информация («эксперимент показал...», «анализ показал...», «наблюдение показало...»).

III. Наконец, в качестве эвиденциальных средств могут быть использованы лексические единицы, указывающие на то, что данная информация не нова, она понятна и знакома каждому – презумптив («как известно...», «всем известною...», «хорошо известно...» и пр.)

1. Беляков Д.В., Корчагов С.А., Конюшатов О.А., Андропова М.М. Оценка видового разнообразия флоры ключевых биотопов при сплошных вырубках в Вологодской области // *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*. 2024. № 248. С. 89–102. DOI 10.21266/2079-4304.2024.248.89-102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67877436> (дата обращения: 10.10.2024).
2. Дягилева А.Б., Смирнова А.И., Пилецкая А.С. Технологические решения использования золы-уноса в качестве композиционного реагента для очистки воды от лигногуминовых веществ природного и техногенного происхождения. *Российский журнал прикладной экологии* // *Российский журнал прикладной экологии*. 2025. № 1. С. 50–59. DOI: 10.24852/2411-7374.2025.1.50.59. URL: <https://rjae.ru/index.php/rjae/issue/view/42/42> (дата обращения: 04.06.2025).
3. Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 2007.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, аспекты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 92–104.
6. Комарова А.В., Кукарских В.В., Бубнов М.О., Дэви Н.М. Потенциал применения параметра blue intensity для оценки климатического отклика радиального прироста деревьев на полуострове Крым // *Экология*. 2023. № 5. С. 375–386. DOI 10.31857/S0367059723050062. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54348472> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Косицкая Ф.Л. Французский экологический дискурс и его жанровая дифференциация // *Вестник Томского Государственного Педагогического Университета (ТГПУ)*. 2017. № 10 (187). С. 44–47.
8. Куприянов А.Н., Манакон Ю.А., Куприянов О.А., Шатилов Д.А. Реконструкция почвенно-растительного слоя на поверхности отвалов в Кузбассе // *Уголь*, 2021. № 2 (1139). С. 46–52 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekonstruktsiya-pochvenno-rastitelnogo-sloja-na-poverhnosti-otvalov-v-kuzbasse> (дата обращения: 29.04.2025).
9. Лисотова Е.В., Сунцова Л.Н., Инишаков Е.М. Влияние атмосферного загрязнения на морфометрические показатели древесных растений в условиях г. Красноярск // *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*. 2025. № 252. С. 140–154. DOI 10.21266/2079-4304.2025.252.140-154. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80515834> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. 2011.
11. Санта-Круз Х., Яньез К., Неаман А., Довлетярова Э.А., Дубровина Т.А., Воробейчик Е.Л., Крутяков Ю.А. Роль цинка в снижении токсичности меди для растений и микроорганизмов в техногенно загрязненных почвах: обзор // *Экология*. 2023. № 6. С. 422–434. DOI 10.31857/S0367059723060045. URL: <https://journals.rcsi.science/0367-0597/article/view/232836> (дата обращения: 03.03.2024).
12. Шарая Л.С., Иванова А.В., Шарый П.А., Костина Н.В., Розенберг Г.С. Влияние климата на таксономическое разнообразие сосудистых растений в Среднем Поволжье // *Экология*. 2023. № 4. С. 271–280. DOI 10.31857/S0367059723040108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=RSQJYU> (дата обращения: 23.04.2024).
13. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя /сост. О.Г. Ревзина. М. 1972. С.95–113.*
14. Boas F. (ed.). *Handbook of American Indian Languages. Part I. Washington*. 1911. P. 158.
15. Dryzek J.S. *The Politics of the Earth*. 2nd ed. Oxford. 2005.
16. Gordienko T.A., Sukhodolskaya R.A., Gorbunov R.P., Belosludcev A.D. // *Structure of herpetobionts communities in Volga-Kama State Reserve / Russian Journal of Applied*

Информация об авторе

Анастасия Игоревна Зуева,
Санкт-Петербургский Государственный
Университет (Санкт-Петербург, Россия).
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 7–9.
Аспирант кафедры общего языкознания
им. Л.А. Вербицкой.
Научные интересы: дискурс, эколингвистика.
ORCID ID: 0009-0009-6013-6966
SPIN-код: 6530-2292, Author-ID: 1328877
E-mail: zuevaanastasia2399@mail.ru

Information about the author

Anastasia I. Zueva,
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia).
199034, Russia, St. Petersburg, 7-9
Universitetskaya Embankment.
Postgraduate student of the Department
of General Linguistics named after L.A. Verbitskaya
Research interests: discourse,
environmental linguistic.
ORCID ID: 0009-0009-6013-6966
SPIN-code: 6530-2292, Author-ID: 1328877
E-mail: zuevaanastasia2399@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2025;
одобрена после рецензирования 23.01.2026;
принята к публикации 23.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

The article was submitted 28.12.2025;
approved after reviewing 23.01.2026;
accepted for publication 23.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Зуева, А.И. Способы выражения категории эвиденциальности в русскоязычном экологическом научном дискурсе // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 27–35. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-27-35.

For citation: Zueva, A.I. Ways of expressing the category of evidentiality in the Russian-language environmental scientific discourse // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 27–35. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-27-35.

Права: © А.И. Зуева (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

О.П. Попова
О.Р. Попова

ТОПОНИМИКОН РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

TOPONYMY OF ADVERTISING TEXTS IN THE TOURISM SECTOR OF LIPETSK REGION

Статья посвящена проблеме языка рекламного туристического дискурса, в частности вопросу функционирования топонимической лексики в рекламных текстах сферы туризма Липецкой области и роли топонимов в формировании медиаобраза региона. Источником эмпирического материала выступили сайты туристических агентств Липецкой области, продвигающих межрегиональный и внутрирегиональный туризм: «Lipetsk-reisen», «Амиго», «Елецкий край», «Спутник» и др. Объем авторской картотеки составил 87 единиц. Собранные проприальные единицы были классифицированы с опорой на три критерия: тип именуемого объекта, способ образования референта, структурная организация. В результате в соответствии с первым дифференцирующим признаком в топонимиконе рекламных текстов выделено 6 групп единиц (хоронимы / астионимы / оронимы / урбанонимы / гидронимы / комонимы), со вторым – 2 группы (репрезентирующие природные референты / представляющие искусственно созданные человеком в процессе своей жизнедеятельности объекты), с третьим – 3 (однокомпонентные / двухкомпонентные / многокомпонентные). Количественный анализ собранных данных позволил считать группу урбанонимов самой объемной по количеству входящих единиц (28 % от всей картотеки примеров), а единицы группы астионимов – самыми частотными при реализации в контексте (на них приходится 38 % словоупотреблений). Вступая в меронимические отношения друг с другом, устанавливая ситуативные связи с различными типами онимов (антропонимами, эклезионимами, ивентонимами и т.д.) и апелляциями, топонимы помогают адресанту формировать в сознании адресата медиаобраз Липецкой области как самобытного региона с многовековой историей старинных городов, славным военным прошлым, почитаемыми православными святынями.

Ключевые слова: рекламный туристический дискурс, ономастика, топоним, меронимические отношения, культурные коннотации, медиаобраз Липецкой области.

The article is devoted to the problem of the language of advertising tourism discourse, in particular, the functioning of toponymic vocabulary in advertising texts of the tourism sphere of the Lipetsk region and the role of toponyms in the formation of the region's media image. The source of the empirical material for the study was the websites of travel agencies in the Lipetsk region promoting interregional and intraregional tourism: Lipetsk-reisen, Amigo, Yelets Region, Sputnik, etc. The volume of the author's card index was 87 units. The collected proper names

were classified based on three criteria: the type of the named object, the method of reference formation, and the structural organization. As a result, according to the first differentiating feature, 6 groups of units (choronyms / astionyms / oronyms / urbanonyms / hydronyms / comonyms) were identified in the toponymicon of advertising texts, and two groups (representing natural referents / representing objects artificially created by humans in the course of their life activities) were identified according to the second differentiating feature, and three groups (single-component / two-component / multi-component) were identified according to the third differentiating feature. A quantitative analysis of the collected data allowed us to consider the group of urbanonyms to be the most extensive in terms of the number of units (28 % of the total number of examples), and the units of the group of astionyms to be the most frequent when implemented in context. By entering into meronymic relations with each other, situational connections with various types of onyms (anthroponyms, ecclesionyms, eventonyms, etc.) and appellatives, toponyms help the addressee to form a media image of Lipetsk Region as a unique region with a centuries-old history of ancient cities, a glorious military past, and revered Orthodox shrines.

Key words: advertising tourism discourse, onomastics, toponym, meronymic relations, cultural connotations, the media image of Lipetsk Region.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-36-43

Топонимическая лексика уже давно находится в фокусе научных исследований отечественных ученых. При этом ведущим направлением ее изучения является историческое, что вполне объяснимо. Ведь именно топонимы способны сохранять языковые реликты в разных областях (фонетика, лексика, словообразование), помогать в очерчивании границ расселения этносов, в определении языков-субстратов, в уточнении ареала распространения диалектов. Происхождению и развитию топонимии субъектов Российской Федерации, больших и малых населенных пунктов, природно-исторических регионов, бассейнов рек (Архангельское Поморье, Астраханская область, г. Вологда, г. Магадан, Забайкальский край, Карелия, р. Казым, междуречье р. Покши и р. Мезы, Республика Алтай, Республика Коми, Смоленский край и т.д), различных славянских и неславянских языков (английского, испанского, калмыцкого, китайского, кумыкского, немецкого, русского, хантыйского и многих др.) посвящено немало научных исследований (см., например, [12; 4; 6; 16; 2] и т.д.).

В конце XX в. – первой четверти XXI в. работы по изучению топонимов все чаще стали характеризоваться комплексностью, осуществлением межпредметных связей и антропоцентрической направленностью [8, 108], что позволило выполнять не только историко-хронологический, этимологический анализы, но и описывать особенности современной топонимии, выявлять когнитивные механизмы создания единиц и т.д. Несмотря на это, вопросы динамических изменений топонимов, переименования географических объектов, функционирования топонимов в разговорной речи, текстах разных дискурсов (художественного, публицистического, политического, рекламного и др.), прагматического и лингвостилистического потенциала до сих пор являются менее изученными по сравнению с исследованием географических названий в историческом контексте. Отсутствие исчерпывающих описаний топонимических единиц, функционирующих в текстах рекламного дискурса, отмеченное современными учеными [17, 80], побудило нас обратиться к выбранной теме исследования. Изучение же рекламных текстов именно сферы туризма обусловлено двумя взаимосвязанными причинами:

– динамичным развитием внутреннего туризма в России, его популяризацией, в которой немалую роль играют маркетинговые коммуникации. Их эффективность

во многом связана с качественным вербальным сообщением – лаконичным, но точным и эмоциональным;

– в анализируемых текстах топонимы вместе с другими типами онимов, апеллятивами, атрибутивной лексикой обеспечивают одновременную трансляцию адресату фактуальной, концептуальной, подтекстовой информации, а также способствуют изменению его установок [18, 515].

Цель нашей статьи состоит в выявлении, классификации и описании топонимической лексики, функционирующей в рекламных текстах сферы туризма Липецкой области, а также в анализе роли топонимов в формировании медиаобраза региона.

Источником материала исследования выступили сайты нескольких туристических агентств Липецкой области, продвигающих

1) межрегиональный туризм: «Lipetsk-reisen» (<https://lipetsk-reisen.com>), «Амиго» (<https://amigo-elets.vsite.pro>), «48onTour» (<https://48ontour-tury-iz-lipetska.clients.site>) и др.;

2) туристические поездки внутри региона: «Елецкий край» (<https://eletsckray.ru>), «Елецкий паломник» (<https://el-eparhy.ru/palomnicheskij-otdel>), «Экстрагид. Елец» (<https://extraguide.ru/russia/elets/>) и др.

Выбор субъекта РФ обусловлен не только личными предпочтениями (наше место жительства), но и тем, что регион как раз является объектом активного внутреннего туризма. По данным Росстата, на территории Липецкой области работает более 100 сайтов туристических агентств, осуществивших только за 2024 г. свыше 240 000 туристических поездок⁷.

Всего было изучено 115 рекламных текстов. Методом сплошной выборки из них было извлечено 87 топонимов, составивших авторскую картотеку примеров. При сборе этих лексем мы понимали «топоним» в широком смысле слова, т.е. как обобщенный термин для названий разных географических объектов (города, реки, горы, моря и т.д.) [15, 135]. Собранный лексический материал обрабатывался преимущественно с использованием трех методов: описательного, позволившего классифицировать, интерпретировать и сопоставить собранные данные; текстологического анализа, способствовавшего выявлению синтагматических связей исследуемых единиц в контексте; количественного анализа, направленного на установление частотности употребления той или иной лексемы и объяснение полученных числовых значений.

Топонимы, зафиксированные в текстах регионального рекламного туристического дискурса Липецкой области, систематизируем с опорой на разные критерии. Первый критерий – тип именуемого объекта – позволил выделить 6 подгрупп топонимических единиц и представить их предметно-номинативную классификацию:

1) хоронимы, которые именуют в основном административно-территориальные единицы, существующие сейчас или существовавшие в прошлом. Например, ср.: *Липецкая область* (субъект Российской Федерации, который входит в Центральный федеральный округ) и *Орловская губерния* (административно-территориальная единица Российской империи, РСФСР и СССР, существовавшая в 1778 (1796) – 1928 гг.). В эту же подгруппу относим и кратоним *Россия*. Термин «кратоним», предложенный в работе М.Н. Мокроусова и О.В. Шаклеиной 2018 г., посвященной проблеме автоматизированного анализа естественно-языковых текстов с применением баз данных имен собственных русского языка, восходит к др.-греч. *κράτος* – 'сила, власть' + *ὄνομα* – 'имя, название' [11, 35]). Авторы обозначают им собственное имя любого государства, королевства, республики и др.;

2) астионимы, вид ойконимов, собственные имена городов, расположенных в Липецкой области. Например: *Липецк* (город в России, административный центр Липецкой области), *Елец* (город в России, административный центр Елецкого района

⁷ Туризм в Липецкой области. Информационное сообщение для СМИ. 25 сентября 2025 года. URL: [https://48.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Туризм%20в%20Липецкой%20области\(1\).pdf](https://48.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Туризм%20в%20Липецкой%20области(1).pdf) (дата обращения: 02.12.2025).

Липецкой области), *Задонск* (город в России, административный центр Задонского района Липецкой области) и др.;

3) оронимы, называющие вогнутые или, напротив, выпуклые формы рельефа на территории Липецкой области. Например: *Кошкина гора* (высокий мыс, памятник археологии, истории и духовной культуры г. Ельца), *Каменная гора* (холм в г. Ельце, на вершине которого расположен Елецкий Знаменский женский монастырь), *Воргольские скалы* (каменные массивы в заповеднике «Галичья гора», в 10 км от г. Ельца) и др.;

4) урбанонимы, собственные имена различных внутригородских объектов, для части которых в ономастике предлагаются свои термины, а именно: агоронимы (названия рынков, площадей), годонимы (названия бульваров, проспектов, улиц), городские хоронимы (имена кварталов, районов города), ойкодомонимы (имена зданий). Например: *Черная слобода* (исторический район Ельца), *Красная площадь* (площадь в г. Ельце на берегу реки Быстрой Сосны, получившая свое название в память о кровопролитном сражении с полчищами Тамерлана летом 1395 г.) и др.;

5) гидронимы, иными словами, названия водных объектов, в нашем материале их референты связаны с территорией Липецкой области (находятся на ней, протекают через нее). Например: *Дон* (главная река Липецкой области, которая протекает по ней с севера на юг), *Воргол* и *Ельчик* (реки в Липецкой области России, левобережные притоки Быстрой Сосны) и др.;

6) комонимы, т.е. собственные имена сельских поселений. Например: *Аргамач Пальна* (село Елецкого района Липецкой области России), *Казинка* (село, административный центр Казинского сельсовета Грязинского района Липецкой области.) и др.

Объем выделенных по первому классификационному критерию групп топонимов неодинаков: лексемы первой подгруппы составляют 20 % авторской картотеки, второй – 7 %, третьей – 14 %, четвертой – 28 %, пятой – 18 % и шестой – 13 %. Наиболее разнообразной группой, что очевидно из приведенных количественных данных, выступает группа урбанонимов. Урбанонимы, репрезентируя локативные смыслы при реализации коммуникативного сценария «путешествие по Липецкой области», помогают конструировать медийный образ Липецкой области посредством указания на знаковые объекты, имеющие культурную ценность и выступающие своеобразными точками притяжения потенциальных туристов: «*Вы прогуляете по пешеходной Торговой улице ..., услышите историю строительства Каракумского моста*» [19]. В приведенном примере урбанонимы *Торговая улица* и *Каракумский мост* служат созданию медийного образа старинного города Ельца. Выполняя аттрактивную функцию, урбанонимы называют те ключевые объекты, т.е. улицу Ельца, считающуюся центральной еще с XIV в. [9, 108], и пешеходный металлический ферменный мост, важное инженерное сооружение города [1], которые выступают визитной карточкой и города, и региона в целом.

В отличие от урбанонимов, подгруппа астионимов по набору единиц является самой малочисленной, однако если мы будем говорить о частотности контекстуального употребления единиц, то, напротив, астионимы чаще единиц других подгрупп встречаются в рекламных текстах туристического дискурса: 38 % контекстуальных употреблений приходится именно на астионимы и 62 % (суммарно) на единицы остальных подгрупп. Этот факт, на наш взгляд, объясняется экстралингвистической причиной: ключевыми центрами предлагаемых туристических маршрутов являются наиболее крупные города региона – Липецк и Елец: «Экскурсия в Елец познакомит вас с очаровательнейшим городком Липецкой области. <...> В Ельце имеется и собственная Красная площадь. <...> Отличным решением будет выбрать многодневные туры в Липецкую область с экскурсией в Елец» [10]. В приведенном примере топоним *Елец* благодаря лексическому повтору становится семантической доминантой, с которой ситуативно связаны иные топонимы: хороним *Липецкая область* и урбаноним *Красная площадь*. Совокупность топонимов, повторная номинация Ельца, содержащая мелиоративную коннотативную

оценку, – «очаровательнейший городок», помогают конструировать медийный образ Липецкой области как культурного топоса.

Вторым классификационным критерием топонимических единиц рекламных текстов сферы туризма Липецкой области становится способ образования референта. Здесь выделяем

1) топонимы, репрезентирующие естественно образованные, природные референты: *Воронов камень* (заповедное урочище в Липецкой области, входящее в заповедник «Галичья гора») или *Тешевка* (небольшая река на Русской равнине, левый приток Дона, протекает в Задонском районе Липецкой области);

2) топонимы, представляющие искусственно созданные человеком в процессе своей жизнедеятельности объекты: *Торговая улица* (историческое название улицы Мира в г. Ельце Липецкой области) или *Кудыкина гора* (парк природных чудес в Липецкой области России, расположенный в Задонском районе, у села Каменка).

Топонимы второй группы более частотны в текстах туристического рекламного дискурса и составляют 76 % авторской картотеки.

Стоит отметить, что лексемы обеих групп зачастую функционируют в одном контексте, формируя целостный медийный образ репрезентируемого объекта: «Задонск – небольшой и относительно молодой город в Липецкой области, стоящий на берегу Дона, в устье впадающей в него реки Тешевки» [10]. В данном примере астионим *Задонск*, хороним *Липецкая область*, имеющие искусственно созданных референтов – социально преобразованную среду обитания людей, гидронимы *Дон* и *Тешевка*, напротив, отсылающие к природным референтам, а также апеллятивы *берег*, *устье*, *река*, акцентирующие внимание на месторасположении города, помогают представить Задонск как туристический объект, интересный природными красотами. Однако это лишь одна сторона медийного образа Задонска, вторая – православный центр Липецкой области. В ряде контекстов средством объективации этой, второй, стороны становится прецедентный топоним *русский Иерусалим*, «ономастическая метафора», источником которой является имя собственное [13, 29]: «Быть может, вы хотите узнать, за что Задонск именуют русским Иерусалимом?» [10].

По структуре (третий классификационный критерий) топонимы рекламных текстов делятся на однокомпонентные (состоящие из одного слова), двухкомпонентные (имеющие в своем составе две лексемы) и многокомпонентные (три и более). В нашей выборке наиболее часто встречаются однокомпонентные (*Липецк*, *Епифань*, *Дивногорье*, *Тешевка*, *Дон*, *Ельчик* и др.) и двухкомпонентные (*Липецкая земля*, *Соборная площадь*, *Веревошный городок* и др.) топонимические единицы, причем в количественном отношении преобладают двухкомпонентные (53 %). Группа многокомпонентных топонимов представлена единичными примерами, причем иногда не являющимися официальными наименованиями референтов (ср. наименования крупнейшего городского парка в г. Липецке: двухкомпонентная единица *Нижний парк* и многокомпонентная *Липецкий Нижний парк* в контексте рекламного сообщения).

В текстах рекламного туристического дискурса топонимическая лексика регулярно функционирует с другими группами онимов: хрематонимами, антропонимами, экклезионимами, геортонимами, ивентонимами. Например: «В Ельце имеется и собственная Красная площадь. <...> Именно здесь находится братская могила ельчан, погибших в ходе сражения с **Тамерланом** в 1396 году. А в 1996 году здесь был установлен **памятник Защитникам Ельца всех времен**... Здесь же, на Красной площади Ельца находится грандиозный **собор Вознесения Господня**» [10]. Данный фрагмент текста иллюстрирует употребление топонимической лексики в одном контексте с антропонимом *Тамерлан*, монументонимом *памятник Защитникам Ельца всех времен* и экклезионимом *собор Вознесения Господня*. Эти проприальные единицы вместе с предикатами бытия, местонахождения создают медийный образ Ельца как города-воина, выполняющего столетиями свой священный долг защитника русских земель.

Основной функцией любого топонима является номинативная. Выделенные нами единицы в туристическом рекламном дискурсе не являются исключением: они называют объекты, находящиеся на территории Липецкой области: «Разве можно, приехав в Задонск, удержаться и не пустить детей в Веревошный городок?» [10]. Но кроме этого исследователи говорят о способности топонимических единиц аккумулировать культурно-историческую информацию об этапах жизни народа, особенности национального менталитета [5, 131]. Способность топонимов и отсылать к географическим объектам, и одновременно отражать факты культурно-исторического развития общества объясняет эффективность их использования адресантом при формировании медиаобразов территорий, в том числе и Липецкой области. Ведь носители языка, знакомясь с текстом, обычно ощущают исторические и социальные коннотации, связанные с местом [14, 188–189]. Например: «Черная Слобода – малоизвестная точка на туристической карте. Откройте ее на экскурсии по Ельцу на уникальном эко-маршруте, где пролегает русло древней реки, шумят вековые деревья, и витает старинный дух елецкого купечества, зародившегося в этих землях» [20]. Упомянутый топоним, полагаем, должен привлечь внимание потенциального туриста (почему именно *Черная* слобода?), который интуитивно чувствует имеющиеся культурные коннотации у лексемы. И действительно, краевед А. Воскресенский пишет: «Черною она называлась потому, что здесь исключительно работал чернорабочий класс, горшечники, кирпичники, печники, сапожники, башмачники и кожевники» [3, 124].

Подводя итог, отметим, что функционирующие в рекламных текстах сферы туризма Липецкой области топонимы представляют собой не разрозненный пласт единиц, а упорядоченную систему. И упорядочена она, считаем, за счет реализации таких парадигматических отношений, как меронимические (холо-партитивные). Это отношения целого и части, реализующиеся в таком конкретном классификационном типе, как «территория – определенное место» [7, 273], например, холоним *Липецкая область* – меронимы *Елец*, *Липецк*, *Задонск* и т.д, холоним *Елец* – меронимы *Черная слобода*, *Торговая улица*, *Красная площадь* и т.д.

В рекламных сообщениях туристической индустрии Липецкой области топонимикон становится не только инструментом, выполняющим аттрактивную, информативную функции, служащим объективации локативных смыслов, но и лексическим средством конструирования в сознании адресата определенного медиаобраза Липецкой области, характерными чертами которого выступают «уникальный, самобытный регион», «служащий Отечеству», «с многовековой историей старинных городов», «с почитаемыми святынями».

1. Бондарев Б.А., Дячкин О.Д. История развития мостового хозяйства Липецкой области. Каракумовский мост, Елец: к истории строительства: монография. Липецк, 2022.
2. Васильев В.Л. Гидронимия на -иха в исторических Новгородско-Псковских землях // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2025. № 3 (17). С. 30–40.
3. Воскресенский А. Город Елец в его настоящем и прошлом (Опыт исторического очерка). Краеведческое издание 1911 года / ред.-сост. В.П. Горлов; Историко-культурный центр г. Ельца, Елецкий государственный педагогический институт. Елец, 1999. (Елецкая быль. Вып. 8).
4. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым: автореф. дис. . д-ра филол. наук. Ижевск, 2006.
5. Дука Л.И. Ассоциативно-культурный компонент в семантике онимов // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т. 1 / отв. ред. Е.И. Диброва. М., 1998. С. 131–132.
6. Кабина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2012.
7. Колодько Д.А. Меронимические отношения как проявление системности в лексике // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3–2. С. 270–275.

8. Кондакова И.А. Основные направления современных отечественных ономастических исследований // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 2–2. С. 105–108.
9. Краснова Т.В. Российская топонимия в художественной прозе И.А. Бунина. Воронеж / ред. Л.А. Вострикова. Воронеж, 2005.
10. Магазин путешествий. URL: <https://magput.ru/tours/elets> (дата обращения: 12.03.2025).
11. Мокроусов М.Н., Шаклеина О.В. Новая классификация имен собственных русского языка в задаче извлечения именованных сущностей // Norwegian Journal of Development or the International Science. 2018. № 25. С. 32–37.
12. Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
13. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
14. Никольская Т.Е. Ассоциативное поле личного имени // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т. 1 / отв. ред. Е.И. Диброва. М., 1998. С. 188–190.
15. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
16. Поляков О.Е., Леткина Н.В., Иванова Г.С. Топонимы мордовского происхождения в «Историческом словаре топонимов Симбирской губернии» (1859–1913 гг.) // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 702–709.
17. Разворотнева И.Н. Функции топонимов в медиатекстах (на материале испанского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 79–87.
18. Селеменева О.А. Ономастическая страта туристического рекламного текста в российской периодике (на материале журнала-тревелого «RussianTraveler») // Медиалингвистика. 2024. Т. 11. № 4. С. 515–530.
19. Трипстер. URL: <https://experience.tripster.ru/experience/24941/> (дата обращения: 23.04.2024).
20. Туристический информационный портал. URL: <https://visitelets.ru/excursions/chernoslobodskaya-ekotropa/> (дата обращения: 04.12.2025).

Информация об авторе

Ольга Петровна Попова,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Аспирант, кафедры русской филологии
и журналистики.
Научные интересы: ономастика,
медиалингвистика.
ORCID ID: 0009-0009-0593-1692
SPIN-код: 4197-4910, AuthorID: 1251952
E-mail: Olgapopova1996@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.01.2026;
одобрена после рецензирования 19.02.2026;
принята к публикации 19.02.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the author

Olga P. Popova,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Russia, Lipetsk region,
Yelets, Kommunarov str., 28.
Postgraduate student of the Department of Russian
Philology and Journalism.
Research interests: onomastics,
media linguistics.
ORCID ID: 0009-0009-0593-1692
SPIN-code: 4197-4910, AuthorID: 1251952
E-mail: Olgapopova1996@yandex.ru

The article was submitted 17.01.2026;
approved after reviewing 19.02.2026;
accepted for publication 19.02.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Попова, О.П. Топонимикон рекламных текстов сферы туризма Липецкой области // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 36–43. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-36-43.

For citation: Popova, O.P. Toponymy of advertising texts in the tourism sector of Lipetsk region // Philologos. 2026. No. 1 (68). Pp. 36–43. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-36-43.

Права: © О.П. Попова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ЛИНГВОПОЭТИКА И СЕМАНТИКА / LINGUOPOETICS AND SEMANTICS

Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина
N.B. Bugakova, S.A. Skuridina

ТЕРМИН РОДСТВА МАТЬ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА

THE TERM "MOTHER" IN A. PLATONOV'S EARLY PROSE

В настоящей статье рассматривается специфика функционирования термина родства «мать» в ранней прозе А. Платонова. Авторами отмечается, что лексемы, обозначающие родственные отношения, по-прежнему занимают важное место в русской лингвокультуре, поскольку отражают социальные нормы и особенности взаимодействия внутри семьи и проявляются в оппозиции «свой – чужой», реализуя идентифицирующую функцию. В связи с тем, что термины родства относятся к древнейшему общеславянскому фонду и возникают в речи с высокой частотностью, они активно используются в литературных произведениях. Новизна исследования обусловлена недостаточным количеством научных работ, посвященных анализу функций терминов родства в художественных текстах, и единичными работами, анализирующими термины родства в творческой лаборатории А. Платонова, в художественных текстах которого термины родства не только вводятся для обозначения кровных связей, но и становятся символическими маркерами духовных и моральных качеств персонажей, отражающих их внутреннюю сущность и отношение к миру. Так, термин родства «мать» в ранней прозе приобретает особую значимость, транслируя одновременно близость и отчуждение, любовь и боль, жизнь и смерть. Образ матери глубоко автобиографичен и связан с образом матери А. Платонова – Лобочихиной Марии Васильевны. Для реализации образа матери писателем используются лексемы «мать», «мама» (включая звательную форму «мам»), «матерь». Мать в произведениях А. Платонова объединяет христианский, языческий смыслы, так как они позволяют создать представление о целостности жизни: мать, Мать-сыра-земля, Богородица, а впоследствии Родина являются разными ипостасями рождающей субстанции. Употребляется А. Платоновым слово категории родства «мать» и в составе междометных образований, например, «мать честная», а также в составе бранных выражений, являющихся окказиональными, например, «мать твоя жабые брюхо».

Ключевые слова: А. Платонов, термины родства, родственный код, мать, ранняя проза.

This article examines the specifics of the functioning of the kinship term "mother" in A. Platonov's early prose. The authors note that lexemes denoting kinship relations still occupy an important place in Russian linguistic culture, since they reflect social norms and features of interaction within the family and manifest themselves in the "friend-foe" opposition, realizing an identifying function. Due to the fact that kinship terms belong to the oldest common Slavic stock and occur in speech with high frequency, they are actively used in literary works. The novelty of the research is due to the insufficient number of scientific papers devoted to the analysis of the functions of kinship terms in literary texts, and isolated works analyzing kinship terms in the creative laboratory of A. Platonov, in whose artistic texts kinship terms are not only introduced to denote blood ties, but also become symbolic markers of the spiritual and moral qualities of characters, reflecting their inner essence and attitude to the world. Thus, the term of kinship "mother" in early prose acquires special significance, simultaneously conveying closeness and alienation, love and pain, life and death. The image of the mother is deeply autobiographical and is connected with the image of A. Platonov's mother, Lobochikhina Maria Vasilyevna. To realize the image of a mother, the writer uses the lexemes "mother", "mother" (including the vocative form "mom"), "mother". The mother in the works of A. Platonov combines Christian and pagan meanings, as they allow us to create an idea of the integrity of life: mother, Mother cheese-earth, the Virgin, and later the Motherland are different hypostases of the generative substance. A. Platonov uses the word of the kinship category "mother" both as part of interjective formations, for example, "honest mother", as well as as part of abusive expressions that are occasional, for example, "your mother is a toad's belly".

Key words: A. Platonov, kinship terms, kinship code, mother, early prose.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-44-51

Известно, что термины родства сформировались еще в общеиндоевропейский период, что обуславливает их повсеместное существование. Е.Ю. Воробьева отмечает, что «архетип Матери – это универсальная априорная категория бытия, присутствующая во всех без исключения цивилизациях. Инанна, Иштар, Кибела, Нюйва, Шакти и т.д. олицетворяли процессы создания мира, управления природой, покровительства всем существам, населяющим землю. Они старше, чем само человечество, потому что даровали жизнь первым людям и все, связанное с рождением и смертью, находилось в их власти» (Воробьева Е.Ю.). Неслучайно, что в русской лингвокультуре существует образ Матери-сырой-земли, который неоднократно возникает в фольклорных текстах разных жанров и «имеет сакрально-обобщенное значение»: «подразумевает основу, порождающую субстанцию» [1, 213].

Однако необходимо отметить, что славянские термины родства характеризуются определенным своеобразием, которое «обусловлено более поздним формированием некоторых слов уже в условиях обособленности славянских языков» [24, 26].

В настоящее время термины родства занимают важное место в русской лингвокультуре, поскольку по-прежнему отражают социальные нормы и особенности взаимодействия внутри семьи и проявляются в оппозиции «свой – чужой», реализуя идентифицирующую функцию, выступая «заместителями имени в случае его незнания или незначимости в реальном коммуникативном акте» [8, 199].

В современной лексикографии под лексемой *мать* понимается родительница, женщина по отношению к своим детям; самка по отношению к своим детенышам; *иногда* – женщина вообще. Мать состоит со своими детьми в кровном родстве, которое «считается самым важным (эталонным) видом родства, родством в прямом, узком или собственном смысле слова; по отношению к нему в первую очередь формулируются регламентации

поведения, на него ориентируются нормы, относящиеся ко всем другим видам родства» [30, 198]. Существует определенная иерархия родственных отношений, когда традиционно в семье на первом месте стоит отец, затем идут мать, братья и сестры [29, 154].

Очевидно, что «национальная символика широко представлена в литературе на любом этапе ее развития» [16, 34]. Художественные образы, символы, архетипы и ключевые понятия выражают уникальный культурный код нации, «объективируются в контексте конкретной социокультурной ситуации и в зависимости от замысла автора и сюжетной ситуации участвуют в раскрытии идейно-художественного замысла произведения. При этом они отражают национальное мировоззрение, менталитет, традиции народа, своеобразие его культуры, дополняя образ множественностью новых смысловых нагрузок», – отмечает И.Ю. Кириллова [16, 34]. Кроме того, исследователь считает, что «интенсивность обращения к символам, как правило, зависит от социально-исторических перемен и развития общественно-философской мысли в целом. Особое значение они приобретают в переломные эпохи, в период ожидания нового и неизвестного как прогноз, предвестие перемен, готовящихся в жизни общества, нации» [16, 35]. Эта гипотеза подтверждается текстами А. Платонова, который в ранних произведениях активно обращается к теме семьи и родственных связей, выраженных через разнообразные термины родства, которые не ограничиваются номинативной функцией, а становятся символическими обозначениями духовных и моральных качеств персонажей, отражая их внутреннюю сущность и отношение к миру.

Настоящая работа посвящена анализу термина родства *мать* и особенностям его функционирования в ономастической лаборатории А. Платонова. Материалом для исследования послужили ранние рассказы писателя, включенные в первый том собрания сочинений, который был подготовлен к изданию в 2004 году инициативной группой платоноведов ИМЛИ РАН. Методом сплошной выборки из прозаических произведений, вошедших в первый том, нами были отобраны случаи употребления писателем лексемы *мать* и ее словоформ.

Новизна предлагаемого исследования обусловлена недостаточным количеством научных работ, посвященных анализу функций терминов родства в художественных текстах [10; 27]. Отметим, что работы, анализирующие термины родства в творческой лаборатории А. Платонова, единичны [8].

Актуальность исследования непосредственно связана с непреходящей актуальностью образа матери, а также с важностью этого образа в картине мира писателя.

В данной статье использовались следующие методы: лингвистического наблюдения и описания, этимологический, словообразовательный, ономастический, лингвокультурологический анализ.

Персонажами ранней прозы Платонова мать воспринимается как олицетворение спокойствия, домашнего уюта; полагаем, именно об этом думает герой рассказа «Бучило»: «Кругом нары, храп, пот, вонь, а внутри Евдокима прохладные вечерние деревенские дороги и ждущая ужинать мать» [2, 18]. Здесь мать предстает носительницей «жизни и любви, это тот человек, который заботится и опекает своего ребенка, в связи с чем не менее актуальным выступает союз матери и ребенка как мельчайшая группа общества» [21]. Об этом помнят герои Платонова, потерявшие мать и жалеющие, что теперь «некому его вспомнить даже в погожий день» [2, 92]. Очевидно, так реализуется «поддерживаемая ... посредством культа Богородицы коннотация термина «мать» как кормилицы и заступницы» [30, 198], что подтверждают герои Платонова, полагающие, что «мать спасает мир» [2, 197], потому что способна сделать человека человеком. По мнению А.Ю. Грязновой, «главной характеристикой женщины-матери у писателя является жертвенность, заключающаяся в полной отдаче себя во имя ребенка. Рожая и выкармливая детей, мать отдает им не только свою заботу, но и свое тело, оставляя себе только самое малое, необходимое для поддержания жизненных сил» [12, 128].

И в данном случае образ матери соотносится с образом Матери-сырой-земли, так как в произведениях Платонова «земля – это всеобщая кормилица, она является источником сил и здоровья» [26, 26].

Архетип матери в русской национальной картине мира «обращен к сохранению вечной цепи рождений-смертей-рождений» [9]. Кроме того, отметим, что образ матери напрямую взаимосвязан с образом родного дома: материнская фигура символизирует домашний очаг, а сам дом воспринимается как воплощение материнского начала. Мать олицетворяет добро, защиту, в то время как окружающий мир, напротив, враждебен, и это могут не понимать только дети: «Пусть те, кто дети, играют в песке и думают, что мир им мать» [2, 178]. Без матери «страшно ждать ночь и ночью жить. А если мать не придет?» – такие мысли волнуют героев Платонова, и они зовут мать: «Мам! Мама!» [2, 239] или, проголодавшись, говорят: «Мам, исть хотца. Дюже. Дай ломоть. Да поболе посоли» [2, 239]. Отметим здесь употребление диминутивной формы *мама*, представляющей собой эмоционально окрашенный синоним слову *мать*. Примечательно введение писателем в текст произведения деривата *мам*, представляющего собой форму звательного падежа лексемы *мама*. Полагаем, такое употребление демонстрирует тесную связь персонажа с матерью, в которой герой, в соответствии с архетипическими представлениями русского народа, мать осмысливается как защитница, заступница, а также как «питающая, кормящая» [5, 257].

Кроме лексемы *мать*, писателем используется форма *матерь*, перешедшая в современную обиходную речь из церковнославянского дискурса. Так, один из героев сообщает, что «жалко ему матерь» [2, 239]. Словари приводят лексему *матерь* с пометкой *высок. устар.* В соответствии с лексикографическими данными, эта лексема имеет то же значение, что и лексема *мать*. Отметим, что лексема *матерь*, в частности, входит в состав устойчивого сочетания *Матерь Божья*, что свидетельствует об отождествлении Платоновым любой матери с образом Богородицы. Полагаем целесообразным сказать о параллелях, проводимых, на наш взгляд, писателем: мать – заступница, Богородица, как известно, тоже. В частности, вспомним распространенный сюжет, в честь которого установлено празднование Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября. В основе праздника – «явление Пресвятой Богородицы, произошедшее во время богослужения во Влахернском храме Константинополя» [19, 341]. Известно, что Константинополю угрожало варварское нашествие, и однажды в этом храме во время Всенощной состоялось явление Богородицы, которая «сняла со Своей головы покрывало и прострела его над молящимися, защищая их от врагов видимых и невидимых» (там же). Константинополь был спасен, т.е. Матерь Божия спасла и помогла. Таким образом, в текстах Платонова находят отражение народные представления о матери, ассоциирующие ее с Богородицей. Известно, что в основе сознания писателя находятся категории православной догматики [3, 39]. В современной науке представлены исследования, посвященные выявлению влияния на творчество писателя христианских духовных традиций [11; 13; 14; 25]. Нами так же отмечалось, что, «будучи учеником церковно-приходской школы, Платонов изучал Закон Божий» [7, 47]; кроме того, по признанию самого писателя, выросшего в Ямской слободе г. Воронежа, он часто слушал звуки колокола Чугунной церкви, бывшей духовным центром слободской жизни: «Колокол «Чугунной» церкви, – вспоминал Платонов, – был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я» [23, т. 3, 487]. Очевидно, что эти воспоминания не могли не найти отражение в творчестве писателя; Е.Н. Проскурина считает, что «детский опыт сохранился в активной памяти писателя, о чем свидетельствует поэтика платоновских произведений, а также любовного эпистолярия, прошитых аллюзиями на Священное Писание» [25, 76]. Кроме того, определенное влияние на формирование сознания будущего писателя оказало то, что круг чтения в слободе к началу XX века складывался в основном из церковных книг, духовно-нравственной, житийной литературы.

Рассмотрение термина родства *мать* позволяет предположить, что, по мнению героев Платонова, повзрослев, человек понимает, что только мать принимает нас любимыми. Подтверждение этой точки зрения находим в рассказе «Тютень, Витютень и Протегален», одного из персонажей которого «сорок лет назад родила ... мать в овине» [2, 220]. Мать «думала, что глист вылезает» [2, 220], так родился Протегален. Персонаж имеет имя – Ваня, представляющее собой диминутив антропонима Иван (ивр. יְהוָה Йоханан) – «Яхве (Бог) пожалел», «Яхве (Бог) смиростивился», «Яхве (Бог) помиловал» [28, 232]. Думается, употребление этого антропонима призвано продемонстрировать читателю, что Бог хранит героя. Отметим, что антропоним *Иван* достаточно часто употребляется писателем. Полагаем, подобная ситуация обусловлена традиционностью данного антропонима для русской национальной картины мира и является «отражением картины мира писателя, основой его мироздания» [7, 226]. Платонов писал, что «сознание себя Иваном-дураком – это самосознание народа (класса). Самое такое самосознание показывает, что мы имеем дело с народом-хитрецом, умницей» [22, 78]. Поскольку Иван и Марья – это «герои сказок, мифологические персонажи, предположим, что уже в раннем творчестве писателя начинает формироваться дуальность восприятия мира, легшая в основу мифопоэтических представлений А. Платонова» [7, 226].

Примечательно, что к персонажу никто не обращается по имени. Мать «звала его веревочкой, ветошкой, срамотой своей, на все лады, но не Ваней. А подрос Ваня, и прозвали его Протегалнем, а кто – тощей верстой» [2, 220]. По нашему мнению, таким образом реализуется одна из ключевых особенностей модели ономастического творчества писателя, который лишает персонаж имени, используя вместо антропонима прозвище. Это «отражает концепцию изображаемого писателем мира, характеризует внутренний мир персонажей, их роль в развитии сюжета, а также способствует выявлению художественных смыслов произведения» [7, 299]. Вслед за М.М. Бахтиным будем считать, что прозвище является формулой перехода, так как, делая нарицательное собственным, «переплавляет, перерождает» [4, 147]. Таким образом осуществляется смена идентичности персонажа. Этой же точки зрения придерживается О.В. Ланцова, которая сообщает, что герои, «обладающие псевдонимом или прозвищем, ведут игру, а постоянное ношение имени-маски символизирует отказ от настоящего имени. Таким образом, обозначение по признаку или ношение псевдонима, прозвища ... однозначно указывает в первом случае на сокрытие, а во втором – на искажение сущности героя» [18, 249]. Один из героев Платонова, рассказывая о своей матери, не называет ее имени. Вместо этого он подробно описывает географию, с которой связана жизнь матери: «Родом она с Кубани, а в Сибирь приехала с первым мужем – переселенцем из Воронежской губернии» [2, 41]. Примечательно, что имя мужа так же не функционирует в рассказе; по мнению автора, реплика о том, что он – переселенец из Воронежской губернии, более информативна.

Отметим употребление термина родства *мать* в составе междометных образований. Герой «Рассказа о многих интересных вещах» использует распространенное выражение *мать честная*, описывая свои ощущения от «комплекса электромагнитных полей» [2, 268]: «А лихо берут, мать честная, ... не начешешься» [2, 268]. В рассматриваемом примере междометие *мать честная* выражает восхищение, испытываемое героем во время проводимого эксперимента. Он сравнивает действие электромагнитных полей на его организм с тем, «как на кожу его сели как бы четыре тысячи мух» [2, 268]. Такая гиперболизация обуславливает употребление глагола *не начешешься*.

Интересным является использование термина родства *мать* в составе бранного выражения «мать твоя жабье брюхо» [2, 183], очевидно, представляющего собой окказиональное образование. Употребление лексемы *мать* в составе этого выражения демонстрирует, что образ матери действительно имеет высокую ценность в русской лингвокультуре. А.Д. Палкин отмечает, что «русская мать – прежде всего «женщина», «родная» и «родитель»» [21, 75]. Кроме того, исследователь упоминает устойчивое

выражение «женщина-мать», подразумевающее, что «женщине имманентно присущ материнский инстинкт» [21, 75].

Введение в состав этого выражения словосочетания *жабье брюхо* символично: в некоторых культурах жаба является символом плодородия, очевидно, именно поэтому писатель упоминает брюхо как часть тела (в брюхе, как правило, вынашивается потомство). Отметим, что образ лягушки (жабы) широко распространен в мифологиях различных народов и отличается дуальностью смыслов. Во многих мифологических традициях лягушке приписываются как положительные качества, связанные, как отмечалось выше, с плодородием, творчеством и возрождением, так и отрицательные черты, отражающие ее связь с темными силами природы, болезнями и смертью. Примечательно, что в европейских культурных представлениях лягушка зачастую интерпретируется как создание, наделенное демоническими чертами и олицетворяющее собой проявления зла. В русской национальной картине мира образ лягушки (жабы) ассоциируется скорее с негативными значениями. Так, в русских сказках существует устойчивый мотив, согласно которому прекрасные девушки подвергались заклятию и принимали облик лягушек, и освободить их мог только чудодейственный поцелуй доброго героя. Предположим, что писатель, используя образ матери и образ жабы, хотел продемонстрировать глубокую взаимосвязь человека и природы. Эта гипотеза подтверждается точкой зрения о том, что термины родства «в своих вторичных значениях выходят далеко за пределы протозначений и даже за пределы социума: они широко задействованы в области мифологии (языческой и христианской) и в области абстрактных понятий» [15, 5]; кроме того, термины родства, в частности, кровного, «тесно связаны с животным, растительным и предметным миром, с мифологическим пространством и абстрактными понятиями» [15, 1].

Таким образом, завершая рассмотрение термина родства *мать* в ранней прозе Платонова, отметим, что для писателя мать – это не только конкретная женщина, но и один из архетипов, образов в национальной картине мира, в национальном сознании, символизирующий заступницу, помощницу, хранительницу семейного очага, дарующую жизнь человеку. Такие представления основываются на нравственных представлениях народа. Для реализации образа матери писателем используются лексемы *мать*, *мама* (включая форму *мам*), *матерь*. Примечательно употребление термина родства *мать* в составе междометных образований (*мать честная*), а также в составе бранных выражений, являющихся окказиональными (*мать твоя жабье брюхо*). Они становятся символическими обозначениями духовных и моральных качеств персонажей, отражающих их внутреннюю сущность и отношение к миру. Образ матери отражает глубокие философские размышления писателя о смысле жизни, природе человеческого бытия и вечных ценностях семейной близости и преемственности поколений. Мать в произведениях Платонова объединяет христианский, языческий смыслы, так как они позволяют создать представление о целостности жизни: мать, Мать-сыра-земля, Богородица, а впоследствии Родина являются разными ипостасями рождающей субстанции.

1. Агапкина Т.А. Тема родства в восточнославянских лечебных заговорах // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 212–224.

2. Андрей Платонов. Сочинения. Т. 1 (1918–1927). Рассказы. Стихотворения. М., 2004.

3. Антонова Е.В. «Безвестное и тайное премудрости...»: (Догматическое сознание в творчестве А. Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: материалы 2-ой Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А.П. Платонова, Москва, 17–19 октября 1994 года / ред.-сост. Н.В. Корниенко. М., 1995. С. 39–53.

4. Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа). СПб., 2000.

5. Березович Е.Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 257–278.

6. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2007.
7. Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2023.
8. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024 Т. 43 № 2. С. 199–205. DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205.
9. Воробьева Е.Ю. Архетип Матери как субстанциальная константа социоантропологической метафизики // Философия и культура. 2024. № 11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70383 (дата обращения: 22.05.2025).
10. Вохминцева А.В. Лексема родственного кода «брат» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Ф.М. Достоевский в смене эпох и поколений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 13–15 марта 2025 года. Омск, 2025. С. 19–20.
11. Глушенкова О.А. Трансформация образа Богородицы в «Матери коммунизма» (на материале рассказа А. Платонова «Родина электричества») // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Серия: Филология. 2017. № 1 (39). С. 186–188.
12. Грязнова А.Ю. «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова: монография. Воронеж, 2014.
13. Иванов Н.Н. Образность повести А. Платонова «Котлован» в культурном контексте эпохи // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сборник научных статей: [в 2 т.] / редкол.: Э.Ф. Шафранская, Т.В. Павловец (отв. ред.) и др. М., 2011. Т. 1. С. 74–79.
14. Иванов Н.Н. Фаустовские мотивы в русской литературе серебряного века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 26–29.
15. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
16. Кириллова И.Ю. Образ-символ матери в современной драматургии Поволжья (на примере чувашской и марийской литератур) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 1. С. 34–39.
17. Кулагина А. Тема смерти в фольклоре и прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный / [ред.-сост. Н.В. Корниенко]. М., 2000. С. 345–357.
18. Ланцова О.В. Пространство безымянности в произведениях Бернардо Ачаги // Знание. Понимание. Умение, 2011. № 1. С. 248–251.
19. Мовлева Н.С. Малый православный толковый словарь. М., 2005.
20. Мурзасов Р.З. Термины родства в контрастивно-типологическом видении // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 1. С. 98–107.
21. Палкин А.Д. Образ матери в языковой картине мира русских и японцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 1. С. 71–83.
22. Платонов А.П. Записные книжки: материалы к биографии. 2-е изд. М., 2006.
23. Платонов А.П. Избранные произведения: Рассказы. Повести. М., 1983.
24. Правдина И.С. Судьба терминов родства в славянских языках // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 26–27 мая 2015 г. / отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2015. С. 26.
25. Проскурина Е.Н. Духовная традиция в наследии А. Платонова: между притяжением и отталкиванием // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 75–92.
26. Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Лексемы родственно-антропонимического кода в рассказе В.М. Шукшина «Свойка Сергей Сергеевич» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 1 (56). С. 224–234.
27. Суперанская А.В. Словарь личных имен. М., 2013.
28. Толстая С.М. Аксиология родства в свадебном фольклоре // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 148–158.
29. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 7–22.

30. Ханукаева Р.И. Термин «мать» в русских летописях // *Славянский мир: общность и многообразие: Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры, Москва, 21–22 мая 2019 года / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова.. М., 2019. С. 197–201. DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.8.*

Информация об авторах

Надежда Борисовна Бугакова,
Воронежский государственный технический
университет (Воронеж, Россия).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября,
84.
Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации.
Научные интересы: лингвокультурология,
ономастика.
ORCID ID: 0000-0002-2683-0665
SPIN-код: 1080-8136, AuthorID: 665430
E-mail: bugakovanb@yandex.ru

Светлана Анатольевна Скуридина,
Воронежский государственный технический
университет (Воронеж, Россия).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября,
84.
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации.
Научные интересы: ономастика, лингвистика,
поэтика художественного текста
ORCID ID: 0000-0002-2313-2482
SPIN-код: 5975-9507, AuthorID: 654307
E-mail: saskuridina@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.12.2025;
одобрена после рецензирования 31.01.2026;
принята к публикации 31.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the authors

Nadezhda B. Bugakova,
Voronezh State Technical University
(Russia, Voronezh).
394006, Russia, Voronezh, 20th Anniversary
of October St., 84.
Doctor of Sciences in Philology, Docent,
Professor of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication.
Research interests: linguoculturology, onomastics
ORCID ID: 0000-0002-2683-0665
SPIN-code: 1080-8136, AuthorID: 665430
E-mail: bugakovanb@yandex.ru

Svetlana A. Skuridina,
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russia).
394006, Russia, Voronezh, 20th Anniversary
of October St., 84.
Doctor of Sciences in Philology, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication.
Research interests: onomastics, linguistics,
poetics of literary text.
ORCID ID: 0000-0002-2313-2482
SPIN-code: 5975-9507, AuthorID: 654307
E-mail: saskuridina@yandex.ru

The article was submitted 13.12.2025;
approved after reviewing 31.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Бугакова, Н.Б., Скуридина, С.А. Термин родства *мать* в ранней прозе А. Платонова // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 44–51. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-44-51.

For citation: Bugakova, N.B., Skuridina, S.A. The term "mother" in A. Platonov's early prose // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 44–51. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-44-51.

Права: © Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

В.А. Бурцев
V.A. Burtsev

**ОПИСАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТА «ОКАЯННЫХ ДНЕЙ»
И.А. БУНИНА В ТЕРМИНАХ МОДЕЛИ «ТЕМА-ПРИЕМЫ
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ-ТЕКСТ»⁸**

**DESCRIPTION OF THE FEATURES OF THE TEXT "THE CURSED
DAYS" BY I.A. BUNIN IN TERMS OF THE "THEME-EXPRESSIVE
TECHNIQUES-TEXT" MODEL**

Статья посвящена изучению закономерностей построения выразительной структуры текста «Окаянных дней». Исходным пунктом анализа служит литературоведческая концепция «Тема-Приемы выразительности-Текст». Актуальность исследования в том, что до сих пор существует много нерешенных проблем описания и объяснения важных аспектов этого произведения. Эти проблемы не сводятся только к проблемам установления его жанровой специфики, художественного воздействия, языково-стилевых особенностей, а актуальны также для понимания идиостиля писателя в сфере поэтической техники. Цель статьи – описать выразительную структуру текста «Окаянных дней», опираясь на его вывод из темы посредством приемов выразительности. Рассматривается не весь текст, а отдельные его фрагменты, определяемые в статье как типовые композиционные единицы текста. Их содержанием служит изображение людей «новой жизни», относящихся к разным социальным типам: с одной стороны, к рабочим, солдатам и крестьянам (новым правящим слоям общества после Октябрьской революции 1917 г.); с другой, к городскому среднему слою, представителям интеллигенции, которые оказались вовлеченными в «социалистическое строительство». В ходе проведенного анализа получены следующие результаты: сформулированы основная тема текста, ее подтема и ведущий мотив подтемы; это, соответственно, 'кризис социальных отношений в революционную эпоху' – 'рождение нового социально культурного типа человека под влиянием революционных событий' – 'безобразность представителей новой России'. Показано, что тематический мотив развертывается в текст посредством целого ряда приемов выразительности: КОНКРЕТИЗАЦИИ, СОВМЕЩЕНИЯ, КОНТРАСТА, УВЕЛИЧЕНИЯ, ПОВТОРЕНИЯ, ВАРЬИРОВАНИЯ. Выявлено, что выразительность текста «Окаянных дней» обеспечивается не столько самими приемами, сколько их комбинированием. Комбинирование способствует усложнению изображаемых картин, а это типично именно для художественных произведений. Сделан вывод, что оригинальной особенностью структуры текстовых фрагментов «Окаянных дней» является

⁸ В основе статьи лежит доклад, прочитанный на юбилейной Международной научно-практической конференции «"Бунинская Россия" в контексте современных гуманитарных исследований», которая состоялась 23–24 октября 2025 года в ЕГУ им. И.А. Бунина.

карикатурный характер выражения тематического мотива 'безобразность представителей новой России'.

Ключевые слова: И.А. Бунин, модель «Тема-Приемы выразительности-Текст», «Окаянные дни», А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов.

The article is devoted to the study of the patterns of constructing the expressive structure of the text "The Cursed Days." The analysis is based on the literary concept of "Theme-Expressive Techniques-Text." The relevance of the study lies in the fact that there are still many unresolved issues related to the description and explanation of important aspects of this work. These issues are not limited to establishing its genre specificity, artistic impact, and linguistic and stylistic features, but also relate to understanding the writer's idiosyncrasies in the field of poetic technique. The purpose of the article is to describe the expressive structure of the text "The Cursed Days," based on its conclusion from the theme through the means of expressiveness. The article does not consider the entire text, but rather individual fragments of it, which are defined in the article as typical compositional units of the text. Their content is the depiction of people from different social groups: on the one hand, workers, soldiers, and peasants (the new ruling classes of society after the October Revolution of 1917); on the other hand, the urban middle class and intellectuals who were involved in "socialist construction." The analysis yielded the following results: the main theme of the text, its subtheme, and the leading motive of the subtheme were formulated: 'the crisis of social relations in the revolutionary era' – 'the birth of a new socio-cultural type of person under the influence of revolutionary events' – 'the lack of image among the representatives of the new Russia'. It is shown that the thematic motif is developed into a text through a number of expressive techniques: concretization, juxtaposition, contrast, magnification, repetition, and variation. It is revealed that the expressiveness of the text "The Cursed Days" is achieved not so much by the techniques themselves, but by their combination. This combination contributes to the complexity of the depicted scenes, which is typical for literary works. It is concluded that the original feature of the structure of the text fragments of The Cursed Days is the caricatured nature of the expression of the thematic motif 'the lack of image of the representatives of the new Russia'.

Key words: I.A. Bunin, the "Theme-Expressive Techniques-Text" model, "The Cursed Days", A.K. Zholkovsky, Yu.K. Shcheglov.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-52-61

Введение. Имеется много исследований, в которых ставится проблема художественного воздействия дневниковых записей И.А. Бунина «Окаянные дни»⁹. В них рассмотрен и выявлен целый ряд явлений, – концепты [14], манипулятивные приемы [1], оценочная лексика [7], фактический материал [3], прецедентные тексты [17] и др., – определяющих читательскую реакцию. Эти и другие явления в большей степени изучены как средства выражения художественного смысла и почти совсем не изучены с точки зрения того, как они передают заложенный в них смысл, какая применяется техника для внушения

⁹ Как известно, в науке нет единой позиции относительно жанровой принадлежности и литературной природы этого бунинского произведения. Мнения исследователей на этот счет сильно расходятся. В литературе об «Окаянных днях» встречаются такие определения: «дневник», «дневниковые записи», «художественный дневник», «художественное произведение», «книга публицистики», «документ эпохи», «очерки». Многие рассматривают «Окаянные дни» как произведение синтетическое, обладающее одновременно документальными, публицистическими и художественными чертами (см., например, [3]).

читателю темы произведения, создания образа темы, заражения¹⁰ читателя идеями и чувствами, которые испытывает автор. Наша работа проводится в этом направлении. Ее актуальность связана, прежде всего, с ее методологическим характером. В качестве отправной точки исследования используется модель структуры связного текста «Тема-Приемы выразительности-Текст» (Тема-ПВ-Текст), являющаяся одной из разновидностей структурной поэтики [8]. Эта модель была создана Ю.К. Щегловым и А.К. Жолковским и апробирована ими на значительном количестве произведений русской и зарубежной художественной литературы [10; 11; 12; 13]. Согласно этой модели, тема произведения – это передаваемая автором информация, самый глубинный уровень произведения, содержащий ценностные установки автора, его сокровенные мысли, чувства и пристрастия. Механизмом, который связывает эту информацию с текстом (поверхностной структурой), является система приемов выразительности (ПВ)¹¹, технических операций, с помощью которых осуществляется переход от темы к тексту. Модель «Тема-ПВ-Текст» в идеале «позволяет выделить, назвать и описать все звенья перехода от абстрактной формулировки темы (идеи) к конкретному словесному составу текста, вплоть до синтаксических оборотов, отбора лексики, ритма и рифм» [8, 6].

Цель данного исследования – описать выразительную структуру текста «Окаянных дней», опираясь на его вывод посредством ПВ из темы. В статье исследуется не весь текст, а его отдельные фрагменты. Выбраны те, доминантой которых является изображение людей «новой жизни», но относящихся к разным социальным типам: с одной стороны, к рабочим, солдатам и крестьянам, правящим слоям общества после Октябрьской революции 1917 г.; с другой, к городскому среднему слою, представителям интеллигенции (врачам, учителям, инженерам, журналистам, предпринимателям), которые вольно или невольно оказались вовлеченными в «социалистическое строительство». Иллюстрацией данных фрагментов служат примеры (1) и (2).

(1) *«Анюта говорит:*

– Пригнали красноармейцев из России.

Знаю, уже некоторых видел. Нынче встретил опять одного – толстомордого, коротконого, у которого при разговоре поднимается левый угол губы. Страшный тип. Я был над спуском в порт в конце Торговой, он лежал с другим солдатом на ограде, с обезьяньей быстротой целкал подсолнухами, исподлобья поглядывая на меня. Зачем я, несчастный, хожу туда?» [5, 353].

(2) *«Недавно встретил на улице проф. Щепкина, «комиссара народного просвещения». Двигается медленно, с идиотической тупостью глядя вперед. На плечах насквозь пропыленная тальма с громадным сальным пятном на спине. Шляпа тоже такая, что смотреть тошно. Грязнейший бумажный воротничок, подпирающий сзади целый вулкан, гнойный фурункул, и толстый старый галстук, выкрашенный красной масляной краской»* [5, 360].

Акцент на фрагментах, а не на целом тексте обусловлен тем, что по своим формальным свойствам текст «Окаянных дней» – дневник, т.е. произведение, построенное не как целостный текст, а в виде отрывочных и достаточно кратких записей. План содержания фрагментов типа (1) и (2) отражает специфическую для «Окаянных дней» совокупность тематических величин, что свидетельствует об их типовом характере в композиционной структуре текста.

¹⁰ Как отмечено в [11, 9], концепция «заражения» как система представлений о сути искусства была сформулирована Л.Н. Толстым в его известном определении: «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек ... внешними знаками передает другим испытываемые им ощущения, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их».

¹¹ Все символы, используемые в данной работе, приводятся в соответствии с обозначениями, принятыми в модели «Тема-ПВ-Текст». Исключение – символ $T\theta$, который мы используем вместо $\theta\theta$ в целях соблюдения единообразия буквенных обозначений.

1. Основные понятия исследования.

1.1. Понятие темы. Тема «Окаянных дней». Тема текста определяется в соответствии с [11, 10] как семантический инвариант, включающий всю совокупность смысловых вариантов темы, ее компонентов, уровней и других составляющих. Формулировка темы служит исходным пунктом анализа структуры художественного текста, который выводится из темы посредством ПВ. Тема «Окаянных дней», как и любого другого произведения, состоит из нескольких компонентов, или подтем [11, 14]. Мы рассматриваем одну из важнейших: 'рождение нового социально культурного типа человека под влиянием революционных событий'. Другие исследователи также отмечают эту тему как элемент тематической структуры текста «Окаянных дней» [15, 16]. Эта подтема далее будет обозначаться как *Тема 1 (Т1)*¹² в отличие от основной темы произведения, или *Темы 0 (Т0)*. *Тему 0*, можно сформулировать приблизительно так: 'кризис социальных отношений в революционную эпоху' [16]. Данная тема, как показано в [18, 576], была особенно актуальна в советской литературе 1920-х годов (например, в рассказах М. Зощенко, поэзии В. Маяковского). Важно отметить, что И.А. Бунин был, очевидно, одним из первых, кто обратил внимание на существенные общие моменты этой темы (представления о добре и зле, важном и неважном, трагическом и обыденном и т.п.), ставшие позднее ключевыми в изображении литературных героев эпохи 20-х годов.

В «Окаянных днях» *Т1* разветвляется только в пределах одного мотива: 'безобразность представителей новой России, бывших обитателей социальных подвалов (Тип 1), и тех, которые, вместо того чтобы оставаться верными прошлому, переходят на службу советской власти (Тип 2)'. Никаких других установок в отношении *Т1* в этом произведении не дается. Насколько нам известно, отсутствуют они и в других бунинских произведениях, где писатель выступал как публицист [9]. В связи с этим мотив 'безобразности нового человека' можно считать инвариантным для идиостиля И.А. Бунина. С лингвостилистической точки зрения, художественный образ *Т1* констатируется неприкрытой пейоративной трактовкой фактов. Это легко определяется в «Окаянных днях» по частотности отрицательно-оценочной лексики: *«дьявольский мрак, умопомешательство, окаянная весна, балаганищина, словоблуды, стерва, паскудные, разбойничьи притоны, адский секрет, море грязи, подлости и низости «нового», мир поголовного хама и зверя, уголовные злодеи, злая тупость, противоестественная свобода от всего»* и др.

1.2. Понятие приема выразительности. Термин «прием выразительности» (ПВ) в теории «Тема-ПВ-Текст» используется в трех значениях [11, 15]. Во-первых, ПВ – это конкретный шаг в выводе некоторого текста. Например, в выводе текста бунинской «Часовни» [6] текстовые эпизоды, связанные с описанием часовни, выводятся операцией ПВ КОНКРЕТИЗАЦИЯ (КОНКР) в несколько шагов. Шаг 1: КОНКР исходного *Х-а* (часовни) в '*часовня – склеп*'. Шаг 2: '*склеп – могильный холод*'. Шаг 3: '*могильный холод – похороненные в часовне*'. Ср.:

(3) *Там ничего не видно, оттуда только холодно дует. Там темно и холодно: там, в железных ящиках, лежат какие-то дедушки и бабушки и еще какой-то дядя, который сам себя застрелил. ...Они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; дедушки и бабушки все старые, а дядя еще молодой...* [4, 218].

Шаг 4: КОНКР контрастного отношения по признаку «жизнь». Для этого привлекается новый признак исходного *Х-а* – картина жаркого летнего дня, обратная тому, что персонажи видят внутри часовни.

(4) *...У нас тут солнце, цветы, травы, мухи, имели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках.* [4, 218].

¹² Различные тематические элементы *Т1* будем обозначать символом *Тэ*.

Во-вторых, ПВ – это частное правило модели, разрешающее тот или иной шаг при выводе текста. В [11, 28] указано, что такое правило хранится в некотором списке правил, так называемом «словаре действительности» (СД), представляющем собой набор всех предметов и явлений окружающего мира. СД моделирует стереотипы осознания окружающего мира, характерные не для индивидуума, а для носителя определенного культурного кода [11, 28]. По нашему мнению, наглядной иллюстрацией применения СД в литературе могут быть так называемые «говорящие имена». Например, используя антропоним *Скотинин*, автор обеспечивает его художественный смысл словарной информацией из СД типа «невежество, грубость, ограниченность, отсутствие морали и чести» и т.п. Эта словарная информация предопределена лексической основой соответствующего нарицательного имени. Поскольку данное нарицательное имя входит в СД носителя русского языка, то и производный от него не может интерпретироваться (по правилу СД) в свете таких свойств, как благородство, бескорыстие, честность и т.п. Другими словами, СД позволяет моделировать такие прочтения текста, которые достаточны для автоматического их вывода из СД. Как представляется, СД – важный инструмент анализа художественного текста, ограничивающий полисемантичность художественного текста принципом значимости, вытекающем из СД.

В-третьих, ПВ – это способ записи данных текста в виде схем типа *X конкретизация Y*, или *X Rконтр АнтиX*. Схемы такого типа выступают в качестве метаязыка, в терминах которого фиксируется схематическая модель соответствующего преобразования.

В данной работе термин ПВ используется во всех отмеченных значениях.

2. Результаты исследования и их обсуждение.

2.1. Типовые ПВ в тексте. Типовыми ПВ, которые организуют фрагменты текста, выражающие *Тэ* подтемы *Т1*, считаем следующие: КОНКРЕТИЗАЦИЯ, СОВМЕЩЕНИЕ, КОНТРАСТ, ПОВТОРЕНИЕ, УВЕЛИЧЕНИЕ, ВАРЬИРОВАНИЕ и некоторые их комбинации. Вначале дадим краткие определения ПВ, которые будут использованы при выводе текста из *Т1*.

«КОНКРЕТИЗАЦИЯ (сокр. КОНКР) состоит в замене *X* на *X1*, содержащий *X* и некоторое свойство *A* (приращение) или несколько таких свойств (т.е. замена *X* на частный случай или «наглядный пример» *X*)» [12, 79].

«СОВМЕЩЕНИЕ (СОВМ) – это замена элементов *X* и *Y* на один элемент *Z*, включающий все существенные свойства *X* и *Y*, т.е. представляющий собой КОНКР *X* и *Y* одновременно» [12, 94].

«КОНТРАСТ (КОНТР) – это замена элемента *X* на пару элементов *X* и *АнтиX*, находящихся между собой в отношении контраста (*Rконтр*) по некоторому признаку *Q*» [12, 87].

«ПОВТОРЕНИЕ (ПОВТ). Это – замена элемента *X* на несколько элементов *X*, *X1*, *X2*, ... *Xn*, раздельно воспроизводящих *X* без существенных изменений» [12, 82].

«УВЕЛИЧЕНИЕ (УВЕЛ) – это замена элемента *X* на *X1*, увеличенный по сравнению с его нормальным видом» [12, 81].

«ВАРЬИРОВАНИЕ Это – замена элемента *X* на серию его сильно различающихся КОНКРЕТИЗАЦИЙ *X1*, *X2*, ... *Xn*» [12, 85].

КОНКР и СОВМ – основные ПВ в построении текстовых фрагментов *Т1*. КОНКР – это, как правило, необходимый начальный этап построения текста; СОВМ, наоборот, – заключительный шаг. Оба ПВ используются в комбинации друг с другом и другими ПВ.

Вслед за [10, 12], необходимо отметить, что работа каждого ПВ в значительной степени определяется ПВ КОНКР, который входит в качестве составной части в другие ПВ. Наш дальнейший анализ проводится с учетом этого обстоятельства.

Мы формулируем следующие смысловые приращения КОНКРЕТИЗАЦИИ, добавление которых к *Т1* порождает такие *Тэ*: а) цинизм; б) фальшь; в) нечистоплотность (физическая и моральная); г) осмеяние [1]; д) публицистичность, установка на наглядность и символичность текста; е) переживание страха [3].

Приращения развивают тему в двух планах: содержательно-фактуальном (приращения а), б), в)) и содержательно-концептуальном: в плане художественности и публицистичности стиля изложения и интерпретации фактов (приращения в), г), д, е)). Все приращения, как можно полагать, подключаются не только к *Т1* или основному ее мотиву, но и к теме в целом. Особенно важным является приращение (г) – 'осмеяние представителей новой России'. Ему уделяется самое значительное место. Это видно из того, что остальным приращениям при сочетании с 'осмеянием' отводится роль второстепенного атрибута в конкретизации 'осмеяния'. Ср. текстовый фрагмент (5), суть вывода которого состоит в преобразовании ВАРЬИРОВАНИЕ путем проведения серии КОНКРЕТИЗАЦИЙ *Тэ* «новые люди» через демонстрацию свойств, подчеркивающих фарсовые черты новых людей, – и от того производящих тяжелое, удручающее впечатление.

(6) *«Город чувствует себя завоеванным и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги. А завоеватель шатается, торгует с лотков, плюет семечками, «кроет матом». По Дерибасовской или движется огромная толпа, сопровождающая для развлечения гроб какого-нибудь жулика, выдаваемого непременно за «нашего борца»... или чернеют кучки играющих на гармонях, пляшущих и вскрикивающих...»* [5, 343].

2.2. КОНКР в комбинации с другими ПВ. В данной работе мы отметили следующие основные комбинации КОНКР с другими ПВ: 1) КОНКР+СОВМ+УВЕЛ, 2) КОНКР+ВАР+СОВМ, 3) КОНТР+СОВМ.

Иллюстрацией текста, который выводится по формуле 1), служит пример (6).

(6) *«Красное офицерство: мальчишка лет двадцати, лицо все голое, бритое, щеки впалые, зрачки темные и расширенные; не губы, а какой-то мерзкий сфинктер; почти сплошь золотые зубы; на цыплячем теле – гимнастерка офицерскими походными ремнями через плечи, на тонких, как у скелета, ногах – развратнейшие пузыри-галифе и щегольские, тысячные сапоги, на костреце – смехотворно громадный браунинг»* [5, 392].

Тематический элемент 'безобразность' КОНКРЕТИЗИРУЕТСЯ в сфере действительности – внешность офицера. В этой предметной сфере данный *Тэ* адекватно КОНКР в виде атрибутов внешности, а также деталей одежды, фигуры, экипировки. При этом хрестоматийными, традиционными деталями, вполне определенно символизирующими социальные аспекты личности, выступают, как правило, те, которые рисуют военную выправку. Между тем в «Окаянных днях» тематический элемент 'выправка' подвергается КОНКРЕТИЗАЦИИ через *Тэ* 'парадоксальность' и 'смехотворность'. Результатом СОВМЕЩЕНИЯ этих *Тэ* оказывается образ «красного офицерства».

Важно отметить, что использование комбинации приемов, а не одного ПВ КОНКР делает изображаемую картину более сложной, которая, если бы применялся только один ПВ КОНКР, была бы «плоско иллюстративной» [10, 15], т.к. сам по себе ПВ КОНКР не содержит оттенков и теней. Мы считаем применение способа комбинирования результатом действия установки на художественность изложения. Ср. на примере (7) действие чистого ПВ КОНКР в собственно публицистическом тексте: 'реакция – негативная реакция, свист – недовольный свист, группа спортсменов – спортсмены из Израиля'.

(7) *Группа спортсменов из Израиля также столкнулась с негативной реакцией части зрителей, которые выразили свое недовольство свистом* [2].

Соответственно, мы делаем вывод, что «Окаянные дни» с точки зрения жанра обычным дневником не являются.

Иллюстрацией текста, который выводится по формуле 2), служит пример (8).

(8) *«Вспомнил почему-то князя Кропоткина (знаменитого анархиста). Был у него в Москве. Совершенно очаровательный старичок высшего света – и вполне младенец, даже жутко»* [5, 379].

В результате КОНКР получается персонаж – знаменитый анархист. КОНКР выполняется за четыре шага. Шаг 1: КОНКР 'Кропоткин – знаменитый анархист'. Шаг 2: КОНКР+ВАРЬИРОВАНИЕ 'знаменитый анархист – очаровательный старичок' дает

персонаж, противоположный типу анархиста в СД ; ШАГ 3: КОНКР+ВАРЬИРОВАНИЕ 'знаменитый анархист – вполне младенец' дает персонаж, наводящий жуть в силу противоположности самому представлению об умственном уровне политика. ШАГ 4: эти два качества СОВМЕЩАЮТСЯ, чем достигается создание образа персонажа, воплощающего одного из идеологов революции.

Иллюстрацией текста, который выводится по формуле 3), служит пример (9).

(9) *«Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...»* [5, 357].

Посредством комбинации КОНТР+СОВМ в образе В. Катаева СОВМЕЩАЮТСЯ Тэ 'молодой писатель – человек, способный убить за хорошую еду'.

2.3. ПВ КОНТРАСТ. Существенную роль в структурировании текстовых фрагментов в «Окаянных днях» играет ПВ КОНТР. Уже в первых строках «Окаянных дней» подчеркивается тема рождения нового человека представлением Тэ 'упоенность происходящим', который как бы проецируется на фон страха и ужаса, испытываемых автором, и которые естественно было бы ожидать от людей, принадлежащих тому же социальному слою, что и он. Для этого строятся ситуации экстраординарности, в УВЕЛИЧЕННОМ виде подчеркивающие Т1.

(12) *«Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так.*

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы – кого не встретишь на улице, просто сияние от лица исходит:

– Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же совестно будет...

Бодро, с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет рукой и бежит дальше. [5, 301].

Как правило, операция КОНТР реализуется по типовым схемам [11, 42]. Схема № 1: «X – это то, что наиболее далеко от Y-а». Эту схему иллюстрирует пример (10), где X – 'комиссар театров', Y – 'тупость жены архитектора Малиновского'.

(10) *«Жена архитектора Малиновского, тупая, лобастая, за всю свою жизнь не имевшая ни малейшего отношения к театру, теперь комиссар театров: только потому, что они с мужем друзья Горького по Нижнему»* [5, 322].

Схема № 2: «X Рконтр АнтиX». Эту схему иллюстрирует пример (11), где X – 'похожа на ангела' АнтиX – 'ангелоподобный тип'.

(11) *О Коллонтай... Была когда-то похожа на ангела... Судебная и психиатрическая медицина знает и этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток* [5, 352].

2.4. Применение других приемов и их комбинаций с КОНКР. Приращение, отмеченное как наглядность, КОНКРЕТИЗИРУЕТСЯ в комбинации с ПОВТОРЕНИЕМ. Эта комбинация наиболее частотна при построении текстовых эпизодов, связанных изображением людей Типа 1. Наглядность состоит в том, что данные эпизоды никогда не формируются за счет развертывания описания в полную картину¹³, а всегда в две-три постоянные, повторяющиеся детали, которые проводятся через всех «новых людей», независимо от того, как они изображаются: как группа или как личности. Например, все персонажи-солдаты (красноармейцы, матросы), как правило, «коротконоги» и «с подсолнухами в кулаке».

¹³ Ср. полную картину описания (род деятельности, возраст, рост, манера поведения, внешность): *«Она служила горничной у его родственницы, мелкой помещицы Казаковой, ей шел восемнадцатый год, она была невелика ростом, что особенно было заметно, когда она, мягко виляя юбкой и слегка подняв под кофточкой маленькие груди, ходила босая или, зимой, в валенках, ее простое личико было только миловидно, а серые крестьянские глаза прекрасны только молодостью».* (И. Бунин. Таня).

(13) *«Подошел высокий синеглазый рабочий и еще два солдата с подсолнухами в кулаках. Солдаты оба коротконоги, жуют и смотрят недоверчиво и мрачно [5, 302].*

(14) *«А его слушатели? Весь день праздно стоящий с подсолнухами в кулаке, весь день механически жрущий эти подсолнухи дезертир. Шинель внакидку, картуз на затылок. Широкий, коротконогий [5, 334].*

(15) *«Толпа шаталась из покоя в покой, из комнаты в комнату, ни на минуту не переставая грызть и жевать подсолнухи...» [5, 348].*

Очевидно, что эти художественные детали ('коротконогость' и 'жевание подсолнухов') носят символический характер, показывают, с точки зрения Бунина, формы явления нового человека миру: в частности, выход за пределы элементарных норм цивилизованного поведения.

Заострению безобразности представителей Типа 2 служит ПВ УВЕЛИЧЕНИЕ, в частности, таких Тэ, как 'физическая нечистоплотность' (пример (2)) и 'нравственно-этическая нечистоплотность', пример (16). В (16) посредством указания единиц времени, которые в СД обозначают смену дней, УВЕЛИЧИВАЮТСЯ такие нравственно-этические качества личности, как скользкость, изворотливость, хитрость, приспособленчество и т.п.

(16) *«Вот и Волошин. Позавчера он зал на Россию «Ангела Мицения», который должен был «в сердце девушки вложить восторг убийства и в душу детскую кровавые мечты». А вчера он был белогвардейцем, а нынче готов петь большевиков» [5, 346].*

Таким образом, мы можем сделать вывод, что оригинальной особенностью структуры текстовых фрагментов «Окаянных дней» является карикатурный характер выражения Т1 'безобразность представителей новой России'.

Заключение. В данной работе мы рассмотрели отдельные элементы поэтической техники, используемые в «Окаянных днях» для выразительной подачи и донесения темы этого произведения до читателя. Анализировался не весь текст, а отдельные его фрагменты. Были рассмотрены фрагменты, служащие типовыми содержательно-композиционными единицами данного произведения. Содержанием этих текстовых фрагментов является описание людей «новой жизни», но относящихся к разным социальным типам: с одной стороны, к рабочим, солдатам и крестьянам (новым правящим слоям общества); с другой, к городскому среднему слою, представителям интеллигенции, которые оказались вовлеченными в «социалистическое строительство». Исходным пунктом исследования служила литературоведческая концепция, которая утвердила себя под названием «Тема-ПВ-Текст». В соответствии с этой концепцией описание текстовых фрагментов строилось в виде их вывода из темы на основе приемов выразительности. Используя данные ряда исследований, в качестве основной темы и ее важнейшей разновидности были сформулированы, соответственно, следующие: 'кризис социальных отношений в революционную эпоху' и 'рождение нового социально культурного типа человека под влиянием революционных событий'. Было показано, что подтема основной темы сосредоточивает в себе и репрезентирует только один тематический мотив 'безобразность представителей новой России'. Он разворачивается в текст посредством целого ряда приемов выразительности: КОНКРЕТИЗАЦИИ, СОВМЕЩЕНИЯ, КОНТРАСТА, УВЕЛИЧЕНИЯ, ПОВТОРЕНИЯ, ВАРЬИРОВАНИЯ. Для структуры текстовых фрагментов «Окаянных дней» характерно, прежде всего, комбинирование этих приемов, что способствует усложнению изображаемых картин. По нашему мнению, этот факт можно использовать для более определенной характеристики жанра «Окаянных дней». Вывод текста посредством названных приемов выразительности и их комбинаций показал, что оригинальной особенностью структуры текстовых фрагментов «Окаянных дней» является карикатурный характер выражения подтемы 'безобразность представителей новой России'.

1. Антипина Е.С. Языковая картина мира И.А. Бунина в экстремальной ситуации (о манипулятивном потенциале художественного дневника «Окаянные дни» // Вопросы

теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 387–395. DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(2).387-395.

2. Антон Антонов. Публика освистала делегации США и Израиля на открытии Олимпиады в Италии // Деловая газета Взгляд / Дзен. URL: https://dzen.ru/aYa1YNSrMzjMyWS-?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 08.02.2026).

3. Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № С. 22–36.

4. Бунин И.А. Часовня // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 1994. С. 218.

5. Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 1994. С. 301–405.

6. Бурцев В.А. Выразительные особенности рассказа И.А. Бунина «Часовня» // Philologos. № 2 (49). 2021. С. 11–16. DOI 10.24888/2079-2638-2021-49-2-11-16.

7. Воеводина Г.А. Функциональная специфика оценочной лексики (на материале дневниковых записей «Окаянные дни» И.А. Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований / отв. ред. Н.А. Трубицина. М., 2021. С. 361–365. Гаспаров М.Л. Предисловие // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты-Тема-Приемы-Текст. М., 1996. С. 5–8.

9. Дякина А.А. Иван Бунин – публицист: учебно-методическое пособие. Елец, 2020.

10. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К описанию смысла связного текста. III. Приемы выразительности (Ч. 1). Предварительные публикации. Вып. 39. / Институт русского языка АН СССР; Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. М. 1973.

11. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Математика и искусство (поэтика выразительности). М., 1976.

12. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. О приемах выразительности и инвариантах // Щеглов Ю.К. Избранные труды. М., 2013. С. 79–103.

13. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты-Тема-Приемы-Текст. М., 1996.

14. Михайлова М.Е. Лингвокогнитивные механизмы описания художественного дискурса // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: материалы IV Международной научной конференции, Москва, 23–24 марта 2024 года / [отв. ред.: Н.В. Бугаева, С.Н. Переволочанская]. М., 2024. С. 286–295.

15. Скроботова О.В. Жанрово-тематическое многообразие «внехудожественного творчества И.А. Бунина 1917–1923 годов: дневники, публицистика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2006.

16. Трусова А.С. Мифопоэтическая парадигма «Окаянных дней» И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.

17. Урюпин И.С. Библийская Книга пророка Иеремии в художественной структуре «Окаянных дней» И.А. Бунина // Национальный и региональный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей русского Подстепья (И.А. Бунин, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин): научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы / Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елецкий филиал Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Кафедра русской литературы XX в. и зарубежной литературы; отв. ред. и сост.: Н.Н. Комлик. Елец, 2006. С. 71–77.

18. Щеглов Ю.К. Избранные труды. М., 2013.

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Бурцев,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Доктор филологических наук, доцент,

Information about the author

Vladimir A. Burtsev,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Russia, Lipetsk region,
Yelets, Kommunarov str., 28.
Doctor of Sciences in Philology, Docent,

профессор кафедры русской филологии
и журналистики.

Научные интересы: междисциплинарные
исследования языка, поэтика.

ORCID ID: 0000-0001-7987-8518

SPIN-код: 1615-7514, AuthorID: 657587

E-mail: ivburcev@yandex.ru

Professor of the Department
of Russian Philology and Journalism.

Research interests: interdisciplinary studies of
language, poetics.

ORCID ID: 0000-0001-7987-8518

SPIN-code: 1615-7514, AuthorID: 657587

E-mail: ivburcev@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.02.2026;
одобрена после рецензирования 26.02.2026;
принята к публикации 26.02.2026;
опубликована 20.03.2026.

The article was submitted 09.02.2026;
approved after reviewing 26.02.2026;
accepted for publication 26.02.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Бурцев, В.А. Описание особенностей текста «Окаянных дней» И.А. Бунина в терминах модели «Тема-Приемы выразительности-Текст» // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 52–61. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-52-61.

For citation: Burtsev, V.A. Description of the features of the text "The cursed days" by I.A. Bunin in terms of the "Theme-Expressive techniques-Text" model // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 52–61. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-52-61.

Права: © В.А. Бурцев (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

**ПОЭТИКА ТЕКСТА
И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ /
POETICS OF THE TEXT
AND THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE**

**С.Ж. Кенжебаева
S.Zh. Kenzhebaeva**

**КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ КАК ДЕЛО:
ПИСЬМА ДЕТЕЙ А.М. ГОРЬКОМУ О МАРКАХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.М. ГОРЬКОГО)**

**COLLECTING AS A WORK:
CHILDREN'S LETTERS TO A.M. GORKY ABOUT STAMPS
(BASED ON MATERIALS FROM THE A.M. GORKY ARCHIVE)**

В статье рассматривается один из сюжетов общения М. Горького с детьми, а именно – переписка, связанная с коллекционированием марок. В Архиве писателя, насчитывающем около 3000 детских писем, особую группу составляют письма детей о марках. Практически все они представляют собой письма-просьбы, в которых дети обращаются к Горькому с тем чтобы писатель прислал им иностранные марки для их коллекций. Авторы писем на момент написания или уже коллекционеры, или только в начале этого пути. Однако объединяет все такие письма пафос сознания важности собственного дела. Цель статьи – представить один из примеров общения Горького с адресатом-ребенком по филателистической тематике (внимание уделено весьма показательной истории одного из адресатов-детей Горького – Федора Волчанецкого), проанализировать такой тип взаимодействия писателя и ребенка в историко-культурном контексте; попытаться сформулировать, чем было коллекционирование для детей, причины их обращения именно к Горькому. Анализ материала показывает, что коллекционирование мыслилось детьми как важное занятие, и потому их обращение к писателю было продиктовано не праздным интересом. Они писали Горькому именно как старшему коллеге в этом деле – опытному собирателю с богатой коллекцией. Коллекционирование было для детей важным делом потому, что оно было возможностью нескучно провести свободное время, завести новые знакомства (в т.ч. завязать общение с известными людьми – коллегами по этому занятию), приобрести новый статус в сообществе и узнать себя с новой стороны.

Ключевые слова: Горький, дети, письма, марки, филателия, коллекционирование.

Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта РФФИ № 25-28-00167 «Эпистолярное наследие детей в архиве М. Горького как феномен культуры», URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00167/>.

The article examines one of the subjects of M. Gorky's communication with children, namely, correspondence related to stamp collecting. The writer's archive, which contains approximately 3,000 children's letters, includes a special group of letters from children about stamps. Almost all of them are letters of request, in which children ask Gorky to send them foreign stamps for their collections. The authors of the letters were either already collectors at the time of writing or were just beginners. However, what unites all these letters is a profound sense of the importance of their pursuit. The purpose of this article is to present an example of Gorky's interactions with a child on philatelic topics (story of Fyodor Volchanetsky). This type of interaction between the writer and child is analyzed in a historical and cultural context; and the article attempts to formulate what collecting meant to children and the reasons why they wrote to Gorky. An analysis of the material reveals that children viewed collecting as an important activity, and therefore their addressing to the writer was not motivated by idle curiosity. They wrote to Gorky specifically as an older colleague in this field, an experienced collector with a rich collection. Collecting was important to the children because it gave an opportunity to spend their free time in an interesting way, make new acquaintances (including connecting with famous people—colleagues in the hobby), gain new status in the community, and discover a new side of themselves.

Key words: Gorky, children, letters, marks, philately, collecting.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 25-28-00167 "The Epistolary heritage of children in M. Gorky's Archive as a cultural phenomenon" at the IWL RAS, URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00167/>.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-62-69

Максим Горький и дети – широкая тема, которая включает разные аспекты и в видении детьми писателя, и в отношении писателя к воспитанию, образованию, творчеству детей. Горький взаимодействовал с детьми и как литератор, и как организатор культурной, общественной жизни¹⁴. В центре нашего внимания в данной работе – детские письма Горькому о марках. Цель статьи – представить один из примеров общения Горького с адресатом-ребенком по филателистической тематике: подробнее мы остановимся на истории одного из адресатов-детей Горького – Федора Волчанецкого; проанализировать такой тип взаимодействия писателя и ребенка в историко-культурном контексте; наконец, попытаться сформулировать, чем было коллекционирование для детей, почему они обращались с просьбами на эту тему именно к Горькому.

Общение Горького с детьми нашло отражение и в публицистическом наследии писателя, и, как отмечает Е.В. Кудрина, в мемуарных свидетельствах о нем: «<...> в эпистолярном и публицистическом наследии Горького рубежа XIX–XX вв., а также в многочисленных мемуарах о писателе мы находим упоминания о детях, общении и всевозможных играх с ними, сообщения об организации новогодних елок, бесплатного

¹⁴ Эта тема разрабатывается современными исследователями – см., напр., работы Кудриной Е.В.: Роль М. Горького в истории издательства «Детгиз» // Детские чтения. 2020. № 18 (2). С. 407–424 [16]; Переписка М. Горького с казанскими детьми // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. № 1–2. С. 168–180 [15].

катка и театральных вечеров, помощи школам и библиотекам <...>» [17, 101–136]. Однако прежде всего следует сказать об Архиве писателя, который насчитывает почти 3000 единиц, составляющих коллекцию писем детей Горькому: «Горький на протяжении трех десятков лет вел переписку с детьми. В архиве хранятся письма детей с 1899 по 1936 г. Всего писем детей в коллекции АГ ИМЛИ РАН – около 3 000» [14, 1203]. В эту коллекцию входят письма детей самых разных возрастов и социальных групп, они написаны с разными целями и по разным поводам. Есть и индивидуальные, и коллективные письма; написанные самими детьми или их представителями – родителями, воспитателями, педагогами. Из всех этих писем складывается представление не только об их авторах, их интересах и заботах, но и портрет писателя – многогранный, сложный, но это всегда авторитетный и значимый «другой», взрослый, мнение которого является определяющим, совет которого непременно ценен и мудр.

Известно, что писатель сам был коллекционером – это занятие увлекло его еще в Нижнем Новгороде. Горький собирал книги, картины, объекты старины (как отмечал Г. Смольянинов со ссылкой на Протопопова, «<...> стены кабинета на Капри были увешаны старинным оружием и в особом шкапу хранилась коллекция редких медалей» [19, 180]), почтовые марки. Примечательно в этом смысле, что, например, в статье «Собиратели почтовых миниатюр» газеты «Горьковский рабочий» за 1974 г. Горький назван в числе филателистов: «По данным ЮНЕСКО сейчас на земном шаре насчитывается более миллиона коллекционеров почтовых марок, которых называют филателистами. Среди них есть знаменитые писатели, художники, всемирно известные ученые, великие полководцы, политические деятели. Собирали марки <...> основоположник советской литературы А.М. Горький» [7]¹⁵.

¹⁵ В качестве культурологического контекста позволим себе небольшой экскурс в историю отечественной филателии. Ее появление связывают с выпуском первых российских марок в 1858 г. и штемпельных конвертов в 1845 г.; а в последней четверти XIX в. в Москве, Петербурге и других городах России стали зарождаться общества собирателей почтовых марок. Вместе с тем начали появляться периодические издания, посвященные коллекционированию (ежемесячник «Всемирная почта» (1897–1898 гг.), журналы «Марки» (1896–1901 гг.), «Филателия» (1966–1977 гг.)). Особо следует отметить еженедельный журнал для юношества «Ученик», который выходил каждую субботу с 1910 по 1914 гг. в Петербурге. Первый номер вышел 14 сентября 1910 г. по инициативе корреспондента газеты «Россия», преподавателя латыни Первой мужской гимназии Василия Григорьевича Янчевецкого. В 1912–1913 гг. «Ученик» был на пике популярности – некоторые номера стали цветными, а также в дополнение к основным выпускам стали выходить приложения. Журнал был посвящен широкому спектру тем, интересующих детей: там публиковались и научно-популярные статьи, и сводки об актуальных событиях, стихи, рисунки; дети присылали в редакцию письма, где рассказывали о своей жизни, увлечениях, интересах, искали друзей, некоторые письма детей публиковались. Как пишет Е.В. Панькина, «в "Ученике" действовали озорные ребята – Петя Петушков и Ваня Трещкин – персонажи, созданные фантазией редактора, но настолько реальные, что с ними вели переписку ребята из разных городов России. <...> Редакция считала своим долгом живо откликаться на все запросы читателей, расширять их кругозор, помогать им совершенствоваться духовно и физически, сознательно относиться к окружающей жизни, изучать прошлое и настоящее нашей Родины» [18, 18]. В том числе был раздел, посвященный коллекционированию марок – он так и назывался: «Филателия». Обладатели годовой подписки получали в качестве бесплатного приложения к номеру 10 иностранных почтовых марок и 10 открыток. За первый год в журнале было напечатано 11 статей по филателистической тематике.

Всплеск и последующий рост интереса к коллекционированию, формирования его как особого культурного феномена отмечается в 20-е гг. XX века. Именно в 1922 г. устанавливается государственная монополия на коллекционирование – одну из главных ролей в этом процессе сыграла фигура Ф.Г. Чучина (1883–1942) – председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности. Как пишет исследователь А.С. Иванов, «<...> с сентября 1922 г. был утвержден выход ежемесячного журнала для коллекционеров – "Советский филателист". Уже в первом номере журнала были сформулированы задачи советской филателии, которые заключались в ее очищении от спекулятивных и аморальных, согласно новой идеологической модели, аспектов.

Возвращаясь к письмам детей, хранящихся в Архиве Горького, стоит отметить, что в этой коллекции есть группа писем о марках. Просмотренные документы (35 единиц) датированы 1911, 1912, 1913 гг., то есть были написаны еще в тот момент, когда коллекционирование полностью не вошло под государственный контроль. Практически все они представляют собой письма-просьбы, в которых дети обращаются к Горькому с тем, чтобы писатель прислал им иностранные марки для их коллекций. Все дети – авторы писем – на момент написания либо уже коллекционируют марки, либо начинают это делать. Но то, что объединяет все такие письма, – это пафос сознания важности собственного дела. Коллекционирование мыслится авторами писем именно как дело, как важное занятие. Дети обращаются к Горькому как к старшему коллеге – человеку с большой коллекцией марок. Многие авторы писем указывают, что узнали о возможности получить марки у писателя от друзей; кто-то пишет, что прочитал в газетах. Важной и интересной целью представляется установление источника – как, откуда именно дети узнали о том, что Горький – коллекционер, который к тому же может марками поделиться.

Как правило, письмо ребенка, связанное с собиранием марок, структурно довольно просто и понятно устроено: приветствие в начале письма, указание на знание того, что Горький высылает марки детям, иногда – дается ссылка на источник этого знания, но практически всегда, за исключением единичных случаев, крайне неточная («Я прочел в газете, что Вы высылаете марки разных стран тем лицам, которые их собирают»; «Прочитав в газетах о том, что Вы изъявили желание, столь дорогое для нас детей-коллекционеров, присылать марки для коллекции, я покорнейше прошу и мне маленькому коллекционеру прислать...»; «Я узнал, что вы высылаете иностранные марки...»; «Узнав от своего товарища, что Вы, по просьбе его, выслали ему марок...»), затем указывается причина обращения (адресант пишет, что он тоже коллекционер, рассказывает о тех марках, что у него уже есть; или пишет, что только начинает этим заниматься, и поэтому ему нужны марки) и, собственно, в финале письма – просьба прислать марки (в некоторых письмах дети уточняют, какие именно им нужны) и благодарность. Письма, как правило, небольшие по объему, лаконичные, но интонация их всегда трогательна. Отдельно стоит сказать о письмах, в которых дети пишут, помимо марок, о себе, своей жизненной ситуации развернуто и подробно – в таких случаях это уже не просто письма-просьбы, но отчасти даже портретные, биографические зарисовки.

Остановимся подробнее на одном любопытном эпизоде из переписки писателя с детьми о марках. С одной стороны, он, безусловно, уникален, а с другой – демонстрирует типичный формат взаимодействия писателя с адресантом-ребенком, позволяет посмотреть, как выстраивалась подобная коммуникация.

В Архиве Горького хранятся три письма от одного адресанта: одно без даты (предположительно – исходя из содержания, оно написано раньше двух других), второе и третье датированы 5 октября 1911 г. и 25 марта 1912 г. соответственно. Два последних подписаны «дядя Федя». Три ответных письма, написанных Горьким, опубликованы в 9 томе Полного собрания сочинений Горького серии «Письма». В недатированном письме

Ф.Г. Чучин обозначил реальную цель этой деятельности – «пропаганда идей Великой революции и приобщение РСФСР к наиболее передовым буржуазным странам...» [Наши задачи // Советский филателист. 1922. № 1. С. 3]» [12, 477]. Изменение статуса филателии в государственном масштабе прослеживается в работах А.В. Якуба, делаются попытки восстановить «историю становления филателистического движения в РСФСР / СССР в 1920–1930-е гг. <...>» [22, 178]. В частности, отмечается, что «признавая право отдельных граждан на занятие коллекционированием почтовых марок в качестве личного хобби, советское руководство во главу угла поставило понимание филателии как весьма продуктивного инструмента осуществления внутренней и внешней политики, первоначально как исключительно экономического, но, как покажет ближайшее будущее, весьма действенного политического, идеологического, пропагандистского и воспитательного» [21, 77–78]. Таким образом, можно вести речь об институализации коллекционирования в 1920-е гг.

мальчик благодарит писателя за неожиданное письмо с марками и открытками. Здесь же он рассказывает о своей коллекции: «Коллекция моя состоит из 207 марок 12 больших, 2 круглых и остальных маленького размера. Европейских 179, азиатских 4, африканских 3, американских 20, австралийских 2. Когда я поступил в реальное училище то я один собирал марки, а теперь трое (включая меня)» [1] (орфография и пунктуация сохранены). В письме от 5 октября 1911 г. мальчик благодарит писателя за присланные ему марки и отмечает, что особенно ему понравились болгарская, тунисская и зеландская «и другия» [2]. Письмо написано на открытке, на которой изображено реальное Владимирское училище, учеником которого Федя в тот момент был. В последнем из трех писем – от 25 марта 1912 г. – Федя поздравляет «дорогого дядю Максима» [3] с Рождеством и присылает ему замечательную по своей красоте открытку с видами города Владимира.

Первый номер журнала «Филателия» за 1966 г. открывался заметкой, посвященной М. Горькому, – так журнал откликнулся на тридцатилетнюю годовщину со дня смерти писателя. В заметке сказано, что во время пребывания на Капри Горький состоял в обществе итальянских филателистов, о чем свидетельствует его членский билет № 1485: «Писатель не только сам собирал марки. Он внимательно относился ко всем, кто увлечен этой благородной страстью, и многим помогал находить нужные для коллекции экземпляры» [20, 9]. Здесь же приводится факт обращения Феи Волчанецкого к Горькому с просьбой прислать ему марки и текст письма Горького мальчику.

Спустя два года, в 1968 г., в 3 (мартовском) номере журнала было напечатано интервью с самим Федором Волчанецким, которого разыскала редакция. Его рассказ делает историю переписки объемнее и позволяет лучше понять как детали биографии адресанта, так и контекст того времени в целом. Федор рассказал, что коллекция марок досталась ему от матери – ее целью было собрать миллион марок, «каких – безразлично. Кто-то где-то сказал, что за миллион бывших в употреблении марок можно получить фарфоровый сервиз» [11, 24]. Потом это занятие она оставила, и, обнаружив такое количество марок, Федор решил продолжить дело. В интервью Федор не формулирует, почему решил заняться коллекционированием, однако можно предположить, что в этом занятии он (как и, думается, многие другие дети и подростки) нашел для себя и увлекательное времяпрепровождение, часто похожее на детективное расследование (когда, например, нужно было найти определенную марку), и способ организовать досуг, обрести друзей (то есть стать частью неформального сообщества, что, как известно, важно для ребенка и подростка). При этом коллекционирование может рассматриваться не только как одна из возможностей встраивания в коллектив, но и как отделение от него: как отмечает К. Богданов, «<...> объяснение как психологической, так и экономической природы коллекционирования акцентирует во всех этих случаях особенность поведенческой стратегии коллекционера на фоне общепринятой "нормы". Коллекционирование выделяет коллекционеров из неколлеционеров, и чем более "странными" представляются последним предметы коллекционирования, тем более "странным" рисуется облик тех, кому такое коллекционирование свойственно» [6, 26]. Кроме того, филателия в дореволюционной России, рассмотренная в культурно-антропологической перспективе, может восприниматься «<...> на фоне общеевропейского увлечения – досуга, который может быть описан, помимо прочего, в терминах антропологии путешествий» [6, 27]. Почтовая марка в таком случае становится знаком перемещения, пересечения границ – реального и вымышленного: «Негашеные, чистые марки имеют дело с другой географией, но и в том и в другом случае семиотика филателистического коллекционирования может быть понята как семиотика трансгрессии – путешествий и экзотики, понимаем ли мы ее в терминах туризма или, например, колониализма (в буквальном смысле – в случае марок колониальных территорий). Перед лицом реальной и воображаемой географии филателист – и географ и историк и социолог и много кто еще» [6, 28]. В коллекции мальчика были и русские, и иностранные марки «80-х годов прошлого века» [11, 24], однако недостатком было то, что «разных оказалось не более 100–120 штук» [11, 24].

Признаком хорошей, богатой и ценной коллекции считалось наличие редких марок и практически отсутствие повторов: как пишет О.В. Игнатьева, «в филателии до определенного времени коллекционирование марок велось по странам: чтобы собрать коллекцию определенного уровня, нужно было иметь редкие марки, вкладывать в коллекционирование финансовые средства» [13, 83]. Для расширения коллекции одиннадцатилетнему Феде были нужны новые источники марок: «Один хороший знакомый нашей семьи, сотрудник местной газеты Николай Николаевич Дмитриевский дал мне, на первый взгляд, немного фантастический совет: написать Алексею Максимовичу Горькому, находившемуся тогда за границей, и попросить у него итальянских марок. Николай Николаевич был уверен в успехе, он говорил: "Горький любит детей и не откажет в просьбе"» [11, 24]. Послав письмо с просьбой, мальчик стал ждать, и осенью 1911 г. Горький прислал ему пакет с марками и письмо. Все три письма Горького также приводятся в этой статье, на страницах журнала «Филателия». Уже взрослый, Федор называет свои обращения к писателю «досаждающими», отвлекающими его от важных дел и серьезной работы. О Горьком же говорит, что в его ответах чувствовались «любовь к детям, простота, сердечность и добрая шутка» [11, 25]. После второго письма Горький переадресовал Федора к своему сыну, Максиму Алексеевичу Пешкову, который затем прислал мальчику марки¹⁶. В финале интервью Федор Волчанецкий отмечает, что Алексей Максимович «заложил фундамент его коллекции» [11, 25].

История общения Горького с Федей Волчанецким важна и в контексте выяснения источника, благодаря которому дети узнавали о коллекционировании Горького. В 227 номере газеты «Наша Костромская жизнь» за 18 октября 1911 г. в разделе «Смесь» была опубликована следующая заметка под названием «Горький – поставщик марок» (собственно, само заглавие – цитата из ответного письма Горького Федору Волчанецкому [10, т. 9, 122]): «Ученик одного из средних учебных заведений г. Владимира, увлекшись составлением коллекции русских и заграничных марок, послал письмо М. Горькому с просьбой прислать ему итальянских марок. На днях он получил от Горького такое собственноручное письмо с вложенными в него марками разных государств и частей света:

"Посылаю вам, дядя Федя, марок; очень рад буду, если это доставит вам удовольствие. Будьте здоровы. Желаю всяческих успехов.

М. Горький,

поставщик марок для русских и иных наций мальчиков и девочек"» [9, 4].

Подобное объявление было опубликовано в разных региональных газетах, и дети узнавали о возможности связаться с Горьким для получения марок в том числе и из этих публикаций. Например, в письме от 13 октября 1912 г. мальчик пишет: «<...> несколько месяцев тому назад в одной из Петербургских газет (так как я, несмотря на свой возраст, очень интересуюсь политикой) прочел следующую заметку, озаглавленную так: "Горький – поставщик марок"» [4]. Заметка с приведенным выше текстом была опубликована в ежедневной петербургской «Газете-копейке» в № 1171 за 22 октября (4 ноября) 1911 г. [8, 3] – отсюда, возможно, мальчик и узнал о коллекционировании писателя.

Так, на одном весьма показательном примере взаимодействия писателя с детьми именно в контексте коллекционирования марок становится очевиден масштаб влияния его личности на детей и подростков, на формирование их мышления, сферы интересов и жизненных приоритетов. Письма показывают, что коллекционирование марок мыслилось ими именно как дело, труд, особенное, можно сказать, взрослое, занятие. В том числе поэтому они легко могли обратиться к Горькому с просьбой прислать марки – ведь это не игра, а важная миссия, у которой было несколько разных целей. Это и возможность нескучно провести свободное время, и завести новые знакомства, друзей, и приобрести новый статус в сообществе (стать коллекционером; причем чем коллекция богаче, тем более

¹⁶ См.: Архив А.М. Горького. Горький М. Горький и сын. Письма. Воспоминания / ред. кол.: Б.А. Бялик и др.; предисл. Б.А. Бялика. М.: Наука, 1971. 320 с. [5].

уважаем ее обладатель), и в том числе завязать общение с известными людьми – коллегами по этому занятию. Таким образом, коллекционирование становится интересным механизмом социализации, способом встроиться в коллектив, стать частью сообщества (с разной степенью его открытости), во-первых; и во-вторых – это возможность узнать себя с новой стороны, это как бы один из ключей самоидентификации, та призма, через которую человек может определить себя.

1. АГ. ДППГ-19-82-1.
2. АГ. ДППГ-4-118-1.
3. АГ. ДППГ-9-141-1.
4. АГ. ДППГ-5-127-1.
5. Архив А.М. Горького. Горький М. Горький и сын. Письма. Воспоминания / ред. кол.: Б.А. Бялик и др.; предисл. Б.А. Бялика. М., 1971.
6. Богданов К. К истории филателии в СССР. Обзор тем и исследовательских контекстов // *Acta Slavica Iaponica*. 2020. Т. 40. С. 19–41.
7. Глухов А. Собиратели почтовых миниатюр // *Горьковский рабочий*. 1974. 20 июля.
8. Горький – поставщик марок // *Газета-копейка*. 1911. 22 октября (4 ноября). № 1171.
9. Горький – поставщик марок // *Наша Костромская жизнь*. 1911. 18 октября. № 227.
10. Горький А.М. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 9. Письма. Март 1911 – март 1912. М., 2002.
11. Горький и дети. «Любите все хорошее...» // «Орбита» № 3. Журнал в журнале для юных коллекционеров / *Филателия СССР*. № 3 (21), март 1968. С. 24–26.
12. Иванов А.С. «В СССР филателия будет или доступна массам, или же ее совсем не будет»: генезис советского массового коллекционирования в 1920–1930-е годы // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8. № 2. С. 468–499.
13. Игнатьева О.В. Советское коллекционирование в контексте культурной революции // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2019. № 4. С. 80–89.
14. Кудрина Е.В. Коллекция детских писем 1899–1936 гг. в архиве А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук // *Вестник архивиста*. 2022. № 4. С. 1198–1211.
15. Кудрина Е.В. Переписка М. Горького с казанскими детьми // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 165. № 1–2. С. 168–180.
16. Кудрина Е.В. Роль М. Горького в истории издательства «Детгиз» // *Детские чтения*. 2020. Т. 18 № 2. С. 407–424. DOI 10.31860/2304-5817-2020-2-18-407-424.
17. Кудрина Е.В. Участие М. Горького в детских литературных проектах // *Детские чтения*. 2023. Т. 23 № 1. С. 101–136. DOI 10.31860/2304-5817-2023-1-23-101-136.
18. Панькина Е.В. О детской филателии в начале XX века // *Информационный бюллетень Общества филателистов Санкт-Петербурга*. 2005. № 14. С. 15–51.
19. Смольянинов Г. Максим Горький – коллекционер (К приезду М. Горького в СССР) // *Советский коллекционер*. 1931. № 7 (119).
20. *Филателия СССР*. 1966. № 1.
21. Якуб А.В. Государство и филателия в Советской России начала 1920-х гг.: нормативно-правовая база // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 66. С. 75–78.
22. Якуб А.В. Становление советского филателистического движения в 1917–1941 гг.: идентификация «свои» и «чужие» глазами современников // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 178–186.

Информация об авторе

Салтанат Жаксылыковна Кенжебаева,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН
(Москва, Россия).
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

Information about the author

Saltanat Zh. Kenzhebaeva,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia).
121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25A.

Аспирант Отдела изучения и издания творчества А.М. Горького.
Научные интересы: русская литература, история литературы, творчество А.М. Горького, текстология.
ORCID ID: 0000-0002-8267-9269
SPIN-код: 9987-9488, AuthorID: 1198157
E-mail: ksaltanat01@mail.ru

Postgraduate student of the Department of Studying and Publishing A.M. Gorky's Work.
Research interests: Russian literature, history of literature, A.M. Gorky's work, textology.
ORCID ID: 0000-0002-8267-9269
SPIN-code: 9987-9488, AuthorID: 1198157
E-mail: ksaltanat01@mail.ru

Поступила в редакцию 13.12.2025;
одобрена после рецензирования 14.01.2026;
принята к публикации 14.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

The article was submitted 13.12.2025;
approved after reviewing 14.01.2026;
accepted for publication 14.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Кенжебаева, С.Ж. Коллекционирование как дело: письма детей А.М. Горькому о марках (по материалам Архива А.М. Горького) // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 62–69. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-62-69.

For citation: Kenzhebaeva, S.Zh. Collecting as a work: children's letters to A.M. Gorky about stamps (based on materials from the A.M. Gorky Archive) // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 62–69. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-62-69.

Права: © С.Ж. Кенжебаева (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

А.А. Куприянова
A.A. Kupriyanova

**МОТИВ РАЗГОВОРА МЕРТВОГО ПРАВИТЕЛЯ С ЖИВЫМ
ПОТОМКОМ В РОМАНЕ «СЕДЬМАЯ СТРАЖА»
П.Л. ПРОСКУРИНА**

**THE MOTIF OF A DEAD RULER'S CONVERSATION WITH A LIVING
DESCENDANT IN THE NOVEL "THE SEVENTH WATCH"
BY P.L. PROSKURIN**

В статье анализируется эпизод, генетически восходящий к «разговору в царстве мертвых» из романа П.Л. Проскурина «Седьмая стража», в котором профессор-историк Вадим Одинцов вступает в полемику с Петром I. Этот фантастическая ситуация рассматривается как современная вариация архаичного жанра и как художественная историческая модель писателя, воссоздающая столкновение живого потомка с мертвым монархом. Особое внимание уделяется тому, как через спор Петра и Одинцова переосмысливается европейское преобразование России, формируется оценка личности Петра и его воздействие на историческую судьбу страны. Показано, что Проскурин вписывает образ Петра в широкий историко-культурный контекст, одновременно перепроверя устойчивый миф о «великом преобразователе» России, актуализация которого была обусловлена начавшейся перестройкой и разрушением советской государственности.

Ключевые слова: писатель-государственник, П. Проскурин, мотив, разговор мертвого монарха с живым потомком, образ Петра Великого.

The article analyzes an episode that is genetically related to the "conversation in the realm of the dead" from P.L. Proskurin's novel "The Seventh Watch", in which the historian professor Vadim Odintsov engages in a debate with Peter the Great. This fantastical situation is examined as a modern variation of an archaic genre and as the writer's artistic historiosophical model, which recreates the encounter between a living descendant and a deceased monarch. Special attention is paid to how the European transformation of Russia is reinterpreted through the dispute between Peter and Odintsov, and how Peter's personality and his impact on the country's historical fate are evaluated. It is shown that Proskurin places Peter's image within a broader historical and cultural context, while simultaneously challenging the persistent myth of Russia's "great reformer", which was its actualization was caused by the beginning of perestroika and the destruction of Soviet statehood.

Key words: the statesman-writer P. Proskurin, the motif, the conversation between a dead monarch and a living descendant, the image of Peter the Great.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-70-76

Мотив разговора в царстве мертвых имеет давнюю традицию – от античных диалогов Лукиана до «Разговоров в царстве мертвых» Фенелона и многочисленных последующих вариаций. В них прошлое вызывается к ответу перед судом потомков, а умерший монарх вынужден объяснять свои решения и ответственность перед историей. Е.А. Михайлова в статье «Петр I и Петровская эпоха в "Разговорах в царстве мертвых"» анализирует цикл диалогов в журнале под названием «Разговоры в царстве мертвых» Д. Фассмана, выходивший в Лейпциге с 1718 по 1740 годы, где среди персонажей – Иван Грозный и Петр I (entre vues № 83–86) [5]. Через их беседу европейскому читателю предлагалось сопоставить «старую» и «новую» Россию, воплощенные в фигурах Ивана и Петра. В отдельном фассмановском тексте с участием Петра – «Разговор в царстве мертвых замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана Ивана Васильевича II (Ивана Грозного)» (1725) уже в самом названии дается сопоставительная оценка царей. В русских рукописях XVIII века образ Петра I как главного героя «Разговоров» впервые появляется не в переводе, а в оригинальном произведении, автором которого считается Петр Никифорович Крекшин. Текст известен под названием «Разговор в царстве мертвых Императора Петра Великого с российским царем Иоанном Васильевичем, и с Карлом вторым на десять королем шведским, и с израильским царем Соломоном, и с греческим царем Александром» (позже опубликованное под названием «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... Представленное разговорами в царстве мертвых...» (СПб., 1788)). В европейских текстах Фассмана через их сравнение в Европе осмысливался образ России: Петр – символ новой, европейски ориентированной державы, а Иван – олицетворение «старой» России (интерес был сосредоточен на политическом значении Петра, его роли в превращении России в великую державу и изменении карты Европы (исход Северной войны, рост влияния Российской империи)). Русский оригинальный «Разговор...» Крекшина носил панегирический характер, являясь литературной похвалой императору: Петр – великий реформатор и победоносный полководец; его дела «славные» и «достопамятные»; признание его царями других веков и народов подчеркивают наднациональный и надвременной статус властелина России. Образ русского императора создавался через «авторитет» загробного мира, где уже умершие монархи оценивали его правление, усиливая итоговое, «судебное» значение оценки. Таким образом, Е.А. Михайлова итожит следующие проблемы в «Разговорах в царстве мертвых»: сопоставление «старой» и «новой» России (диалог Ивана грозного и Петра I у Фассмана и в русском тексте актуализировал вопрос, какой должна быть власть: жестокий, изоляционистский деспотизм (Иван) или активный реформаторский абсолютизм, открывающийся Европе (Петр)); цена и результат реформ (через рассказ о войнах, строительстве флота, победах в Северной войне, путешествиях по Европе задается вопрос: оправданы ли радикальные преобразования, если они приводят к изменению статуса страны и включению ее в европейскую цивилизацию); историческая память и посмертная слава правителя (разговоры в потустороннем мире превращаются в суд истории: уже умершие монархи оценивают, кто из них действительно «великий»). Появление Соломона и Александра подчеркивает связь Петра с идеей мудрости и воинской славы); место России в европейской политической системе (в текстах Фассмана обсуждаются последствия Северной войны, смена лидера в Балтийском регионе (со Швеции на Россию) и роль Петра как центральной фигуры этого процесса) [5].

В современной науке реформы Петра I традиционно описывают как модернизацию государства: строительство флота, создание регулярной армии, бюрократии, новой столицы. Однако тартуско-московская школа (Ю. Лотман, Б. Успенский), а также исследования В. Живова позволяют оценить петровскую эпоху прежде всего через смену знаковых систем, то есть глубинную перестройку языка, символики и ритуалов власти [4; 8; 2]. Преобразования Петра идентифицированы исследователями как текст, написанный на разных «языках» – от церемониала и архитектуры до реформированного литературного языка. Понимание этих процессов в категориях семиотики позволяет говорить о властном

дискурсе Петра I как о целостной системе знаков, через которую государь определяет границы «своего» и «чужого», легитимирует новые порядки и конструирует образ собственной власти. Подход Ю. Лотмана, Б. Успенского и В. Живова трактует петровскую политику как грандиозный эксперимент по перекодировке власти. Успенский показывает, как традиционная сакральная модель царской власти трансформируется, но не исчезает: сакральность переносится на государственную службу, а титулы и церемонии приобретают новые значения [8]. Лотман и Успенский анализируют пространственную и символическую перестройку: Петербург как новый Рим, новая гербовая и градостроительная символика, переосмысление доктрины «Москва – третий Рим» в духе имперской государственности [4; 8]. Живов демонстрирует, как языковая реформа становится ключевым механизмом конструирования имперского дискурса: гражданский язык, заимствования, кодификация норм создают новую знаковую среду, в которой говорит и действует власть [2].

Проскурин воспроизводит мотив разговора в царстве мертвых, но переносит его в советскую культурно-историческую ситуацию. В романе профессор Одинцов обладает «особенностью научного характера»: в «затруднении перед какой-либо загадкой прошлого» он может «как бы вызвать в свидетели то или иное необходимое ему лицо, давно уже пребывающее в ином мире, и не только заинтересованно побеседовать с ним о нужном предмете или повороте истории, но, при случае, и поспорить» [7, 223]. Герой обозначает возможность своего сознания как «ущербинка», «странное обстоятельство» [7, 223]. Автор создает особый хронотоп – пограничное пространство между жизнью и смертью, особую «квантовую реальность», совершенно отличающуюся от условных рациональных приемов исторической науки и неомифотворчества памяти. В этот раз собеседником профессора Одинцова оказывается Петр Великий. Появление первого императора в мире СССР совершенно меняет реальность: лето «перескочило» в зиму (это замечают и люди на улице: «падал снег – дети... ловили в ладошки... ослепительно белые... звездочки») [7, 224]. И вот по «современной Москве» идет «своей стремительной походкой император Петр Великий, топорща усы, выпятив подбородок и уверенно втыкая в окружающее месиво толстую темную палку, разбрызгивая целые кварталы и человеческие муравейники, стряхивая их с палки, словно грязь или воду. Видимо, он так и не смог полюбить однажды и навсегда тайно возненавидимый им город; сердито расталкивая дома и переулки, он давил целые толпы, автобусы под его могучими необъятными ступнями мгновенно сплющивались» [7, 224]. Описание появления Петра Великого в столице антонимично картине «Большевик» Б. Кустодиева, хотя литературное произведение и живописное полотно объединены общим символическим приемом – образом гиганта, шагающего через пространство города, воплощающего идею исторической силы, преобразующей действительность. Однако при внешнем сходстве художественных решений – фигура колоссального человека, город под его ногами, динамика движения – смысловые акценты у двух авторов противоположны. У Кустодиева фигура Большевика – это символ новой народной энергии, олицетворение революции как могучего шага вперед. Его гигантская фигура олицетворяет собой народные массы, знаменуя обновление и веру в грядущее. Внизу под его ногами – красные знамена, улицы, рабочие, солдаты, крестьяне: художник показывает возвышение простого человека до уровня исторического титана. Колоссальность фигуры выражает не агрессию, а созидательный пафос – это эпос рождения новой эпохи. Проскурин же создает антипод этого образа. Его Петр не вдохновенный строитель, а яростный разрушитель, чуждый городу и людям. Здесь гигантизм превращается в гротеск, а энергия – в разрушительную стихию. Если у Кустодиева гигант – народ, то у Проскурина гигант – власть, насильственно преобразующая пространство, не понимающая духовной природы города и народа. Петр не вдохновляет, а подавляет; его шаги вызывают ужас и хаос. Таким образом, «Большевик» Кустодиева воплощает романтический образ коллективного героя, несущего возрождение, тогда как Петр-великан у Проскурина – символ исторического насилия, разрыва между властью и народом,

между созиданием и разрушением. Оба автора используют масштаб и движение как прием метафорического осмысления эпохи, акцентирующего размышления о цене исторического прогресса: Кустодиев в духе нарождающегося социалистического реализма начала 1920-х годов, Проскурин в духе трагического реализма XX века.

Разговор мертвого монарха с живым современником-историком начинается с объяснения профессором Одинцовым причины вызова Петра Великого: «Все просто, вопрос передо мною выскочил, а ты, государь, в самом корне этого вопроса. Я твой последователь и союзник, – как ты и предугадал, кончился русский народ. Надо ему, для его же спасения раствориться в разных других породах да племенах окончательно. Страшно мне становится от такой мысли, да делать нечего, ты, как первый пророк этого дела, укрепи в душевном ознобе ученика своего» [7, 228]. За заданный вопрос первый русский император именуется героем «лютым злодеем» и отправляется на дыбу. Подвал с «затейливыми сводами», «без единого окошечка», куда стаскивают палачи Одинцова, – это хронотоп «нижнего мира», в котором живой ученый оказывается в положении подсудимого перед судом мертвых властителей. Композиция эпизода отсылает к традиции «царства мертвых», где выносятся приговор не только человеку, но и его историческим взглядам. Проскурин свободно обращается с «каноническим» образом монарха, художественно «оживляя» его для диалога и полемики.

Эпизод построен как череда нарастающих кругов давления и сопротивления. Сначала Петр появляется буднично, с трубкой, в сопровождении Ромодановского и палачей; однако писатель выстраивает фантастический характер видения: в подвале слышен голос, который как будто «рождается в вековой толще» «сводов», а сам император кажется «фантомом без плоти и голоса» [7, 226]. Разговор разворачивается вокруг вопроса: кто имеет право судить историю и Петра лично – ученый-потомок или сам монарх, оправдывающийся перед судьбой России. Одинцов представляет себя как носителя научной истины: он – «доктор, профессор, лауреат, академик», человек советской академической системы. Его авторитет основан на институтах науки и идеологической вертикали (упоминание консультаций с высшими партийными функционерами). Петр же апеллирует к иному основанию: «Я паче всего другого – царь... Надо мной один суд – судьба России», – в этой фразе концентрируется монархическое, сакральное понимание власти, выведенной за пределы человеческого суда [7, 236]. Диалог движется от вопроса к пытке и снова к вопросу. Физическое насилие (кнул, дыба, крюк под ребро) обнажает истинную природу петровской системы – государство, которое добивается «правды» через боль и ломку человеческого тела. Но пытка не ломает внутреннего сопротивления Одинцова: даже после страшных мучений он продолжает называть Петра деспотом и палачом и, в конце концов, обвиняет его в том, что именно он – источник «русской гибели» [7, 241]. Кульминацией становится момент, когда профессор произносит ключевую мысль: «И царь – человек, и раб – человек, у каждого своя мера, вот только конец – один» [7, 241]. В этом утверждении разрушается петровская вертикаль царь – сверхчеловек, народ – масса. Историк пытается поставить на одной плоскости судьбу монарха и судьбу «раба», утверждая равную ответственность и смертность обеих фигур. В ответ Петр разъяренно вспыскивает, а пространство подвала окончательно превращается в inferнальное «царство зверей и волков», где монарх уже не столько государь, сколько олицетворенная «древняя тоска по живой крови» [7, 250].

Таким образом, эпизод «разговора в царстве мертвых» у Проскурина – это не просто фантастическая сцена, а моделирование столкновения двух типов исторического сознания: постсоветской, травматической рефлексии и архаического самосознания самодержца. Для Петра в романе концепция европейского преобразования России – главный аргумент самозащиты: он напоминает, что через всю Европу гнал Карла, рубил головы стрельцам, вешал воевод за взятки и видел в этом служение государству. Его жестокость оправдывается масштабом реформ: ради «великого дела» можно пожертвовать тысячами. С такой позиции Петра описывали просветители и последующая традиция: варварский,

но гениальный реформатор, «создатель современной России» и «отец Отечества». Через интерпретации Маркса, Ленина и сталинский период формировалась двойственная картина: Петр – и творец новой государственной политики, и носитель «монгольского искусства рабства», усиливший империю за счет крепостного крестьянства. Во многом в русле этой концепции выдержан и роман «Вечера с Петром Великим» Д. Гранина. Проскурин встроен в эту амбивалентную традицию, но радикально заостряет ее антиномичность. Одинцов прямо говорит Петру, что казнь царевича Алексея «подрубила Русскую державу», а европейские преобразования обернулись в будущем «распадом» и кровавыми потрясениями, за которые нынешняя Россия расплачивается «лютой бедой» [7, 241].

Парадокс в том, что текстуально профессор говорит из позднесоветского времени, но его оценка выводит цепочку до XX века, где революция и репрессии становятся, по сути, «карой истории» за петровскую модернизацию. Поколениями формировался массовый образ Петра – героический, величественный, но одновременно страшный. У Проскурина этот образ как бы выворачивается наизнанку: вместо мифического «медного всадника» мы видим усталого, но все еще страшного волка-государя, который не отпускает Россию даже после смерти.

Один из ключевых в разговоре мертвого монарха и живого потомка – спор о судьбе русского народа. Одинцов, находясь в состоянии отчаяния, произносит страшную формулу: «кончился русский народ», для его спасения надо «раствориться в разных других породах да племенах окончательно» [7, 228]. Парадоксально, но историк, который должен быть хранителем памяти, предлагает фактическое самоотрицание нации как выход из исторического тупика. Петр реагирует на это с яростью: он обвиняет профессора в том, что тот «поганит» «многославное чело народа русского» своими «многописаниями» [7, 227]. Для него Россия будет существовать «до скончания земли», а он сам – неразрывно с ней связан, даже после смерти: «я и после смерти – Петр, и делаю историю!» [7, 235]. В этом конфликте отражены, с одной стороны, советские дискуссии о «монархическом сознании» и «любви к сильной руке», о возможной реставрации монархии, о которых пишет С.В. Зеленин, анализируя современную переоценку советского прошлого и фигуры Петра [3]. С другой, просматривается логика медиапамяти, описанная Д.С. Артамоновым: общество постоянно производит новые версии прошлого, соединяя клише, мифы и современные сюжеты. Д.С. Артамонов показывает, как в фанфикшн-культуре Петр I часто помещается в современность – он изучает технику будущего, ведет себя то как суровый самодержец, то как демократичный «работник», близкий к народу [1]. Подобный прием «попадания» исторического персонажа в другое время служит способом испытать его миф на прочность и соотнести с сегодняшними ценностями. У Проскурина то Петр попадает в наше время, то историк как бы проваливается в петровскую эпоху, но смысл тот же: это эксперимент с памятью, проверка, выдержит ли фигура монарха диалог с живым потомком.

Важно, что ни одна из сторон в этом споре не оказывается окончательно правой. Одинцов, обвиняя Петра в начале «русской гибели», сам демонстрирует разрушительное отчаяние и готовность отказаться от собственного народа. Петр, утверждая, что судить его может только судьба России, фактически снимает с себя личную ответственность и прикрывается абстрактным «государственным интересом». Их спор не разрешается; финальная сцена с волками, в которых сливаются и звериная власть, и страх историка, показывает, что Петр и Россия остаются связаны узлом, который ни живые, ни мертвые разрубить не могут.

В романе «Число зверя» П. Проскурин вводит образ Петра Великого в контекст историософской метафизики власти. Писатель моделирует миф о священном роднике у истока Волги и о живой воде, которой в Семин день тайно вкушают русские правители, чтобы обрести силу и ответственность за землю. В устах странников в романе «Число зверя» звучит предание: великие князья и цари – Александр Невский, Дмитрий Донской,

Иван Грозный, Алексей Михайлович – будто бы побывали здесь и «исполнили закон» родника, приняв на себя тяжкую ношу любви к Русской земле. Петр I в этот ряд сознательно не включается: подчеркивается, что он «здесь не бывал, и после него никого не было – боялся присохнуть к Русской земле, живот за нее положить» [6, 25]. Так создается мифопоэтическая шкала правителей: те, кто пришел к роднику и испил живой воды, оказываются органически сопряжены с землей и народом; те, кто обошел его стороной, – «супостаты», чуждые внутренней духовной силе России. В этот второй ряд Проскурин включает не только Петра, но и Ленина, Сталина, Хрущёва, показывая, что разрыв с родником – это разрыв не только с традицией, но и с «космическим законом» жизни. Живая вода символизирует не абстрактную «национальную идею», а конкретную, кровно-телесную связь с землей, которая влечет за собой и жертвенность, и обречение на нескончаемую борьбу.

Миф о роднике соединяется у Проскурина с мотивом пророческих знамений-предостережений. Повествователь приводит легенду о явлении кровавого лика ребенка над истоком Волги перед сыноубийством Ивана Грозного, затем перед казнью царевича Алексея по воле Петра, позже – перед революцией 1917 года, страшными годами 1937-го, войной и смертью Сталина. Это не просто «страшные истории»: в художественной форме фиксируется сверхисторический суд над властью, которая раз за разом изменяет своему предназначению. Родник становится точкой, где история пересекается с «космосом»: воды Волги несут в Каспий «кровь и пот» России, но при этом на истоке реки снова и снова возникает знак страдания ребенка как символ исковерканного будущего.

Эпизод «разговора в царстве мертвых» в романе В.Ф. Проскурина «Седьмая стража» – современная художественная вариация архаического жанра диалогов мертвых, в котором с остротой поставлены вопросы о цене модернизации, границах исторической ответственности и судьбе русского народа. Используя прием фантастического «вызывания» Петра I, писатель помещает своего героя-историка в пространство медиапамяти (в трактовке К. Китч), где образы прошлого свободно комбинируются и переопределяются [9]. Здесь пересекаются разные пласты культурной памяти: просветительский миф о великом реформаторе, советская двойственная оценка Петра как прогрессивного, но жестокого самодержца и современные тенденции мифологизации, описанные Д.С. Артамоновым в анализе фанфикшн-культуры [1]. Проскурин не дает готового ответа, «кем был Петр – спасителем или губителем России». Напротив, он показывает, что разговор живого потомка с мертвым монархом неизбежно превращается в разговор о сегодняшнем состоянии страны: об усталости народа, о страхе перед будущим, о соблазне отказаться от собственной исторической идентичности. Европейское преобразование Петра оказывается в этом контексте не только величественным проектом модернизации, но и источником долговременной травмы, с которой позднейшие поколения – в том числе советские и постсоветские – продолжают спорить. Тем самым эпизод «разговора в царстве мертвых» в «Седьмой страже» демонстрирует, как литература способна включаться в процессы медиапамяти: она не просто воспроизводит миф о Петре Великом, но активно его переписывает, ставя рядом голос монарха и голос историка-потомка и превращая их спор в форму размышления о судьбе России.

1. Артамонов Д.С. Медиапамять в культуре фанфикшн: образ Петра I в сетевой литературе // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 26–33.
2. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Языки культуры и проблемы переводимости*. М., 1987. С. 47–148.
3. Зеленин С.В. Представления об образе Петра Великого в советское время // *Тетради по консерватизму*. 2022. № 3. С. 307–322.
4. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. Статьи*

по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. С. 201–213.

5. Михайлова Е.А. Петр I и Петровская эпоха в «Разговорах в царстве мертвых» (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 1. С. 224–243.

6. Проскурин П. Число зверя, М., 1999.

7. Проскурин П. Седьмая стража. Орел, 2018.

8. Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

9. Kitch C. Pages from the Past: History and Memory in American Magazines. Chapel Hill, 2005.

Информация об авторе

Алина Александровна Куприянова,
Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия).
241036, Россия, Брянская область,
Брянск, ул. Бежицкая, 14.
Соискатель кафедры русской, зарубежной
литературы и массовых коммуникаций.
Научные интересы: поэтика текста, мотивика,
национальные литературы.
ORCID ID: 0009-0009-9027-3814
SPIN-код: 6984-1930, AuthorID: 1328589
E-mail: kuperalin@yandex.ru

Information about the author

Alina A. Kupriyanova,
Petrovsky Bryansk State University
(Bryansk, Russia).
241036, Russia, Bryansk region, Bryansk,
Bezhitskaya Str., 14.
Postgraduate student of the Department
of Russian, Foreign Literature and Mass
Communication.
Research interests: poetics of text, motifs of text,
national literature.
ORCID ID: 0009-0009-9027-3814
SPIN-code: 6984-1930, AuthorID: 1328589
E-mail: kuperalin@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.12.2025;
одобрена после рецензирования 15.01.2026;
принята к публикации 15.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

The article was submitted 14.12.2025;
approved after reviewing 15.01.2026;
accepted for publication 15.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Куприянова, А.А. Мотив разговора мертвого правителя с живым потомком в романе «Седьмая стража» П.Л. Проскурина // Philologos. 2026. № 1 (68). С. 70–76. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-70-76.

For citation: Kupriyanova, A.A. The motif of a dead ruler's conversation with a living descendant in the novel "The seventh watch" by P.L. Proskurin // Philologos. 2026. No. 1 (68). Pp. 70–76. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-70-76.

Права: © А.А. Куприянова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

М.В. Сапрыкина
M.V. Saprykina

**ПОЭТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАНРОВЫХ МОТИВОВ
 «ПОСЛЕДНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ
 Б.А. СЛУЦКОГО. СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ**

**POETICS AND FUNCTIONING OF THE SPECIAL GENRE MOTIFS
 OF "THE LAST POEM" IN THE WORK OF B. SLUTSKY.
 THE THIRD ARTICLE**

В статье на материале стихотворения Бориса Слуцкого «Вот такое намерение» (1977) рассматривается комплекс жанровых мотивов, связывающих текст с традицией «последнего стихотворения». Анализ строится вокруг нескольких уровней организации текста: лексического, синтаксического и ритмического. Ритмическая и интонационная свобода, каденции пеона-III, подражающие народной протяжной песне, внеметрические ударения, инверсии, свойственные разговорному стилю, прозаизмы и переносы постоянно нарушают ритмическую инерцию, создавая интонацию «прозаизированного стиха». При этом ироническое снижение, идиостилевая примета лирики Слуцкого, не снимает трагизма, а создает дополнительное художественное напряжение: в стихотворении бытовое и экзистенциальное, серьезное и ироничное неразрывно слиты, а трагическое мироощущение героя облечено в форму нарочито простого, почти бытового высказывания. Текст с принципиальной установкой на открытость для множества интерпретаций формирует как минимум два плана восприятия. Первый план делает акцент на тихий уход, не обременяющий близких («никого не беспокоя, / никого не тяготя»). Второй, учитывающий грамматическую и семантическую природу глагольных форм, подчеркивает, что лирический герой не просто предчувствует смерть, но осознанно желает ее. Стихотворение демонстрирует и другие жанровые признаки «последнего стихотворения» (рефлексию собственной смерти, внутреннюю завершенность, имплицитную установку на переход в иное состояние, «итоговый» характер поэтики), что однако не позволяет отнести текст стихотворения к каноническим представителям жанра.

Ключевые слова: Борис Слуцкий, «последнее стихотворение», жанр, мортальная рефлексия, идеостиль, ирония.

The article examines the complex of genre motifs that connect the text with the tradition of "the last poem" based on Boris Slutsky's poem "This Is My Intention" (1977). The rhythmic and intonational freedom, the cadences of the peon-III, which imitate folk lyrical songs, the non-metric accents, the inversions characteristic of colloquial speech, the prosaicisms, and the shifts in the text constantly disrupt the rhythmic inertia, creating the intonation of "prosaicized verse." The analysis focuses on several levels of text organization: lexical, syntactic, and rhythmic. In the poem, the everyday and the existential, the serious

and the ironic, are inextricably linked. However, the ironic reduction does not diminish the tragedy, but rather creates additional artistic tension. Thus, the hero's tragic worldview is presented in the form of a deliberately simple, almost everyday statement, which is one of the key features of Slutsky's poetics. The text, with its fundamental openness to multiple interpretations, creates at least two layers of meaning. The first layer emphasizes a quiet departure that does not burden loved ones ("without disturbing anyone, / without burdening anyone"). The second layer, which takes into account the double use of the word "intention" and the grammatical and semantic nature of the verb forms, reveals that the lyrical hero not only anticipates death but also consciously desires it. The poem also demonstrates other genre features of "the last poem" (reflection on one's own death, internal completeness, an implicit focus on transition to a different state, and a "final" character of poetics), which, however, does not allow the poem to be classified as a canonical representative of the genre.

Key words: Boris Slutsky, "the last poem", genre, mortal reflection, ideostyle, irony.
DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-77-83

Продолжим разговор о жанровых мотивах «последнего стихотворения»¹⁷ в поздней лирике Бориса Слуцкого и обратимся к тексту стихотворения «Вот такое намерение» (1977). Приведем текст полностью:

1 А намеренье такое:
2 чуть немного погода,
3 никого не беспокоя,
4 никого не тяготя,
5 отойти в сторонку смирно,
6 пот и слезы отереть,
7 лечь хоть на траву и мирно,
8 очень тихо помереть. [14, 394]

Стихотворение представляет собой одно сложное предложение, развернутое в восемь строк. Синтаксически оно напоминает другой октет поэта – «Сократились мои обязанности...» (которому была посвящена вторая статья [9] нашего цикла статей о Борисе Слуцком). Их композиционно-структурная организация не повторяется, при этом оба текста представляют собой рефлексии лирического героя о собственном уходе, но в обоих случаях уход этот лишен трагического пафоса: жизнь исчерпана, пора «отойти в сторонку». Лексический состав стихотворения характеризуется нарочитой простотой, даже обыденностью (*не тяготя, отойти в сторонку, отереть, помереть, намеренье*¹⁸). Это лексика повседневного обихода, лишенная поэтичности. Выбор слов («в сторонку», «смирно», «тихо») создает образ ухода как скромного, почти незаметного действия, лишённого внешней эффектности. Градация действий выстроена в логической последовательности: отстранение («отойти в сторонку смирно») – очищение и ретроспективный взгляд на прожитую нелегкую жизнь («пот и слезы отереть») – принятие покоя («лечь... и мирно... тихо помереть»).

¹⁷ О «последнем стихотворении» мы говорили в других статьях, посвященных творчеству Бориса Слуцкого [10; 9] и не только [7; 8].

¹⁸ Написание *-ние* (*-ание, -ение*) или *-нье* (*-анье, -енье*) в суффиксах отглагольных существительных связано или со смысловым различием, или со стилистической дифференциацией. Слова книжные пишутся с суффиксом *-ние*, слова обиходные – с суффиксом *-нье* [6, 36].

Двустопный пеон третий создает эффект напевности, близкой к народной поэзии¹⁹. Аллитерация на глухие и сонорные (например, *тихо помереть*) на уровне звукописи передает ощущение затихания/затухания, ассонанс на «о» (*отойти, сторонку, пот, отереть, мирно, тихо, помереть*) убаюкивает и вызывает ассоциацию с колыбельной.

Забегая вперед, отметим, что на разных уровнях текст параллельно передает разные «сообщения». Напевность постоянно сбивается прозаическими интонациями, одновременно с размеренностью и убаюкиванием асиндетон, парцелляция, короткие двустопные стихотворные строки дробят текст на несколько пунктуационно и интонационно относительно самостоятельных отрезков, добавляя экспрессивности и динамики. В то же время тема смерти, репрезентируемая в стихотворении и традиционно трактуемая в высокой поэтической традиции, у Слуцкого намеренно лишается пафоса и десакрализуется: умереть – не «почить», не «уйти в небытие», а «помереть». Ю.В. Казарин делает важное замечание об эстетической доминанте поэтической личности Слуцкого: она, по мнению ученого, «сформировалась на этической основе прямого поэтического выражения *бытия в быте* (курсив наш. – М.С.)» [5, 513]. Умение обнаруживать вечное в повседневном, видеть за бытовым сущностное и выражать «бытие в быте», отказ от внешней эффектности, простота интонации и экзистенциальная глубина при кажущемся минимализме изобразительных средств отражает специфику поэтической картины мира поэта.

Интересен композиционный прием «обманутого ожидания». Читатель рассчитывает после слова «мирно» на что-то если не жизнеутверждающее, то хотя бы нейтральное, но поэт ставит неожиданное прозаическое «помереть». Сознательное нарушение лексической сочетаемости вероятно приводит к прагматическим эффектам, в частности к иронии [17, 67]. У Слуцкого ирония и травестирование – не социальный заказ на осмеяние старого мира, не попытка высмеять бюрократизм советской системы. Оксюморонность поэтики, ее парадоксальность, ироничность помогает автору выразить свое отношение к действительности. Ирония становится способом справиться с непереносимым, дистанцироваться от него, якобы его обесценить. Однако авторское критически насмешливое отношение к смерти не снимает трагизма с ситуации: столкновение «высокой» темы с низкой лексикой создает дополнительное внутреннее напряжение в тексте.

В лирике XX века ирония приобрела экзистенциальный масштаб: она стала способом говорить о катастрофе, не впадая в пафос, который после исторических травм казался неуместным или кощунственным. (Вспомним известную фразу Теодора Адорно: «После Освенцима нельзя писать стихи» [цит. по: 4]). Поэтика Слуцкого как раз не была неуместной и кощунственной: «Поэт голой правды, он не писательствует. Он как Аввакум. Пишет так, как орут и стонут. Не заботясь о мелодичности голоса. Стихи Слуцкого как бы стесняются быть стихами, замечает Л. Озеров. И в этом их особая жизненная сила. Их человеческая подлинность» [15, 15], – напишет Н.Л. Елисеев, библиограф, публицист и литературный критик, автор предисловия и комментария к сборнику стихов Слуцкого.

Мы говорили, что текст одновременно передает разные «сообщения» (например, моральная тематика в иронической форме). Так, если в первом стихе имплицирована установка лирического субъекта на некое целевое действие навстречу смерти (намереваюсь помереть), уже второй стих отодвигает эту перспективу («чуть немного погодя»: тавтологично нанизанные близкие по значению наречия меры и степени создают смысловую избыточность, но в то же время усилены друг другом), отдаляя от лирического

¹⁹ Народные интонации – еще одна идиостилевая примета поэтики Слуцкого. Иосиф Бродский скажет: «Именно Слуцкий едва ли не в одиночку изменил звучание послевоенной русской поэзии. Его стих был стукотом бюрократизмов, военного жаргона, просторечия и лозунгов. Он с равной легкостью использовал ассонансные, дактилические и визуальные рифмы, расшатавший ритм и народные каденции» [3, 254].

героя пограничную ситуацию (намереваюсь, но не сейчас) и оттесняя поэтическое сочинение за жанровую периферию «последнего стихотворения» (утрачивается атрибутивное для жанра ощущение близости смерти).

Анафорическое повторение отрицательных конструкций «*никого* не беспокоя, / *никого* не тяготя» подчеркивает, что лирическому герою не важно **где** умереть («лечь *хоть* на траву» – иными словами «где угодно»), но важно **как** (мирно, тихо, без боли, незаметно, не причиняя неудобств окружающим, не тяготя (возможно) близких). Смирность лирического героя в принятии своей смерти усилена многократно: *отойти смирно, мирно помереть, тихо помереть*.

При попытке определить смысловую доминанту анализируемого текста нельзя не сказать про количественные показатели: 5 из 8 стихов посвящены тому, **как** лирический герой хочет умереть, однако при этом нельзя игнорировать семантический потенциал глагольных и отглагольных форм.

Обратим внимание на окказиональную форму «намеренье» в первом стихе вместо нормативного «намерение» в названии текста и сделаем замечание, что лексема «намерение»/«намеренье» – в двух сильных позициях текста, находящихся рядом²⁰. Отглагольное существительное «намерение» ощущает на себе воздействие двух частей речи и, находясь «под сильным влиянием глагольной энергии» [1, 334], содержит отпечаток как существительного, так и глагола на своих грамматических и семантических признаках. Следует, что семантика слова содержит установку на совершение действия²¹. Лирический герой Слуцкого не находится в состоянии пассивного ожидания смерти (жанровая примета «последнего стихотворения»), у него есть интенция на переход в инобытие. Глаголы субъектны: в тексте явно ощущается присутствие самостоятельного, мыслящего лирического «я», обладающего собственной волей, сознанием, способностью действовать²².

Частица «вот» в разговорной речи часто обозначает указательность и придает высказыванию итоговый, резюмирующий характер. Фраза «вот такое намерение» представляет собой эллиптическую конструкцию – в ней опущены элементы, которые восстанавливаются из контекста²³. Эллиптичность – характерная черта разговорного синтаксиса, и в финальных маркерах она встречается регулярно.

Синтаксис, тесно связанный с мелодикой, метрикой и композицией, активно участвует в ритмообразовании поэтического текста. Перенос в конце восьмистишия («лечь хоть на траву и мирно, / очень тихо помереть») создает эффект обрыва, паузы перед ключевым словом («помереть»). Ритмомелодика стиха делает особый акцент на конец стихотворной строки из-за чередования женских и мужских рифм и усечении в четных

²⁰ Интересно, что все поэтические сочинения, входящие по Ю.В. Казарину в парадигму последних стихотворений поэта, не имеют названия и публикуются по инципиту, за исключением анализируемого. Отметим также, что Ю.В. Казарин одним из первых в отечественной науке заявил о последних стихотворениях как об особых текстах [5]. При выборе соответствующих поэтических текстов мы опираемся на его фундаментальный труд – «Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.» [5].

²¹ Словарь русского языка закрепил за лексемой «намерение» такие значения: «Замысел, желание, предположение сделать, совершить что-л.; с намерением – умышленно, с определенной целью» [12, 371].

²² Ср. глаголы семантико-грамматической категории переходных/непереходных: непереходный «субъектный» глагол *отойти* – переходные корреляты *отодвинуть* (кого? что?), *отвести* (кого? что?), непереходный *лечь* (действие, совершаемое субъектом над собой, без перехода на другой объект) – переходные *уложить* (кого? что?), *положить* (кого? что?), означающие «заставить лечь, поместить в горизонтальное положение», непереходный *помереть* (действие, замкнутое на субъекте, не предполагающее объекта, на который оно переходило бы) – переходные (но с другим субъектом действия: появляется активный деятель, совершающий действие над другим) *убить, умертвить, лишить жизни*.

²³ Полная версия могла бы звучать так: «Вот такое (у меня есть) намерение».

стихах (UU–UUU–U / UU–UUU–). При этом перекрестная рифмовка (авав) создает эффект размеренного, но не монотонного звучания, не добавляет драматичности, но позволяет интонационно выделить ключевые слова, которые оказываются на рифмующихся позициях. На такой позиции снова оказывается слово «помереть» (пот и слезы *отереть*, / лечь хоть на траву и мирно, / очень тихо *помереть*).

Смысловый скелет стихотворения образован «сильными» стихами: первым – «а намеренье такое» – и последним – «очень тихо помереть». Если «высушить» стихотворение еще сильнее – до смысла – и оставить сухой остаток, то получаем: *собираюсь тихо помереть*.

За счет травестирования и авторской иронии дихотомическая напряженность жизни-смерти, характерная для «последних стихотворений», снова нейтрализуется. Однако вынесем иронический модус стихотворения за скобки как идиостилевую черту поэтики Слуцкого²⁴. И тогда экзистенциальная усталость²⁵ лирического героя, его устремленность к смерти сближает текст с «последним стихотворением».

Ранее мы отмечали, что свойством поэзии Слуцкого и особенно последних его стихотворений становится размытие границы принципиального не отождествления лирического героя и биографическим автором. Смерть самого Слуцкого была поразительно похожа на то, как он описал ее в стихотворении «Вот такое намерение» (оказалось, что своему намерению поэт был верен до конца). Николай Силис в воспоминаниях писал: «Люди по-разному уходят из жизни. Одни легко, другие мучительно. Одни слишком рано, другие слишком поздно».

Слуцкий *избрал (если так можно выразиться) смерть* (здесь и далее курсив наш. – М.С.) необычную.

<...> Глубочайшая депрессия наступила вскоре же после смерти Тани. <...> Весь период после этого, вплоть до реального конца, жизнью в полном смысле назвать нельзя. Это было существование, не больше. Болезнь отняла у него самое основное – волю.

²⁴ Смерть жены – величайшая трагедия в жизни Слуцкого, которую он так и не смог преодолеть. «Глубочайшая депрессия наступила вскоре же после смерти Тани (Татьяны Дашковской. – М.С.) Депрессия клиническая, тяжелая и необратимая. <...> Как поэт и как структурная личность Слуцкий умер именно тогда, в семьдесят седьмом году, вскоре же после истинной смерти своей подруги», – вспоминает современник Николай Силис [11, 431–432]. Но даже в лирике 1977 года, которую Илья Фаликов, автор жизнеописаний Бориса Слуцкого, назвал не иначе как «плач по жене» [16], поэт чередует пафосную лексику с лексикой, лишенной патетики, что приводит к их ироническому сочетанию. К примеру, в стихотворении «Кучка праха, горстка пепла...» (1977), используя морфемы субъективной оценки, которые в существительных мужского рода зачастую являются выразителями авторской иронии [2, 278], поэт упрощает некое сакральное, ритуальное содержание лексем: то небольшое, что остается от некогда живого, мыслящего существа после его смерти, названо «*кучкой праха*», пепел – «*горсткой пепла*», а погребальная урна – «*черепком*». Подробнее см.: [10].

²⁵ Экзистенциальная усталость лирического героя Слуцкого чувствуется во многих стихотворениях позднего периода творчества поэта. К примеру:

Господи, больше не нужно.
Господи, хватит с меня.
Хлопотно и недужно
день изо дня.
<...>
Если Ты угрожаешь –
я испугался уже.
<...>
Холодно мне и суетно
на роковом рубеже. [14, 429]

А без воли Борис Слуцкий уже не Борис Слуцкий. <...> [Он] маниакально страшился всякого общения. Даже с самыми близкими друзьями. Ушел из жизни Борис *тихо, бесшумно и скромно*, был похоронен на Пятницком кладбище в Москве. Это была его вторая смерть» [11, 432].

Текст стихотворения «Вот такое намерение» Бориса Слуцкого с конститутивной установкой на открытость для множества прочтений принципиально сопротивляется однозначной жанровой атрибуции. Художественная полисемия затрудняет ответ на вопрос о наличии в тексте жанровых примет «последнего стихотворения». Однако имплицитные в тексте маркеры, внешние (внетекстовые, биографические) обстоятельства, внутренняя завершенность и поэтика итоговости, тематическая сосредоточенность на рефлексии смерти дают основания для такой интерпретации и позволяют говорить о стихотворении как о тексте, содержащем жанровые мотивы «последнего стихотворения».

1. Бекенова Р.Б. Категориальная семантика глагола и производного девербатива // *Инновационные технологии в науке и образовании*. 2015. № 4 (4). С. 333–337.
2. Бронникова Ю.О. Словообразовательные средства выражения оценки в русском языке // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. № 12–1. С. 276–279.
3. Горелик П., Елисеев Н. *По течению и против течения... Борис Слуцкий: жизнь и творчество*. М., 2009.
4. Елисеев Н. «Полный вдох свободы» // *Новый мир*. 2000. № 3. URL: <https://nm1925.ru/articles/2000/200003/polnyy-vдох-svobody-4040/?ysclid=mn1g1rb3w0200481229> (дата обращения 13.01.2026).
5. *Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография* / авт.-сост. Ю.В. Казарин. Екатеринбург, 2011.
6. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. *Справочник по правописанию, произношению и литературному редактированию*. 2-е изд., испр. М., 1998.
7. Сапрыкина М.В. К проблеме осмысления «последнего стихотворения» как жанра мортальной поэзии // *Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.Н.Тихонова, Елец, 02–04 ноября 2021 года* / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»; отв. ред. Г.Н. Абреимова [и др.]. Елец, 2021. Ч. 2. С. 376–379.
8. Сапрыкина М.В. «На далекой звезде Венере...» Н. Гумилева в контексте понятия «последнего стихотворения» // *Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография*. Елец, 2022. С. 89–98.
9. Сапрыкина М.В. Поэтика и функционирование жанровых мотивов «последнего стихотворения» в творчестве Б.А. Слуцкого. Статья вторая // *Philologos*. 2025. № 4 (67). С. 64–69. DOI 10.24888/2079-2638-2025-67-4-64-69.
10. Сапрыкина М.В. Поэтика и функционирование жанровых мотивов «последнего стихотворения» в творчестве Б.А. Слуцкого. Статья первая // *Philologos*. 2024. № 1 (60). С. 55–61. DOI 10.24888/2079-2638-2024-60-1-55-61.
11. Силис Н. «...Уже открыл одну строку...» // *Борис Слуцкий: воспоминания современников* / [вступ. ст., сост. П.З. Горелик]. СПб., 2006. С. 423–434.
12. *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К–О* / Академия наук СССР, Институт русского языка; [гл. ред. А.П. Евгеньев]. 3-е изд., стер. М., 1986.
13. Слуцкий Б.А. *Собрание сочинений: в 3 т. М., 1991. Т. 2. Стихотворения. 1961–1972* / сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева.
14. Слуцкий Б.А. *Собрание сочинений: в 3 т. М., 1991. Т. 3. Стихотворения. 1972–1977* / сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева.
15. Слуцкий Б.А. *Стихи: [сборник сост. Б.Я. Ямпольский; предисл. и коммент. Н.Л. Елисеев]*. СПб., 2017.
16. Фаликов И.З. Красноречие по-случки // *Вопросы литературы*. 2000. № 2 (март – апрель). С. 62–110. URL: <https://voplit.ru/2021/06/05/krasnorechie-po-slutski/?ysclid=tiw0f64k6t606770177> (дата обращения: 23.08.2025).

17. Шилихина К.М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 64–69.

Информация об авторе

Маргарита Владимировна Сапрыкина,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Аспирант, ассистент кафедры
русской филологии и журналистики.
Научные интересы: поэтика текста, жанрология.
ORCID ID: 0009-0009-1039-1715
SPIN-код: 9043-4238, AuthorID: 1050518
E-mail: sapryckina.margarita@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.01.2026;
одобрена после рецензирования 17.02.2026;
принята к публикации 17.02.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the author

Margarita V. Saprykina,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Lipetsk region, Yelets,
Kommunarov str., 28.
Postgraduate student, assistant of the Department
of Russian Philology and Journalism.
Research interests: poetics of text, genre studies.
ORCID ID: 0009-0009-1039-1715
SPIN-code: 9043-4238, AuthorID: 1050518
E-mail: sapryckina.margarita@yandex.ru

The article was submitted 23.01.2026;
approved after reviewing 17.02.2026;
accepted for publication 17.02.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Сапрыкина, М.В. Поэтика и функционирование жанровых мотивов «последнего стихотворения» в творчестве Б.А. Слуцкого. Статья третья // Philologos. 2026. № 1 (68). С. 77–83. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-77-83.

For citation: Saprykina, M.V. Poetics and functioning of the special genre motifs of "the last poem" in the work of B. Slutsky. The third article // Philologos. 2026. No. 1 (68). Pp. 77–83. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-77-83.

Права: © М.В. Сапрыкина (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

И.П. Сапунова
I.P. Sapunova

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В РОМАНАХ

А.П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»,

З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ», Г.Ш. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»

MYTHOPOETIC CHRONOTOPE IN THE NOVELS

OF A.P. CHUDAKOV "THE GLAMOUR FALLS ON THE OLD STEPS",

Z. PRILEPIN "THE ABODE", G.SH. YAKHINA "MY CHILDREN"

Статья посвящена выявлению специфических черт мифопоэтического хронотопа как ключевого нарративного инструмента для индивидуально-авторского осмысления истории в романах «Ложится мгла на старые ступени» А.П. Чудакова, «Обитель» З. Прилепина и «Дети мои» Г.Ш. Яхиной. Исследование базируется на принципах сравнительно-типологического, мифопоэтического и герменевтического анализа. Несмотря на разность географических координат, пространство в трех романах объединяется мотивом изолированности от внешнего мира: Чебачинск – место добровольной ссылки, «райский уголок»; Соловки – исправительно-трудовой лагерь; Гнаденталь и хутор – вневременной идиллический «рай», оберегаемый от посягательств истории. В текстах А.П. Чудакова и Г.Ш. Яхиной мифопоэтический хронотоп участвует в созидании, сохранении или реставрации «своего» космоса перед лицом враждебных сил. Циклическое, обратимое или природное время противопоставлено линейному, разрушительному ходу «большой истории», ритуалы (семейные, культурные, земледельческие) выступают формой сопротивления распаду, а вечный мир сакрализуется как носитель памяти и устоявшегося миропорядка. Иначе хронотоп функционирует в романе З. Прилепина, где пространственно-временная организация не просто изолирует человека, но оказывается мифологизированной моделью мира как тотального лагеря. Во всех трех произведениях через трансформацию базовых оппозиций («сакральное/профанное», «центр/периферия», «космос/хаос») осуществляется переход от описания частной жизни к архетипическим обобщениям. В результате анализа мифопоэтического хронотопа обнаруживаются следующие художественные модели: идиллического противостояния «большой истории» как своего рода антимифа в романе «Ложится мгла на старые ступени»; обреченной идиллии – в «Детях моих»; инвертированной утопии – в «Обители». Их сопоставительный анализ демонстрирует качественное многообразие способов репрезентации советского прошлого в современном литературном процессе, а полученные результаты уточняют теоретические представления о способах функционирования мифопоэтического хронотопа в русском романе XXI века.
Ключевые слова: мифопоэтический хронотоп, неомиф, историческая память, советская эпоха, нарратив.

The article is devoted to identifying the specific features of the mythopoetic chronotope as a key narrative tool for the individual author's understanding of history in the novels "The Darkness Falls on the Old Steps" by A.P. Chudakov, "The Abode" by Z. Prilepin and "My Children" by G.Sh. Yakhina. The study is based on the principles of comparative typological, mythopoetic, and hermeneutic analysis. Despite the differences in geographical coordinates, the space in the three novels is united by the motif of isolation from the outside world: Chebachinsk is a place of voluntary exile, a "paradise"; Solovki is a correctional labor camp; Gnadental and the farmstead are a timeless, idyllic "paradise" protected from the encroachments of history. In the texts of A.P. Chudakov and G.Sh. Yakhina, the mythopoetic chronotope participates in the creation, preservation, or restoration of "one's" cosmos in the face of hostile forces. Cyclical, reversible, or natural time opposes the linear, destructive course of "big history", rituals (family, cultural, agricultural) act as a form of resistance to decay, and the material world is sacralized as a bearer of memory and the established world order. The chronotope functions differently in Z. Prilepin's novel, where the spatio-temporal organization not only isolates man, but turns out to be a mythologized model of the world as a totalitarian camp. In all three works, through the transformation of basic oppositions ("sacred/profane", "center/periphery", "cosmos/chaos"), a transition from the description of private life to archetypal generalizations is achieved. As a result of the analysis of the mythopoetic chronotope, the following artistic models are discovered: the idyllic opposition of "big history" as a kind of anti-myth in the novel "Darkness Falls on the Old Steps"; the doomed idyll in "My Children"; of an inverted utopia – in "The Abode". Their comparative analysis demonstrates the qualitative diversity of ways of representing the Soviet past in contemporary literary processes, and the results obtained clarify theoretical understanding of the functioning of the mythopoetic chronotope in the 21st-century Russian novel.

Key words: mythopoetic chronotope, neomyth, historical memory, Soviet era, narrative

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-84-91

Термин «хронотоп», напомним, по М.М. Бахтину, обозначает взаимосвязь временных и пространственных координат художественного текста: «...приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, 235]. Подобная взаимосвязь делает время и пространство не просто фоном, но активными элементами смыслообразования. Мифопоэтический хронотоп, в свою очередь, является инструментом моделирования художественной реальности, объединяющим мифологическое восприятие времени и пространства и выступающим в качестве отправной точки для авторского осмысления истории. Несмотря на обилие отдельных работ, посвященных поэтике романов А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2000) [2], З. Прилепина «Обитель» (2014) [3] и Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018) [5; 4; 7], до сих пор отсутствуют сопоставительные исследования об этих текстах, обращенных к раннесоветской эпохе, в аспекте системного изучения способов функционирования мифопоэтического хронотопа.

В каждом из трех произведений место действия изолировано от большого внешнего мира и становится замкнутым микрокосмом со своими законами, что дает авторам возможность вывести историю частной жизни на уровень универсальных мифологических моделей. Городок Чебачинск («Ложится мгла на старые ступени»), куда в 1930-е гг. семья Стремоуховых добровольно отправляется в ссылку, – эпически-идеализированный образ: «А до самой Степи раскинулся райский уголок, курорт, казахская Швейцария» [8, 25]. Идиллические характеристики местности дополняются наличием огромного чистейшего

Озера и десятка других озер, а сходство со сказочным пространством подчеркивают «молочные реки». Окруженный бескрайней степью городок обособлен не только географически, но и социально: «Такого количества интеллигенции на единицу площади Антону потом не доводилось видеть нигде» [8, 26]. Соловки («Обитель») в противоположность Чебачинску – место принудительной изоляции. Острова представляют собой замкнутое пространство как снаружи (отгорожены от остального мира морем), так и изнутри (социально). Сама же обитель является тюрьмой.

Если в романах А.П. Чудакова и З. Прилепина пространство сохраняет социально-историческую природу, то в тексте Г.Ш. Яхиной оно носит более вневременной, волшебный характер. Гнаденталь и хутор Гримма – локусы, существующие по мифическим законам и оберегающие свою идиллию от посягательств истории. Так, жители Гнаденталья следуют строго определенным обычаям: встают по звону колокола, собирают урожай, искренне верят, что «ступать на монастырские земли запрещено, что горы правобережья неприступны совершенно, что нет там ничего, кроме бесконечного дремучего леса» [9, 78], и не сразу понятно, что действие романа начинается не в Средневековье, как может сперва показаться, а в 1916 г. Мифологическое коллективное сознание заставляет горожан преследовать Баха и его будущую жену Клару, о которой им известно лишь то, что она пришла с заповедного правого берега. Гнадентальцы предлагают выслать их обоих в Бразилию, обходят их стороной, увидев на улице, пускают слухи, что Клара – тайная дочь Баха, на которой тот хочет жениться, перестают приводить детей в школу, где Бах преподает. По замечанию партийного активиста Гофмана, жизнь горожан словно осталась «на обочине современности» и полна «средневековых дикостей». Мифологизм топоса усиливается названием: с немецкого Gnadental переводится как «благодатная долина».

Оппозиция «своего» и «чужого», традиционно структурирующая мифологическое пространство, в данном случае выступает связующей чертой между романами. Однако вектор сакральности в каждом из текстов оказывается разным. У А.П. Чудакова, например, «свое» пространство (Чебачинск, дом) воспринимается в качестве Космоса, освоение которого воспроизводит акт перехода от Хаоса. Герои обживают новую землю. При этом каждый вносит свой вклад в организацию быта, словно отсылая нас к мифу о Робинзоне: «Выращивали и производили все. Для этого в семье имелись необходимые кадры: агроном (дед), химик-органик (мама), дипломированный зоотехник (тетя Лариса), повар-кухарка (бабка), <...> лесоруб, слесарь и косарь (отец)» [8, 66]. «Чужое» пространство – вся страна (СССР) и, в частности, Москва, откуда дедушка и бабушка уезжают, чтобы избежать ареста. Оно же предстает местом не единения, а разрушения семьи: «...позже, когда Коляка оттяпал у нее (у тети Тамары. – *И.С.*) квартиру и запихнул ее в дом престарелых в далекий Павлодар, я только посылал туда изредка посылки и все собирался навестить – всего три часа лету от Москвы, – не навестил. От нее не осталось ничего: ни ее тетрадок, ни ее икон» [8, 12]. Вместе с тем биография семьи Стремоуховых и жизнь провинциального городка связаны с историей всей страны и ее народов: «С начала тридцатых в Чебачинск начали поступать политические. <...> Были привлеченные по шахтинскому делу, платоновскому, делу славистов, попадались изгнанцы единичные – музыканты, шахматисты <...> Перед войной поступила латышская интеллигенция и поляки, уже в войну – немцы Поволжья» [8, 25]. Таким образом, пространство универсализируется, а повествование переводится из частного плана в общий.

Между тем в «Обители» З. Прилепина пространственная структура инвертирована. Если в традиционной мифологической модели «свое» пространство – это сакральный, защищенный центр, а «чужое» – опасная периферия, граничащая с хаосом, то на Соловках такая оппозиция нерелевантна, и для Артема лагерь становится вынужденно «своим». Герой адаптируется к условиям места, чтобы выжить. Бывший сакральный центр – монастырь – превращается в средоточие зла (десакрализуется), что подкрепляется поведением лагерников: они сквернословят, из алтарей устраивают параша, с остервенением превращают кладбище в скотный двор и сами «расчеловечиваются»,

получая удовольствие от страданий других («Чужой страх грел, радовал» [6, 57]). Как и в традиционной мифе, жизненное пространство Соловков устроено иерархически. «Пирамида такая – сверху <...> чекисты. Затем казры. Затем бывшие священнослужители, попы и монахи. В самом низу уголовный элемент – основная рабочая сила» [6, 145], – говорит Эйхманис. Преисподней соответствует карцер на Секирной горе.

В романе Г.Ш. Яхиной соотношение «своего» и «чужого» меняется по ходу романного действия. Изначально враждебное пространство хутора (правый берег) постепенно становится для героя сакральным, тогда как внешний по отношению к нему мир угрожает хаосом. Хутор Гримма, на который Бах приходит в качестве учителя для дочки хозяина, будто наделен сверхъестественной силой. Он заманивает героя и в зависимости от его намерений становится то дружелюбным и гостеприимным, то враждебным и смертельно опасным. При первом приближении правый берег представлялся Баху «исполинским змеем с зубчатым хребтом» [9, 33], лес – непроходимым, Кайсар (один из киргизов, служащих у Удо Гримма) – проводником в ирреальный мир, без которого дорогу до дома найти невозможно, а сам дом на хуторе – огромным кораблем, в одиночестве «плывущим по поляне» [9, 234]. По происшествии многих лет именно хутор сделается для Баха тем местом, которое защитит его и семью от невзгод внешнего мира, дом по-прежнему будет представляться кораблем, но с него больше не захочется сойти. В судьбе героя и его возлюбленной реализуется аллюзия на миф об Адаме и Еве. Даже в самые трудные годы, когда в Гнадентале настанет великий голод, на хуторе, как в Раю, яблони не перестанут плодоносить. Подобно первым людям на земле, Бах и Клара заново выстраивают мир для себя: «А Бах был теперь и лесоруб, и рыбак, и трубочист, и садовник. Он выучился всему: рубить деревья, ловить в силки зайцев <...> Выучился всему, что было по-настоящему нужно для жизни» [9, 48].

Мотив труда и образы вещного мира – еще одна точка пересечения в пространственной организации трех произведений. Герои романа «Ложится мгла на старые ступени» окружены самыми разными предметами: черенок, лопата, гвозди, кровельное железо, самогон, чурки и т.д. Каждый артефакт ценен и как память о семье, и как элемент созидания Космоса – нового не было ничего. Во враждебном пространстве «Обители» материальный мир, напротив, служит свидетельством распада и осквернения. Постройки монастыря («каменное тулово» [6, 11], неопрятное от «ужасного разорения» [6, 11]) видятся Артему «грязными, как спины беспризорников» [6, 67]. Ощущение живого разложения усиливается через физиологические, отталкивающие детали. Войдя в трапезную, главный герой чувствует, как «сразу ударил запах»: «немытая человеческая мерзость, грязное, изношенное мясо» [6, с. 11]. Вещный мир закрепляет мысль о «монастыре наоборот».

В романе «Ложится мгла на старые ступени» хронотоп строится по принципу полифонии, когда разные временные слои сосуществуют, создавая напряженное единство [10]. Историческое время делится на три периода: до Первой мировой войны, до Великой отечественной войны (1941) и после нее (1945). Хотя события предстают не в линейном порядке, а пропускаются сквозь призму восприятия главного героя, который как бы совершает путешествие в прошлое. Повествование ведется от лица ребенка, студента и взрослого человека. Складывается впечатление, будто Антон Стремоухов переживает в своей памяти разные этапы жизни не последовательно, а одновременно. При этом детские воспоминания предстают как обратимые: «Время, вопреки обыденным представлениям, не движется однонаправленно от прошлого через настоящее к будущему – все эти три потока текут одновременно и параллельно. Мы находимся внутри одного – настоящего времени, язык которого нам доступен» [8, 185]. Образы времени ассоциируются с запахами: «Спустя много лет <...> в Амстердаме, во всех кафе его два дня преследовал какой-то сладковатый запах, мучительно что-то напоминавший. На третий, когда ему сказали, что тут легализовано курение марихуаны, он вспомнил: то был запах разогретого солнцем конопляника над Речкой» [8, 33]. Так, одно событие из будущего (спустя много лет) –

из взрослой жизни – влияет на воспоминания о прошлом в настоящем. Героя охватывают приятные мысли об идеализированном детстве. Например, в памяти возникает эпизод о времени, проведенном с другом Валькой на берегу реки: «Сразу же за Речкой во множестве росла полынь – разных видов. Дома у Антона веником из одной полыни подметали сени, из другой – комнаты, третья просто висела под иконами и пахла» [8, 33]. Взаимопроникают настоящее (Антон во взрослом возрасте совершает прогулку по городу детства), прошлое (Антон вспоминает свое детство), будущее (на основе образов из прошлого Антон говорит о своей взрослой жизни).

Связь изображенного времени с природой и бытом сближает текст А.П. Чудакова и роман Г.Ш. Яхиной. Время жизни Баха тоже противопоставлено линейному историческому. Свои занятия с Кларой герой отсчитывает писателями, которых они проходят (в мае – Гете, в июне – Шиллера, в июле – Новалиса, в августе – Лессинга, а в сентябре – снова Гете). После потери карманных часов в Волге Бах, живя на хуторе, измеряет время «не минутами, а росой, <...> ходом звезд по небу и фазами луны <...> цветением яблонь и полетом птичьих стай по-над степью» [9, 92]: «Само время, казалось, текло на хуторе по-иному. Возможно, в других местах – где-нибудь в Петербурге или Саратове <...> ход его был по-прежнему быстр и энергичен. Здесь же – в окружении столетних дубов, под сенью неизменно плодоносных яблонь <...> этот ход не замедлялся, но становился едва ощутим, почти исчезал» [9, 92]. Наблюдая за историей, герой ведет свой особый календарь: 1918-й он называет «Годом Разоренных Домов», 1919-й – «Годом Безумия», 1920-й – «Годом Нерожденных Телят». Вплоть до 1938 г., который Бах называет «Вечным Ноябрем», он продолжает отмечать хронологические точки не числами, а событиями, окончательно теряет счет времени и ощущает его остановившимся.

Соответственно, с моделью времени и характером происходящих событий закономерно соединяется модель пространства. Сложившийся хронотоп воплощает контраст между бытом поволжских немцев и наступлением советской эпохи, выражает мысль о невозможности для маленького народа и его представителей отгородиться от мира – спрятаться на хуторе, как Бах, или, как гнадентальцы, жить предрассудками.

Не менее явный конфликт прошлого с настоящим – в пространственно-временной организации романа «Ложится мгла на старые ступени». На месте «профанной» реальности советского времени, которое дед Леонид Львович называет «царством фантомов» [8, 270], реконструируется «подлинная» действительность ушедшей эпохи. Дореволюционное прошлое воспринимается героями А.П. Чудакова как устойчивое и продолжающее существовать благодаря различным ритуалам. Бабушка Антона – Ольга Петровна, выпускница Института благородных девиц – несмотря на смену режима, соблюдает старый этикет и обучает ему детей, внуков, употребляет в речи французские слова, хранит семейные драгоценности: «Я помнил, не вкус, а то, что и щи из крапивы, и отварной корень лопуха подавались на семейных тарелках – их бабка не продала ни в эту войну, ни в первый голод, ни во второй» [8, 248]. С одной стороны, герои живут тем, что сами выращивают на огороде, ритм их жизни согласуется с природными циклами, их быт напоминает быт далеких предков: «вся любовь к земле, полю, пашне, вся древняя поэзия земледельческого труда переместилась на огород», лошадь, плуг, натуральные удобрения воспринимаются как часть природы, а новые изобретения (трактор и химикаты) – как искажение естественного порядка. С другой стороны, идеализация прошлого сопряжена с хранением «вечных» вещей, которые мифологизируются, помогают семье выжить и сохранить миропорядок: бритва, купленная в день коронации Николая II, острая как в первый день, или швейцарские часы «Лонжин», приобретенные «еще во время русско-японской войны у одного офицера, за пятьдесят лет отстали на одну минуту» [8, 29].

А.П. Чудаков обнажает антитетичность времени и пространства. Прошлое исчезнувшей императорской России, как и детство в Чебачинске, противопоставлены в сознании Антона ценностно чуждой советской действительности: «Старый мир ощущался им как более реальный, дед продолжал каждодневный диалог с его духовными и светскими

писателями, <...> с друзьями, отцом, братьями, хотя никого из них не видел больше никогда. Ирреальным был для него мир новый» [8, 270]. Предлагая своего рода антимиф по отношению к мифу официозному, автор в то же самое время создает собственный миф о семье Стремоуховых как о последних из могикиан, обладающих уникальными знаниями, которые необходимо передавать, чтобы противостоять тем самым хаосу истории.

Наконец, фигура героя-хранителя наличествует в обоих произведениях. Если Якоб Бах консервирует целый микрокосм на своем хуторе и в сказках, то Антон Стремоухов, будучи историком по профессии, становится летописцем семьи («Через Антона дедовы истории перекочевали к дочке Даше...» [8, 147]) и посредником между эпохами, носителем коллективной памяти (недаром в повествовании Антона стираются границы, и истории каждого из членов семьи – деда, бабушки, тетки – вплетаются в общую ткань времени).

С функциональной точки зрения мифопоэтический хронотоп в романе З. Прилепина «Обитель» имеет ряд особенностей, поскольку не связан, как у А.П. Чудакова и Г.Ш. Яхиной, с созиданием и сохранением «своего» космоса (семейного, природного или культурного) в предлагаемых исторических обстоятельствах. Соловки предстают местом предельной концентрации самой истории, напластования разных эпох: от древнего монастыря до лагеря особого назначения (СЛОН). При этом конфликт времен сглажен: монастырское прошлое и лагерное настоящее воплощены в одном пространстве. Под известкой, которую соскабливает Артем, ожидая смерти в карцере на Секирке, проступает икона: «За слоем известки обнаружился глаз. Поскоблil еще – появилось ухо» [6, 278]. Так, сакральное скрыто, но не уничтожено полностью. Время сгущается, и главный герой словно выпадает из реальности: «Чувство было такое, что все происходило в позапрошлой жизни» [6, 342]. Пребывание в лагере предстает неестественным и возвращает людей к состоянию первобытной жестокости: «Потом будут говорить, что здесь был ад; а здесь была жизнь. Смерть – это тоже вполне себе жизнь. <...>. Что до ада – то он всего лишь одна из форм жизни, ничего страшного» [6, 372].

Если в романе «Ложится мгла на старые ступени» цикличность времени выражается сосуществованием разных эпох в сознании Антона Стремоухова, а в «Детях моих» природно-циклическое время противостоит линейному ходу истории, то в «Обители» герои насильственно оказываются во временной петле. Ритуальные действия (поверки, наряды, приемы пищи) не создают «свой» микрокосм, но служат инструментом подавления личности: «Все в лице Артема стало мелким <...> сам пропал, как будто его потянули за нитку и распустили» [6, 370].

Пространственно-временная организация Соловков, изолируя человека от «большой истории», являет мифологизированную модель мира как тотального лагеря. Монастырь отгорожен и морем, и небесным щитом, уподобленным «куполу, некоей невидимой тверди» [6, 19]. Красноармейцы с «собачьими лицами» [6, 204] и «песьими глазами» [6, 249] уподобляются бешеным псам, а «лающие» чайки напоминают гарпий: «Чайки уже не просто кричали, а дразнились то человеческими, то звериными голосами» [6, 220].

Как видно, во всех рассмотренных нами произведениях мифопоэтический хронотоп функционирует в качестве ключевого нарративного инструмента для индивидуально-авторского осмысления истории. В романе «Ложится мгла на старые ступени» ее детерминирующей силе противостоит сохранение культурной идентичности и традиционных ценностей. В «Детях моих» с масштабными социально-историческими преобразованиями сталкивается автохтонный уклад жизни поволжских немцев. В «Обители» политические механизмы подавления личности достигают универсализирующей формы. Через пространственно-временную организацию и трансформацию базовых мифологических оппозиций («сакральное/профанное», «центр/периферия», «космос/хаос») осуществляется переход от описания частной жизни к архетипическим обобщениям, реализуются самостоятельные художественные модели: идиллического противостояния «большой истории» как своего рода *антимифа* у А.П. Чудакова; *обреченной идиллии* – у Г.Ш. Яхиной; *инвертированной утопии* –

у З. Прилепина. Их сопоставительный анализ демонстрирует качественное многообразие способов репрезентации советского прошлого в современном литературном процессе.

1. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 234–407.
2. Доманский Ю.В. Некоторые особенности художественного мира романа «Ложится мгла на старые ступени» Александра Чудакова // *Новый филологический вестник*. 2019. № 1 (48). С. 230–237.
3. Ильина С.А. Специфика онейрического хронотопа в романе З. Прилепина «Обитель» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 5–3 (59). С. 13–20.
4. Логинова А.В. Сказочный хронотоп в романе Г. Яхиной «Дети мои» // *Русский фольклор Мордовии в контексте мировой культуры: сборник материалов всероссийской научной конференции (Седьмые всероссийские научно-педагогические чтения с международным участием)*. Саранск. 02–03 марта 2023 года. Саранск, 2023. С. 175–181.
5. Нестерова О.А. Хронотоп сказки в романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» // *Обсерватория культуры*. 2019. Т. 16. № 6. С. 584–594.
6. Прилепин З. *Обитель*. М., 2014.
7. Сапунова И.П. Мифопоэтическое осмысление истории в романах «Обитель» З. Прилепина «Дети мои» Г. Яхиной // *Отечественная филология*. 2025. № 1. С. 149–157.
8. Чудаков А.П. *Ложится мгла на старые ступени*. М., 2023.
9. Яхина Г.Ш. *Дети мои*. М., 2018.
10. Holquist M. *The fugue of chronotope* // *Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope / Reflections, Applications, Perspectives: Bemong N., Borghart P., De Dobbeleer M., Demoen K, De Temmerman K., Keunen B. Gent*, 2010.

Информация об авторе

Ирина Павловна Сапунова,
Московский государственный университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия).
119991, Россия, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1., стр. 51.
Аспирант кафедры теории литературы.
Научные интересы: теория литературы, поэтика
текста, современная русская литература.
ORCID: 0000-0002-4759-8578
SPIN-код: 9821-4129, AuthorID: 1246606
E-mail: irina_sapunova@list.ru

Поступила в редакцию 01.02.2026;
одобрена после рецензирования 18.03.2026;
принята к публикации 18.03.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the author

Irina P. Sapunova,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory,
Building 1, Bldg. 51.
Postgraduate student in the Department
of Literary Theory.
Research interests: literary theory, textual poetics,
contemporary Russian literature.
ORCID: 0000-0002-4759-8578
SPIN: 9821-4129, AuthorID: 1246606
Email: irina_sapunova@list.ru

The article was submitted 01.02.2026;
approved after reviewing 18.03.2026;
accepted for publication 18.03.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Сапунова, И.П. Мифопоэтический хронотоп в романах А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», З. Прилепина «Обитель», Г.Ш. Яхиной «Дети мои» // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С.84–91. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-84-91.

For citation: Sapunova, I.P. Mythopoetic chronotope in the novels of A.P. Chudakov "The glamour falls on the old steps", Z. Prilepin "The abode", G.Sh. Yakhina "My children" // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 84–91. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-84-91.

Права: © И.П. Сапунова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

КОМПАРАТИВИСТИКА И РЕЦЕПТИВНАЯ ЭСТЕТИКА / COMPARATIVE LINGUISTICS AND RECEPTIVE AESTHETICS

Ван Луяо, В.Р. Аминева
Wang Luyao, V.R. Amineva

СИМВОЛИКА БЕЛОГО ЦВЕТА В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ И ШУ ТИН: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

THE SYMBOLISM OF THE WHITE COLOR IN THE LYRIC POETRY OF ANNA AKHMATOVA AND SHU TING: A COMPARATIVE STUDY

Целью исследования является выявление эпистемологического потенциала цветовой символики как параметра сопоставительного анализа творчества Анны Ахматовой и Шу Тин – авторов, принадлежащих к разным национально-культурным традициям. Методологическую основу составляют принципы сравнительного и сопоставительного литературоведения, культурно-исторический подход, а также теоретические концепции символа в российской и китайской научной традиции. Результаты исследования показали, что символика белого цвета в поэзии Ахматовой и Шу Тин функционирует как художественная универсалия, раскрывая общие мотивы чистоты, невинности, скорби и связи с потусторонним. Вместе с тем выявлены культурно-специфические аспекты семантики белого цвета: в лирике Ахматовой она детерминирована трагическим историческим контекстом, православной духовностью и личной памятью, тогда как в поэзии Шу Тин она в большей степени связана с даосской гармонией с природой, цикличностью обновления, надеждой и хрупкой красотой чувств. Теоретическая значимость исследования заключается в демонстрации механизмов культурно-исторической и индивидуально-авторской идентификации через семантику цвета. Полученные выводы могут быть применены при построении сопоставительной поэтики русской и китайской литератур, обосновывая механизмы сопоставления различных типов поэтического языка и образности.

Ключевые слова: *цветовая символика, белый цвет, сравнение и сопоставление, А. Ахматова, Шу Тин, русская поэзия, китайская поэзия, культурная специфика.*

The aim of the study is to identify the epistemological potential of color symbols as a parameter of comparative analysis of the creativity of Anna Akmatova and Shu Tin - authors belonging to different national-cultural traditions. The methodological

basis consists of principles of comparative and comparative literature, cultural-historical approach, as well as theoretical concepts of symbol in Russian and Chinese scientific tradition. The results of the study showed that the symbolism of white color in the poetry of Akhmatova and Shu Tin functions as an artistic universal, revealing the common motives of purity, innocence, grief and connection with the otherworld. However, the cultural-specific aspects of white semantics are revealed: in Akhmatova's lyrics it is determined by a tragic historical context, Orthodox spirituality and personal memory, whereas in Shu Tin's poetry it is more related to Taos' harmony with nature, the cycle of renewal, hope and fragile beauty of feeling. The theoretical significance of the study lies in demonstrating mechanisms of cultural-historical and individual-author identification through color semantics. The conclusions obtained can be applied in constructing comparative poetics of Russian and Chinese literature, justifying mechanisms for comparing different types of poetic language and imagery.

Key words: color symbolism, white color, comparison and comparison, A. Akhmatova, Shu Ting, Russian poetry, Chinese poetry, cultural specificity

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-92-99

Белый цвет обладает в русской и китайской культурах многогранной символикой, а в творчестве Анны Ахматовой и Шу Тин и повышенной семантической нагруженностью. Цветовая символика в поэзии Ахматовой рассматривается как важный элемент художественной системы. Анализ исследований разных лет позволил выявить несколько направлений, включая общий анализ цветовой палитры [3; 16; 18; 6], узкоспециальные исследования конкретного цвета и/или конкретного периода [7; 8; 9; 10], а также лингвистические исследования [4;15]. В филологических исследованиях установлено, что в лирических текстах Ахматовой разных лет преобладают сдержанные, приглушенные тона, часто встречаются ахроматические цвета (серый, черный, белый), что отражает трагическую тональность ее стихов. Исследователи часто связывают черный цвет с трагедией, утратой, смертью, а белый – с чистотой, воспоминаниями, прошлым [19; 20]. В исследованиях Г.С. Скороспелкиной [16, 139–154] и Л.Ф. Соловьевой выявляется влияние культурного контекста: исторические события (репрессии, война), личная драма (аресты близких, трагедия «Реквиема») и культурные влияния (акмеизм, традиции русской поэзии XVIII–XX вв.) отражаются в выборе и использовании цвета в ее поэзии.

Белый цвет в ее творчестве часто ассоциируется с чистотой, трагедией, смертью и духовным просветлением. В.М. Жирмунский отмечал, что белый цвет у Ахматовой – это цвет трагической чистоты, символ невинности, погубленной жестокой эпохой [5]. В.М. Жирмунский и Л.Г. Кихней [8] утверждают, что белый цвет в ее поэзии часто контрастирует с черным, создавая драматический эффект. Этот контраст подчеркивает экзистенциальную борьбу между светом и тьмой, жизнью и смертью. В работе Н.В. Кириллиной также отмечается, что белый цвет у Ахматовой часто связан с мотивами памяти и вечности, что делает его одним из ключевых элементов ее поэтического мира [15]. В статье Н.В. Королевой описана семантическая многоаспектность белого цвета, сопрягающего концептуальные поля «добро» и «зло». Эта эсхатологическая оппозиция обличена в слова, «как бы "озвученные" автором, крайние полюса чувств, эмоциональных состояний, не только присутствуют в одном контексте, они сами создают новое семантическое пространство» [7, 52].

Шу Тин – одна из наиболее известных китайских поэтесс XX века, чье творчество отличается глубоким лиризмом и философской насыщенностью. Цветовые образы, построенные на белом цвете, в ее поэзии используются для передачи чувств утраты, ностальгии и поиска внутренней гармонии, поскольку в китайской культуре белый цвет традиционно ассоциируется с трауром, чистотой и духовной просветленностью. Однако ранее было установлено, что: «белый цвет в ее лирике – это не просто цвет утраты,

но и цвет нового начала, цвет надежды, пробивающейся сквозь пелену печали» [21, 112]. Важным аспектом в рамках настоящего исследования является, прежде всего, эволюция цветовых значений: как Шу Тин переосмысляет традиционные цвета в современном контексте, используя их для передачи субъективных переживаний и психологических состояний [20], что соответствует принципам «туманной поэзии», где важны недосказанность и многозначность.

В немногочисленных работах, посвященных поэтике белого в поэзии Шу Тин, нам удалось установить две тенденции. Прежде всего, отмечается, что в творчестве Шу Тин белый цвет часто сочетается с непосредственными образами природы (снег, облака и цветы), выступая как самостоятельный цвет или дополнительный тон. Это подчеркивает связь между человеческими эмоциями и природными явлениями, что является характерной чертой китайской поэтической традиции: «сочетание белого цвета и образов природы позволяет Шу Тин передать тончайшие нюансы человеческих переживаний, создать ощущение чистоты и гармонии, столь важных для ее лирической героини» (перевод наш. – В.Л., В.А.) [23, 82]. Кроме того, подчеркивается глубокая связь поэтики Шу Тин с натурфилософской традицией: «Белый цвет у Шу Тин – это не просто визуальный образ, а философская категория, медитативное состояние, через которое лирическая героиня обретает единство с мирозданием и преодолевает экзистенциальное одиночество» (перевод наш. – В.Л., В.А.) [22, 105].

Прямое сопоставление цветовой символики поэзии Анны Ахматовой и Шу Тин встречается крайне редко. Существуют работы, посвященные творчеству этих авторов по отдельности, а также труды, где проводятся общие параллели между русской и китайской поэзией в целом, но прямого сопоставления цветовой символики именно между этими авторами в литературоведении нет. Это указывает на неизученность данной темы и определяет новизну нашего исследования, имеющего цель – выявить эпистемологический потенциал символики цвета как параметра сопоставительного изучения творчества русской и китайской поэтесс.

Материал исследования: стихотворения Анны Ахматовой и Шу Тин разных лет, содержащие образы с цветокомпонентом «белый». Теоретической основой работы стали труды С.С. Аверинцева [1], А.Ф. Лосева [11], Ю.М. Лотмана [12], посвященные символу как универсальной категории искусства и культуры в целом, структурно-семантическому комплексу и художественно-эстетической конструкции. В русскоязычной научной традиции символ трактуется как многозначный образ, соединяющий материальное и духовное, отражая реальность, он указывает на скрытые смыслы. А.Ф. Лосев подчеркивает, что символ – это «единство идеи и образа», где форма и содержание неразделимы [11, 56], Ю.М. Лотман рассматривает символ как элемент семиосферы, где знаки взаимодействуют и порождают новые значения [23, 12–13].

В китайской традиции символы тесно связаны с философскими категориями даосизма и конфуцианства. Здесь символ является частью универсального порядка, отражающего гармонию между человеком и природой. Как отмечает исследователь эстетики китайских иероглифов Гу И: «Формо-смысловое строение иероглифа всегда связано с порядком неба и земли, каждый знак является эскизом диалога между человеком и природой» [26, 78]. Символы интерпретируются как идеографические знаки: «Даосизм рассматривает природные символы как средство, соединяющее человека и космос; наблюдение за конкретными символами – горами, растениями – является путем постижения целостности "дао"» [25, 112]. Таким образом, в китайской традиции символы – это многослойные этико-философские коды. Учитывая содержательные различия в природе символов и сопоставительный характер исследования нами были сформулированы следующие выводы.

Во-первых, символика белого цвета выявляет то общее, что объединяет авторов XX века, а белый цвет выступает носителем универсальных смыслов, связанных с экзистенциальными переживаниями, границей между жизнью и смертью, а также

с внутренними конфликтами личности. Символика белого цвета, ассоциирующаяся с чистотой и невинностью, является сквозной для творчества обеих поэтесс. В поэзии Ахматовой, это часто связано с трагической судьбой и утратой. В стихотворении «Сероглазый король» белый цвет волос королевы («За ночь одну она стала седой» [2, т. 1, 32–33]) подчеркивает чистоту скорби вдовы и безысходную боль утраты, символизируя не только оборванную жизнь погибшего короля, но и ее самой, становясь колористической рифмой погребального савана. При этом символическая старость (седина) противопоставлена образу сероглазой дочери лирической героини, которая, являясь воплощением ушедшего, служит ей утешением. Колористически связанный с живым королем (сероглазый), этот образ противопоставлен чистоте скорби королевы.

В ранних стихотворениях Ахматовой белый цвет соединяется с природными образами, не утрачивая своего трагического символизма. Название стихотворения «Белой ночью» отсылает одновременно и к летним белым ночам, и к белоснежной зиме. Мистическое состояние и надежду лирической героини подчеркивают нарушенные ритуалы («Не зажигала свеч», «дверь не запирала я», «усталая / Я не решалась лечь» [2, т. 1, 45–46]). Белый цвет ночи, имеющий богатую литературную традицию, не связывает стихотворение с темой северной столицы, но расширяет временное пространство ожидания в бесконечный цикл смены лета и зимы. Строка «Сердце к сердцу не приковано...» (1911) подтверждает, что белый становится цветом холода, несбывшихся надежд и утрат («Дни томлений острых прожиты, вместе в белою зимой» [2, т. 1, 52–53]). В ранней лирике Ахматовой существуют примеры, где белый выступает одновременно и символом чистоты и идеала, и символом утраты. Например, в стихотворении «Твой белый дом и тихий сад оставлю» (1913) образы белого дома и тихого сада символизируют мир, покой и счастье, которых больше нет. Подобно монохромному фотографическому изображению, неомраченные и застывшие образы («белый», «тихий» [2, т. 1, 89–90]) становятся символами памяти.

Образ гибели очевиден в заголовке стихотворения «Майский снег» (1916), где Ахматова возвращается к белому цвету как символу смерти. Весенняя природа, полная жизни, обречена на гибель под внезапно и несвоевременно выпавшей белой прозрачной пеленой. Инверсия в первой строке усиливает («Прозрачная ложится пелена» [2, т. 1, 156–157]) акцент на слове пелена, образно-символически связанном с саваном и забвением.

В лирике Шу Тин белый цвет как цвет чистоты – указание на идеал, стремление к совершенству. В стихотворении «Белый лебедь» цвет оперения птицы воплощает свободу от земных забот, полет души к высоким идеалам. Мягкие образы «детей», «облаков» и «кроликов» в стихотворении создают контраст с кровавыми сценами, подчеркивая чуткое восприятие женщинами хрупкости жизни: «当你有一天想变为 一朵云/一只蹦蹦跳跳的小兔子/一艘练习本上的白帆船 不要忘记我» [27, т. 1, 48–52] «Когда однажды ты захочешь стать облаком / прыгающим кроликом / белым парусником на тетради, не забудь меня» (перевод наш. – В.Л., В.А.).

Несмотря на различие культурных кодов, белый цвет и в русской, и в китайской поэзии становится символом скорби и утраты. Особенно мрачным становится белый цвет в поэме «Реквием» [2, т. 2, 145–162], ассоциируясь с похоронным саваном, с невинными жертвами репрессий, с невыразимой болью матерей, потерявших своих детей:

Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
<...>
И о смерти говорят.

В лирике Шу Тин белый цвет также может нести в себе печаль. В стихотворении «Поющий ирис» ирис символизирует сущность поэта, которая одновременно хрупка

и сильна. Он «поет», когда к нему прикасается возлюбленная, отражая тонкие эмоции и артистическую жизненную силу женщины. Белый цвет в стихотворении представлен косвенно (лунный свет и снег), указывая на чистоту и мистичность любви и подразумевает противоречие между историческим временем и идеалами. Поэтическая техника синестезии Шу Тин («звнящий лунный свет») делает абстрактные эмоции конкретными.

Во-вторых, символика белого цвета имеет ярко выраженную специфику и отражает процессы национально-культурной идентификации и самоидентификации литературно-художественных систем. В лирике Ахматовой белый цвет функционирует как символ духовности и религиозности. В стихотворении «Протертый коврик под иконой...» (1921) контраст между бледными тонами («белеют пальцы») и яркими деталями («темно-зеленый плющ», «розы струится запах сладкий») [2, т. 2, 91–92] создает атмосферу духовного напряжения, отражая душевный разлад лирической героини. Белый цвет здесь связан с представлением о духовной чистоте и поиске утешения в вере. В русской культуре белый цвет исторически связан с духовностью, чистотой веры и религиозными обрядами. В поздней лирике Ахматовой белый цвет также может символизировать покаяние, смирение и духовное просветление, что является важным элементом русской православной традиции. В стихотворении «Зачем вы отравили воду...» (1935) лирическая героиня, наследуя «покаянную рубаху» [2, т. 2, 124–125], получает таким образом отпущение грехов и очищение. Упомянутый ритуальный наряд, очевидно, ассоциируется с белым цветом.

В лирике Шу Тин белый цвет выступает как символ обновления и надежды. В китайской культуре, где большое значение придается цикличности времени и идее постоянного обновления, белый цвет может символизировать не только скорбь, но и надежду на возрождение. В стихотворениях Шу Тин, посвященных природе, белый цвет часто сочетается с образами снега, облаков и цветов, символизируя чистоту, свежесть и цикличность времени. Эта связь белого цвета с обновлением и надеждой менее выражена в лирике Ахматовой, где преобладает трагически-линейное мироощущение и мотив памяти о прошлом.

Процессы национально-культурной идентификации наиболее показательно проявляются в использовании белого цвета как отражения даосского мировоззрения. В китайской философии даосизм подчеркивает важность гармонии между человеком и природой, созерцания мира и постижение Дао. В лирике Шу Тин белый цвет часто служит выражением этих даосских идеалов. Белый цвет облаков, снега или цветов может символизировать чистоту помыслов, стремление к единению с природой, отрешенность от мирской суеты.

В-третьих, белый цвет у Ахматовой и Шу Тин – это индивидуально-авторский символ, раскрывающий своеобразие творческой индивидуальности поэтесс, принципы художественного изображения, жанровую специфику произведений, особенности стиля. Для Ахматовой чья личная жизнь была полна драматических событий, белый цвет часто становится символом трагической любви, утраченных надежд и вечной памяти сердца. В ранней лирике Ахматовой, например, в стихотворении «Белый дом» [2, т. 1, 89–90] белый цвет символизирует хрупкость и уязвимость любви, предчувствие грядущих потерь:

Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.
Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.

Белый дом является метафорой идеального мира, который оказывается недостижимым.

Снег летит, как вишневый цвет...
И, видно, никто не знает,
Что белого дома нет.

Стихотворение «Белый дом» демонстрирует пример оппозиции цветообозначения, которая усиливает драматизм ситуации: словно капли крови просачиваются сквозь белые ветви, наблюдаемые лирической героиней. При этом доминирующий белый цвет наполняет произведение через такие детали, как «январский полдень», «белая сетка инея», дважды повторяющееся словосочетание «белый дом», летящий снег («Снег летит, как вишневый цвет...») [2, т. 1, 89–90].

В «Реквиеме» белый цвет, кроме тихой скорби, становится знаком духовного сопротивления и надежды на будущее возрождение. Одним из источников надежды становится творчество, способное запечатлеть не только глубину чувств человека, его эстетические устремления, но и глубину трагедии, о которой говорится в эпиграфе к поэме «Реквием». Усиливая символизм образа за счет соединения библейских и античных мотивов, Ахматова награждает белыми одеждами Музу в «Реквиеме»: «...в одежде белой / Входила Муза в тесный мой приют» [2, т. 2, 145].

Белый цвет как знак внутренней силы и духовной стойкости организует композицию стихотворения «Небывалая осень построила купол высокий...» (1922), где две неравные (в первой одиннадцать строк, во второй – одна), разделены не только многоточием, но сложным поэтическим образом, где концентрация и смешением времен (сезонов) преодолевается силой единственного белого цветка:

Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось – сейчас забелеет прозрачный подснежник...
[2, т. 2, 78–79].

Белый цвет в поэзии Шу Тин является символом гармонии и единства с природой. Для Шу Тин, поэтессы, выросшей в эпоху перемен и столкнувшейся с вызовами современности, белый цвет часто становится символом гармонии, стремления к простоте и искренности. В пейзажной лирике белый цвет облаков, снега или цветов отражает внутреннее состояние лирической героини, ее стремление к душевному равновесию. Несмотря на оптимистичное мировоззрение, присущее Шу Тин, в ее лирике также присутствует ощущение хрупкости и уязвимости человеческого бытия. Белый цвет символизирует эту хрупкость, напоминая о бренности всего сущего. Этот аспект символики белого цвета особенно заметен в стихотворениях, посвященных теме любви, где белый цвет отражая чистоту чувств указывает на их уязвимость.

Важно отметить, что символика белого цвета может варьироваться в зависимости от жанра произведения. У Ахматовой в лирических стихотворениях белый цвет может выражать личные переживания и чувства, а в поэмах и циклах – приобретать более широкий, исторический и философский смысл. У Шу Тин символика белого цвета в большей степени связана с лирическим выражением чувств и переживаний, отражающих ее внутренний мир и отношение к окружающему миру. Таким образом, семантика белого цвета может быть параметром сопоставительного исследования поэтического творчества, поскольку служит эффективным инструментом для выявления как общечеловеческих экзистенциальных тем, объединяющих русскую и китайскую поэтесс, так и уникальных черт, обусловленных культурным контекстом и индивидуальным авторским стилем.

1. Аверинцев С.С. Символ художественный // Аверинцев С.С. Собрание. Киев, 2006. С. 386–394.

2. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1998.

3. Берловская Л.В. Цветовая палитра поэзии Анны Ахматовой // Проблемы творчества и биографии А.А. Ахматовой. Одесса, 1989. С. 16–17.
4. Гузева О.А. Смысловая и функциональная значимость цветообозначения в ранней лирике А. Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007.
5. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.
6. Журавлева А.А. Цветовые эпитеты в поэзии Анны Ахматовой // Этнопространство Западной Сибири: современная языковая ситуация: сборник тезисов докладов участников Международного научного форума, Тобольск, 22 октября 2021 года. Киров, 2021. С. 142–145.
7. Кириллина Н.В. «Белый мир» Анны Ахматовой: особенности реализации семантики прилагательного «белый» в художественном пространстве поэта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 47–54.
8. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой: Тайны ремесла. М., 1997.
9. Корона В.В. Семантика серого цвета в творчестве Анны Ахматовой // Дергачевские чтения – 2000: русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы Международной научной конференции: в 2-х частях, Екатеринбург, 10–11 октября 2000 года / сост. А.В. Подчиненов. Екатеринбург, 2001. Ч. 2. С. 150–156.
10. Кузнецова Е.С., Грызлова А.М. Семантика цвета в творчестве Марины Цветаевой и Анны Ахматовой // Теория и практика современной науки. 2016. № 6–1 (12). С. 671–682.
11. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
12. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. Тарту, 1984. Вып. 641.
13. Малкина В.Я. Событие и сюжет в лирическом стихотворении («Небывалая осень построила купол высокий...» А. Ахматовой) // Новый филологический вестник. 2012. № 3 (22). С. 18–22.
14. Папишева Г.О., Глушкова О.В. Колоративные эпитеты в ранней лирике А. Ахматовой // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 41–44.
15. Петросова А.П. Лексико-грамматические особенности цветовой лексики в стихотворном сборнике А.А. Ахматовой «Белая стая» // Инноватика в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции. В 2 частях, Уфа, 13 января 2023 года. Уфа, 2023. Ч. 2. С. 11–14.
16. Скороспелкина Г.С. Архетип цвета в поэтике А. Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 1. Симферополь, 2001. С. 139–154.
17. Соловьева Л.Ф. Поэтика цветописи в сборниках Анна Ахматовой «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Аппо Domini», «Подорожник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.
18. Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Т. 1. М., 2014.
19. Харитонова Н.С. Цветовые оппозиции в лирике А. Ахматовой 1910-х годов // Филологические этюды. 2008. Вып. 11. Ч. 1/2. С. 64–67.
20. Чекалов П.К. Семантическое наполнение оппозиции светлый/темный в лирике А. Ахматовой // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 3 (182). С. 147–152.
21. Yeh M. Modern Chinese Poetry: Theory and Practice since 1917. New Haven, 2005.
22. 吕小芬. 舒婷诗歌中的色彩象征研究 [J]. 现代语文, 2018 (10): 103–106. (Люй Сяофэн. Исследование цветового символизма в поэзии Шу Тин // Современный язык и литература. 2018. № 10. С. 103–106).
23. 张静. 舒婷诗歌世界[M]. 上海: 复旦大学出版社, 2015. (Чжан Цзин. Поэтический мир Шу Тин. Шанхай, 2015).
24. 王艳芳. 舒婷诗歌的艺术特色 // 中国科技博览 2011年 第5期 第37页 (Ван Яньфан. Художественные особенности поэзии Шу Тин // Обзор науки и техники Китая. 2011. № 35. С. 237).
25. 陈鼓应. 道家文化研究 (第21辑), 生活 读书 新知三联书店, 2006. (Чэнь Гуиньин. Исследование даосской культуры. Т. 21 // «Здание – Чтение – Новое знание», 2026).

26. 顾易、张中之。汉字美学. 中华书局 (香港), 2018 (10). (Гу И, Чжан Чжунжэнь. Эстетика китайских иероглифов // «Чжунхва». Гонконг, 2018 (10).)
27. 舒婷. 舒婷文集 (全 3 卷): 第一卷[M]. 北京: 作家出版社, 1998. (Шу Тин. Сборник сочинений Шу Тин: в 3 т. Т. 1. Пекин, 1998.

Информация об авторах

Ван Луяо,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет» (Казань, Россия).
420111, Россия, Республика Татарстан, Казань,
ул. Кремлевская, 18.
Аспирант кафедры русской литературы
и методики ее преподавания.
Научные интересы: цветовая семантика, поэтика
текста, художественный символизм.
ORCID ID: 0009-0000-1271-325X
E-mail: wangluyao2222@gmail.com

Венера Рудалевна Аминева,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет» (Казань, Россия).
420008, Россия, Республика Татарстан, Казань,
ул. Кремлевская, 18.
Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской
литературы и методики ее преподавания.
Научные интересы: теория литературы,
сопоставительная поэтика.
ORCID ID: 0000-0003-4016-2242
SPIN-код: 9339-4147, AuthorID: 627370
E-mail: amineva1000@list.ru

Поступила в редакцию 16.12.2025;
одобрена после рецензирования 13.01.2026;
принята к публикации 13.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Ван Луяо, Аминева, В.Р. Символика белого цвета в лирике Анны Ахматовой и Шу Тин: опыт сопоставления // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 92–99. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-92-99.

For citation: Wang Luyao, Amineva, V.R. The Symbolism of the white color in the lyric poetry of Anna Akhmatova and Shu Ting: a comparative study // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 92–99. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-92-99.

Права: © Ван Луяо, В.Р. Аминева, (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Information about the authors

Wang Luyao,
Kazan Federal University
(Kazan, Russia).
420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan,
Kremlyovskaya St., 18
Postgraduate student of the Department of Russian
Literature and Methods of Teaching.
Research interests: color semantics, poetics of text,
artistic symbolism.
ORCID ID: 0009-0000-1271-325X
E-mail: wangluyao2222@gmail.com

Venera R. Amineva,
Kazan Federal University
(Kazan, Russia).
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan,
Kremlevskaya str., 18.
Doctor of Sciences in Philology, Full Professor,
Professor of the Department of Russian Literature
and Methods of Teaching
Research interests: literary theory,
comparative poetics.
ORCID ID: 0000-0003-4016-2242
SPIN-код: 9339-4147, AuthorID: 627370
E-mail: amineva1000@list.ru

The article was submitted 16.12.2025;
approved after reviewing 13.01.2026;
accepted for publication 13.01.2026;
published 20.03.2026.

Ли Юньчжу, В.Р. Аминева
Li Yunzhu, V.R. Amineva

**КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ДИСКУРС В МОНОГРАФИИ
ЯН ЧЖЭНСЯНЯ «ЭТЮД ОБ АННЕ КАРЕНИНОЙ»**

**COMPARATIVIST DISCOURSE IN YANG ZHENGXIAN'S
MONOGRAPH "A STUDY OF ANNA KARENINA"**

Статья исследует методологию интерпретации классического русского романа в китайском литературоведении на примере монографии Ян Чжэнсяня «Этюд об Анне Карениной» (2017). Фокус делается на компаративистском дискурсе, который ученый использует для анализа образа Анны Карениной, сопоставляя ее с персонажем классической китайской литературы Пань Цзиньянь («Речные заводи» Ши Найяня). Цель статьи – показать, как это сравнение, акцентирующее не сходства, а фундаментальные различия, служит инструментом для: 1) углубленного выявления уникальности толстовской героини; 2) прояснения социокультурных и этических оснований ее трагедии; 3) демонстрации специфики рецепции русской классики в китайском научном сознании, балансирующем между универсализацией и учетом культурного контекста.

Ключевые слова: Лев Толстой, «Анна Каренина», Ян Чжэнсянь, китайское литературоведение, компаративистика, Пань Цзиньянь, межкультурная рецепция, трагический женский образ.

This article examines the methodological approaches to interpreting classic Russian novels in Chinese literary studies, using Yang Zhengxian's monograph "A Study of Anna Karenina" (2017) as a case study. The focus lies on the comparative discourse employed by the scholar in analyzing the character of Anna Karenina, contrasting her with Pan Jinlian – a figure from classical Chinese literature ("The Water Margin" by Shi Naian). The aim of the article is to demonstrate how this comparison, which emphasizes not similarities but fundamental differences, serves as a tool for: 1) deepening the understanding of the uniqueness of Tolstoy's heroine; 2) clarifying the sociocultural and ethical foundations of her tragedy; and 3) revealing the specificity of how Russian classics are received within Chinese academic discourse, which balances universalization with cultural contextualization.
Key words: Leo Tolstoy, "Anna Karenina", Yang Zhengxian, Chinese literary studies, comparative literature, Pan Jinlian, cross-cultural reception, tragic female character.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-100-108

Китайская рецепция творчества Льва Толстого имеет долгую и богатую историю. За последние десятилетия сформировались самостоятельные и многоаспектные направления изучения его наследия, включая и анализ «Анны Карениной». Диалог с художественным миром романа находит выражение в ряде значимых современных исследований. Так, ряд ученых сосредотачиваются на центральных образах и конфликтах

произведения. Например, Шэнь Лопэй [10, 23] и Чжан Сюэфэй [19, 136] раскрывают сущность трагедии Анны, анализируя неразрешимый конфликт между личным счастьем, семейным долгом и давлением социальных норм. В работах Чжао Вэй [22, 29], Не Жун и Лю Шумэй [8, 30] новое осмысление получает образ Константина Левина: китайские литературоведы интерпретируют его как глубоко трагическую фигуру, разрывающуюся между духовным «пробуждением» и экзистенциальным «неведением». Кроме того, Чжэн Тинтин [23, 106], анализируя четыре типа брака в романе, видит в толстовском повествовании не только историческую картину, но и вневременное отражение универсального кризиса института семьи. Эти исследования демонстрируют, как классическая русская литература продолжает порождать в китайском академическом дискурсе актуальные и философски насыщенные прочтения. Обращаясь к психоаналитическому методу, такие исследователи, как Чэнь Цзяоин [2, 62] и Чжан Иге [20, 112], используют фрейдовские концепты (Оно / Я / Сверх-Я) и теорию сновидений в качестве герменевтического ключа к расшифровке внутренних конфликтов, скрытых влечений и подсознательной логики поступков литературных героев.

Исследования поэтики «Анны Карениной» в китайском литературоведении носят комплексный характер, охватывая анализ структуры, символики и нарративных техник. Внимание к композиции проявляется в работе Чжан Хаймэй [16, 17], которая указывает на двойную сюжетную структуру романа (линия Анны и линия Левина) и разъясняет характерный для Толстого прием раскрытия внутреннего мира персонажей через внешние детали и психологизированный пейзаж. Предметом внимания становятся семантика и особенности функционирования ключевых символов романа: Хуан Е и Ван Инъин [4, 56], а также Пэн Вэньчао и Лю Ситун [9, 60] раскрывают амбивалентность образа поезда, в то время как Лю Мэйцзюань [7, 48] интерпретирует цветовую символику, добавляя визуальное измерение к восприятию образа Анны. В фокусе других исследований – функция повествования: Ван Лицзюнь [12, 18] рассматривает сцены скачек и охоты прежде всего с точки зрения их нарративной роли, а Ван Чуньсяо [11, 2] применяет теорию рецептивной эстетики к детальному анализу портретов, психологических характеристик и предметного мира. Таким образом, китайские исследователи выстраивают многомерную интерпретацию художественной системы романа Толстого.

Китайское сравнительное литературоведение в изучении «Анны Карениной» ставит своей целью как выявление универсальных литературных структур, так и определение уникальности толстовского гения. С одной стороны, ученые ищут типологические сходства: Сюй Ван [14, 77] обнаруживает глубокое структурное сходство в изображении отдельных социальных групп у Толстого и Цао Сюэциня (в романе «Сон в красном тереме»), а Чжан Цзинъи [18, 127] и Ли Хуэйцин [6, 125] – в модели трагической женской судьбы у Толстого и Флобера, выявляя сходство авторских позиций («сострадание и наказание»). С другой стороны, компаративный метод служит инструментом для более тонкого «внутреннего» анализа романа, как в работе Чжан Хуэйянь [17, 159], где сопоставление трех центральных женских образов (Кити, Долли и Анны) становится ключом к пониманию сложной и неоднозначной философии семьи у Толстого. Эти разнонаправленные сравнения обогащают восприятие романа, помещая его в диалог культур и жанров.

Исследования в области религиозной этики и философской мысли рассматривают «Анну Каренину» как глубокий метафизический текст. Китайских ученых интересует как внутренняя философская антропология Толстого, так и диалог его идей с другими традициями. В исследовании Цзян Хуаньвэя [5, 60] существование индивида осмысливается в трех координатах: с точки зрения конечности (смерти), этики (долга) и религии (веры). Ван Чжигэн [13, 2] в своей работе отмечает, что в XXI в. исследовательский горизонт значительно расширяется: толстовская религиозность анализируется в контексте гностицизма и традиции русского старчества, а также сопоставляется с категориями китайской классической философии. Параллельно развивается линия сравнительной

философии: Чжан Цзэтянь [21, 73] проводит параллели между идеями романа и философией А. Шопенгауэра. При этом предметом научной рефлексии продолжает оставаться социально-критический пафос произведения: как подчеркивает Гао Цзинь [3, 27], «Анна Каренина» – это не просто любовная драма, но социально-философский роман, содержащий глубокую критику городской цивилизации и бездушного рационализма.

Анализируя поэтику и философско-религиозные основания «Анны Карениной», китайские ученые руководствуются двумя стратегиями: стремятся к точному толкованию идей Толстого и одновременно выводят дискуссию на уровень общечеловеческих проблем, делая русскую классику актуальной для современного Китая. В этом контексте монография ведущего китайского толстоведа профессора Ян Чжэнсяня «Этюд об Анне Карениной» [15] представляет собой панорамное и систематическое исследование романа. Осмысление его интерпретационной модели, особенно компаративистской, позволяет выявить закономерности функционирования русской классики в инокультурном дискурсе и открыть новые аксиологические «измерения» художественного содержания, связанные с универсальными ценностями, духовными приоритетами писателя и ценностными идеями воспринимавшей среды. Цель данной статьи – охарактеризовать пути интерпретации образа Анны Карениной Ян Чжэнсянем через призму его компаративистского метода.

Ян Чжэнсянь родился в июле 1946 года в провинции Юньнань. В 1969 году окончил Куньминский педагогический институт по специальности «китайский язык и литература». На протяжении долгого времени он занимается педагогической деятельностью, читая более десяти курсов, включая основной курс «Зарубежная литература». Он опубликовал более 100 научных статей по русской литературе, принимал участие в составлении более 20 учебных пособий и методических материалов, выступив главным редактором семи из них. Также он опубликовал пять монографий, например, «Исследование творчества Толстого», «Эссе о Толстом» и др. [15].

Исследование романа «Анна Каренина» в монографии «Этюд об Анне Карениной», опубликованной издательством China Social Sciences Press, начинается с исследования творческого процесса Толстого и генезиса романа, что задает историко-культурный контекст. Центральное место здесь занимает разбор идеологического содержания романа и отраженного в нем трагического сознания русского человека второй половины XIX в. Ян Чжэнсянь рассматривает трагедию Анны как отражение эпохального конфликта между новыми веяниями и старым патриархальным укладом. Акцент делается на таком аспекте, как «осознание смерти», которое ученый анализирует не только как сюжетный финал, но как философскую категорию, пронизывающую весь роман. Этот анализ созвучен российским исследованиям, где самоубийство Анны рассматривается как закономерный итог переживаемого ею глубокого экзистенциального кризиса [см.: 1, 48].

В «Эссе о Толстом» детально исследуется система персонажей, где, как отмечают и другие исследователи, каждый герой, включая второстепенных, выполняет важную функцию в создании целостной картины мира и раскрытии авторского замысла. Особое внимание уделяется композиционной архитектонике произведения, которую автор определяет через толстовское понятие «сцепления мыслей» – внутреннего ритма и логики, организующих сложное повествовательное полотно и обеспечивающих его смысловое единство. Детальному разбору подвергаются ключевые эпизоды романа. Так, анализ сцены скачек позволяет выявить диалектику освобождения и обреченности героини. Цитируя и комментируя текст, Ян Чжэнсянь подчеркивает: «Анна наконец призналась мужу в своей связи с Вронским, и в душе она ощущала радость, подобную той, что чувствует человек, избавившийся от долго мучившей его опухоли. Анна – искренний человек, она не способна лицемерить и не желает лгать... Как только она освобождается от лжи и возвращается к своей истинной сути, она испытывает ни с чем не сравнимую легкость»²⁶ [15]. Этот момент интерпретируется не просто как сюжетный поворот, но как экзистенциальный акт,

²⁶ Здесь и далее перевод с китайского выполнен автором статьи. – Ли Юньчжу.

возвращающий героиню к ее аутентичной природе, что, однако, предвещает будущую трагедию.

Объектом исследования становятся принципы и приемы толстовского психологизма. Ученый скрупулезно исследует такие приемы, как поток сознания и внутренний монолог, демонстрируя их структурную сложность: «Весь психологический процесс Анны полностью выходит за рамки времени и пространства, перескакивая от одной мысли к другой, почти целиком состоя из свободных ассоциаций, между которыми вплетаются внутренние монологи... При внимательном анализе нетрудно заметить, что ассоциации и воображение героини имеют внутреннюю логическую связь... Толстой не полностью погружен в эти несвязанные иллюзии, в них заключено глубокое реалистичное содержание, тесно связанное с реальностью и с судьбой героини» [15]. Важным выводом становится дифференциация метода Толстого от техники «потока сознания» у западных модернистов: китайский исследователь утверждает, что у классика русской литературы хаос внутренней речи всегда подчинен глубинной реалистической логике и обусловлен конкретными жизненными обстоятельствами персонажа. Таким образом, Ян Чжэнсянь выстраивает свою работу как движение от тщательного текстуального анализа – через исследование нарративной структуры, системы персонажей и поэтики психологизма – к глубоким культурно-философским обобщениям. Он демонстрирует, как специфическая художественная форма романа становится адекватным воплощением авторских размышлений о фундаментальных проблемах человеческого существования: природе истины и лжи, свободе и необходимости, личном выборе и универсальных нравственных законов. Этот подход позволяет рассматривать исследование не только как вклад в толстоведение, но и как опыт интерпретации текста, связывающий литературоведческий анализ с широким контекстом гуманитарной мысли.

Исследование толстовского романа в «Этюде об Анне Карениной» опирается на сочетание структурно-семантического подхода с широкой историко-социологической перспективой. Ян Чжэнсянь рассматривает произведение Толстого как отражение эпохи масштабных социальных преобразований в России, когда старый патриархальный уклад жизни сталкивался с новыми капиталистическими веяниями. Этот историко-социологический контекст определяет трактовку трагедии Анны Карениной в книге китайского ученого и служит основой для его главного компаративистского хода – сопоставления Анны с Пань Цзиньлянь, персонажа классического китайского романа «Речные заводы» Ши Найяня, которое предпринимается не для «китаизации» героини толстовского романа, а для более рельефного выявления ее индивидуальной и национально-исторической характеристики.

В то время как многие компаративистские работы сравнивают роман Толстого с произведениями китайских авторов, Ян Чжэнсянь отталкивается от существующих литературоведческих интерпретаций этого текста внутри китайской научной традиции. Его монография становится своего рода мета-исследованием: он систематизирует, критически осмысляет и развивает дискуссию, которая ведется китайскими учеными. Ян Чжэнсянь вступает в полемику с теми китайскими исследователями, которые ставят в один ряд этих героинь, бунтующих против патриархальной морали, и проводит детальный сравнительный анализ, чтобы доказать поверхностность таких аналогий. Он подчеркивает разное происхождение и социальный статус Анны и Пань Цзиньлянь: аристократка, с одной стороны, и служанка, выданная замуж как вещь, – с другой, что предопределяет качественно разную природу их бунта. Проводя сопоставительный анализ, Ян Чжэнсянь противопоставляет двух героинь, связывая их судьбы с историческим контекстом. Он описывает Пань Цзиньлянь как «простолюдинку эпохи вызревания капиталистических отношений в феодальном Китае». Ее аморальное поведение ученый объясняет плебейским происхождением, отсутствием воспитания и относительной свободой от оков традиционной морали («трех покорностей и четырех добродетелей»), что придает образу «прогрессивное, антифеодалное звучание», хотя сами ее желания квалифицируются как «низменные». Анна

Каренина трактуется иначе – как «аристократическая бунтарка в России периода слома крепостничества и утверждения нового строя». Ее борьба за любовь и личное счастье, отмеченная постоянным мучительным чувством вины, предстает у Яна Чжэнсяня следствием иного социального статуса: будучи «одаренной от природы натурой, получившей прекрасное образование представительницей высшего класса», Анна воплощает собой «высокие, духовные идеалы» [15]. Ян Чжэнсянь утверждает, что Анне была нужна «любовь, а не удовлетворение похоти». Ее чувство к Вронскому носит исключительный характер и духовно преображает ее, становится смыслом жизни. Пань Цзиньлянь же движима «удовлетворением похоти, а не любовью», что проявляется в ее поведенческой модели. Ученый проводит этическое разграничение, указывая на то, что трагедия Анны – это «самопожертвование», вызывающее сочувствие, тогда как Пань Цзиньлянь, убивающая мужа, вызывает моральное осуждение даже при понимании социальных причин ее падения. Таким образом, сравнение служит не сближению, а четкому разведению образов по этическому и мотивационному параметрам.

Историко-социологический и этико-культурологический подход китайского ученого определяет его сосредоточенность на характеристике конкретных общественных условий и моральных конфликтов эпохи. Трагическое в романе объясняется конфликтом новой личности со старым общественным укладом. Трагедия Анны в интерпретации Ян Чжэнсяня – результат непримиримого противостояния пробудившейся индивидуальности, стремящейся к любви и свободе, с лицемерной моралью и жесткими рамками патриархального общества. Ян Чжэнсянь трактует гибель Анны как акт высшей трагедии. Если ее обвинительный пафос, направленный против лицемерного общества, очевиден, то коренную причину исследователь видит в сфере внутренней: самоубийство предстает как «неизбежный результат ее неразрешимых внутренних противоречий и эгоцентризма», как «вынужденный выбор после крушения любви». Этот психологический тупик, в свою очередь, исторически обусловлен. Ученый указывает, что Анна, будучи «типичным персонажем реалистического произведения» переходной поры, воплощает в себе конфликт эпох: несмотря на быстрое развитие капитализма, «старые феодально-патриархальные элементы еще обладали большой силой, особенно в сфере идеологии». Таким образом, ее личность и судьба несут на себе «отпечаток двух времен и двух идеологий» [15]. Иначе причины трагедии героини романа раскрываются в монографии О.В. Сливичкой «Об эффекте жизнеподобия "Анны Карениной"», видящей в трагедии Анны Карениной не частный случай, а художественное воплощение того, как в «видимую жизнь» персонажа, состоящую из психологически мотивированных поступков, прорываются глубинные, «допсихологические» силы бытия («самая сила жизни», «логика страсти»). Ее судьба – это следование архетипу страсти, который обладает своим внутренним «аттрактором» – катастрофой. Если на уровне событий царит случайность, как доказывает О.В. Сливичкая, то «на уровне душевного состояния и действия глубинных сил – неотвратимость» [1, 46].

Таким образом, если О.В. Сливичкая, углубляясь в поэтику и философию текста, возводит трагедию Анны до уровня общечеловеческого мифа о столкновении личности со стихийными силами жизни и собственной души, то Ян Чжэнсянь выводит анализ в социально-исторический и межкультурный контекст. Для него трагедия Анны – это прежде всего конкретно-историческая драма женщины в условиях феодально-буржуазного общества, что позволяет провести прямые параллели с китайской литературной традицией. Последовательная социологизация и актуализация этого конфликта открывает «Анну Каренину» для диалога с китайской культурной и социальной реальностью, предлагая альтернативный – культурно-обусловленный – ключ к интерпретации романа. Ян Чжэнсянь проводит панорамный анализ, который объединяет историко-социологический подход, этико-философскую критику, поэтический анализ и компаративистику в единую систему. Это позволяет ему рассмотреть трагедию Анны Карениной одновременно как отражение социальных противоречий эпохи, как глубокий психологический феномен и как предмет этической оценки, имеющий культурно-специфическое звучание в китайском контексте.

Творческие принципы Толстого, проявившиеся в освещении трагической судьбы Анны, концептуализируются литературоведами с помощью понятий «эффект реальности / жизнеподобия» (у О.В. Сливацкой) и «реализм» (у Ян Чжэнсяня), отражающих различия в исследовательских стратегиях и целях. Под «эффектом реальности» понимается эстетико-философский феномен, создающий иллюзию подлинной жизни и достигаемый такими художественными средствами, как ритм, композиция, нарративная техника, которые воспроизводят фундаментальные законы бытия: «Полюсы, между которыми существует напряжение, создают стереоскопический эффект жизнеподобия. А беспрестанно меняющееся напряжение между полюсами передает то важнейшее свойство жизни, которое можно назвать ее пульсацией: вдохи и выдохи, притяжения и отталкивания, приливы и отливы. По-видимому, эта закономерность эстетического восприятия каким-то образом резонирует с пульсирующим, волнообразным характером структуры "Анны Карениной"» [1, 5].

Реалистическим методом художественного изображения Ян Чжэнсянь называет способ познания и критического изображения действительности, направленный на вскрытие социальных противоречий и утверждение правды жизни: В эпоху после реформы 1861 года капиталистические отношения в России неуклонно расширяли свое влияние, формируя новый социальный уклад. Глубоко исследуя причины кризиса семейной жизни в городской среде, Толстой с проницательностью художника зафиксировал, как эта новая реальность деформировала и подрывала традиционные нравственные устои. «Анна Каренина» – это не просто семейная хроника, но масштабный социальный роман. Через судьбы более полутора сотен разнообразных персонажей – от сановного Петербурга до провинциального поместья и деревенской глубинки – произведение разворачивает широкую панораму русской жизни, с фотографической точностью и философской глубиной отражая ее острые противоречия и болезненные переходные состояния. Именно это позволяет рассматривать роман как подлинную энциклопедию русской общественной жизни 1870-х годов [15].

Акцент китайского ученого на реализме как основном творческом принципе Толстого обусловлен комплексом культурно-исторических, идеологических и научных причин. В Китае XX века доминирующей парадигмой в изучении мировой классики был марксистский литературоведческий подход, опирающийся на такие категории, как «критический реализм», «отражение социальной действительности», «классовый анализ» и «прогрессивная идея». Анализ Ян Чжэнсяня, хотя и более гибкий, укоренен в этой традиции, видящей в реализме высшую форму художественной правды. Концепция «реализма» становится для Ян Чжэнсяня основным инструментом, позволяющим выявить непреходящую ценность романа. Через эту призму он акцентирует его социально-критический пафос – обличение лицемерия света и угнетения женщины, возводит трагедию Анны от частной истории до символа борьбы личности с устаревшими нормами и проводит четкое этическое разграничение (как в случае с Пань Цзиньянь), что соответствует принципам конфуциански ориентированной литературной традиции. Использование именно этой – реалистической – оптики не случайно. Она глубоко укоренена в китайской литературе Нового времени, которая пережила мощную волну критического реализма, нацеленного на разоблачение «феодалных пережитков» и социальной несправедливости (творчество Лу Синя, Мао Дуя, Ба Цзиня и др.). Трактуя Толстого как великого реалиста-обличителя, Ян Чжэнсянь встраивает его в этот знакомый и авторитетный для китайского читателя контекст. Изучение творчества Толстого через призму «реализма» является одним из механизмов его культурной адаптации и актуализации, позволяющим представить русского классика как союзника в решении вечных вопросов социальной справедливости, свободы личности и нравственного выбора.

Компаративистский дискурс в исследовании Ян Чжэнсяня «Этюд об Анне Карениной» служит эффективным аналитическим инструментом, решающим несколько научных задач. Во-первых, через полемическое сопоставление толстовской героини с Пань

Цзиньлянь он четко выявляет этическую и духовную сущность бунта Анны Карениной, опровергая упрощенные трактовки. Во-вторых, этот контраст рельефнее выявляет сложность внутреннего мира героини Толстого, глубину ее внутреннего мира и социальную масштабность ее трагедии. В-третьих, метод Ян Чжэнсяня демонстрирует зрелость китайского толстоведения, которое способно не только адаптировать, но и активно интерпретировать мировую классику через диалог культур, выявляя как универсальные ценности, так и культурно-цивилизационную специфику. Таким образом, исследование Ян Чжэнсяня свидетельствует о том, что межкультурное сравнение наиболее продуктивно не тогда, когда использует простые аналогии, а когда, выявляя глубинные различия, открывает новые смыслы в, казалось бы, хорошо изученном классическом произведении.

1. Сливичкая О.В. Об эффекте жизнеподобия «Анны Карениной». СПб., 2004.
2. 陈皎莹 精神分析法下《安娜·卡列尼娜》中安娜的欲望和悲剧性 // 散文百家(理论). 2021. № 9. 62–64 页. (Чэнь Цзяоин. Желание и трагедия Анны Карениной в «Анне Карениной» в контексте психоанализа // Сто школ прозы (теория). 2021. № 9. С. 62–64.).
3. 高瑾 从《安娜·卡列尼娜》看托尔斯泰对文明和理性的反思 // 南阳师范学院学报. 2013. № 12 (10). 27–31 页. (Гао Цзинь. Размышления Толстого о цивилизации и разуме, как их видит «Анна Каренина» // Вестник Наньянского педагогического университета. 2013. № 12 (10). С. 27–31.).
4. 黄烨, 王盈盈 《安娜·卡列尼娜》铁路意象探析 // 名作欣赏. 2021. № 3. 56–58 页. (Хуан Е, Ван Инъин. Исследование железнодорожной тематики в «Анне Карениной» // Шедевры и их восприятие. 2021. № 3. С. 56–58.).
5. 姜焕伟 《安娜·卡列尼娜》的三维空间与托尔斯泰的人生探索 // 山东理工大学学报(社会科学版). 2003. № 05. 60–63 页. (Цзян Хуаньвэй. Трехмерное пространство «Анны Карениной» и исследование жизни Толстым // Вестник Шаньдунского технологического университета (издание по социальным наукам. 2003. № 05. С. 60–63.).
6. 李会芹 从主题学谈《安娜·卡列尼娜》与《包法利夫人》的异同 // 重庆科技学院学报(社会科学版). 2013. № 11. 125–127 页. (Ли Хуэйцзинь. Тематическое исследование сходств и различий между «Анной Карениной» и «Мадам Бовари» // Вестник Чунцинского университета науки и технологий (издание по социальным наукам). 2013. № 11. С. 125–127.).
7. 刘美娟 解读《安娜·卡列尼娜》中“紫色”的象征意义 // 长江小说鉴赏. 2023. № 30. 48–51 页. (Лю Мэйцзюань. Интерпретация символического значения «пурпурного» в «Анне Карениной» // Оценка романов «Чанцзян». 2023. № 30. С. 48–51.).
8. 聂蓉, 刘淑梅 尚未枯竭的天性水流——论《安娜·卡列尼娜》中卡列宁形象的正面性 // 科教导刊(中旬刊). 2019. № 20. 30–32 页. (Не Жун, Лю Шумэй. Неукротимое течение природы: о позитивном аспекте характера Каренина в «Анне Карениной» // Журнал науки, образования и просвещения (Середина месяца). 2019. № 20. С. 30–32.).
9. 彭文钊, 刘思彤 语言文化学视域下托尔斯泰文学创作中“火车”文化观念域的象征意义研究——以《安娜·卡列尼娜》为例 // 东北亚外语研究. 2020. № 2. 60–66 页. (Пэн Вэньчжао, Лю Ситун. Исследование символического значения культурного понятия «поезд» в литературных произведениях Толстого с точки зрения лингвистики и культурологии – на примере «Анны Карениной» // Исследования иностранных языков Северо-Восточной Азии. 2020. № 2. С. 60–66.).
10. 沈罗珮 《安娜·卡列尼娜》中的女性主义精神解析 // 文教资料. 2020. № 20. 23–25 页. (Шэнь Лопэй. Феминистский анализ «Анны Карениной» // Материалы по культуре и образованию. 2020. № 20. С. 23–25.).
11. 王春晓 接受理论视角下《安娜·卡列尼娜》的细节描写分析: 博士论文. 吉林, 2024. (Ван Чуньсяо. Анализ подробных описаний в «Анне Карениной» с точки зрения теории восприятия: дис. ... магистра филол. наук. Цзилинь, 2024.).
12. 王力军 浅析《安娜·卡列尼娜》中赛马、打猎情节的作用 // 新纪实. 2022. № 1. 18–20 页. (Ван Лицзюнь. Краткий анализ роли скачек и сцен охоты в «Анне Карениной» // Новая документалистика. 2022. № 1. С. 18–20.).

13. 王志耕 新时期以来托尔斯泰宗教批评研究综述 // 文化与诗学. 2023. № 1. 2–40 页. (Ван Чжигэн. Обзор исследований религиозной критики Толстого с начала новой эры // Культура и поэтика. 2023. № 1. С. 2–40.).
14. 许旺 僧道与农民——《红楼梦》和《安娜·卡列尼娜》中的超情节人物 // 淮北师范大学学报(哲学社会科学版). 2019. 第 40 卷. № 4. 77–82 页. (Сюй Ван. Буддийские, даосские монахи и крестьяне – суперсюжетные персонажи в «Сне в красном тереме» и «Анне Карениной» // Вестник Хуайбэйского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2019. Т. 40. № 4. С. 77–82.).
15. 杨正先 《安娜·卡列尼娜》研究 // QQ 阅读. 2025.09.20. (Ян Чжэнсянь. Этюд об Анне Карениной. Чтение QQ. URL: <https://book.qq.com/book-detail/54236138> (дата обращения: 20.09.2025)).
16. 张海梅 《安娜·卡列尼娜》的艺术特色分析 // 散文百家(理论). 2021. № 9. 17–18 页. (Чжан Хаймэй. Анализ художественных особенностей «Анны Карениной» // Сто школ прозы (теория). 2021. № 9. С. 17–18.).
17. 张会燕 浅析《安娜·卡列尼娜》中蕴含的“理想妻子”形象 // 青年文学家. 2016. № 32. 159–161 页. (Чжан Хуэйянь. Краткий анализ образа «идеальной жены», заложенного в «Анне Карениной» // Молодые литераторы. 2016. № 32. С. 159–161.).
18. 张静怡 《包法利夫人》和《安娜·卡列尼娜》之平行比较 // 名作欣赏. 2019. № 17. 127–129 页. (Чжан Цзиньйи. Параллельное сравнение «Мадам Бовари» и «Анны Карениной» // Шедевры и их восприятие. 2019. № 17. С. 127–129.).
19. 张雪飞 《安娜·卡列尼娜》的女性主义解读 // 青年文学家. 2019. № 5. 136–137 页. (Чжан Сюэфэй. Феминистская интерпретация «Анны Карениной» // Молодые литераторы. 2019. № 5. С. 136–137.).
20. 张一戈. 精神分析解读《安娜·卡列尼娜》之卡列宁 // 中国文艺家. 2018. № 01. 112–113 页. (Чжан Иге. Психоаналитическая интерпретация «Анны Карениной»: Каренин // Китайские деятели литературы и искусства. 2018. № 01. С. 112–113.).
21. 张则天 《安娜·卡列尼娜》的哲学意蕴管窥 // 闽西职业技术学院学报. 2016. 第 18 卷. № 4. 73–76 页. (Чжан Цзэтянь. Взгляд на философские аспекты «Анны Карениной» // Вестник Миньсиского профессионально-технического колледжа. 2016. Т. 18. № 4. С. 73–76.).
22. 赵薇 “复苏”抑或“蒙昧”——《安娜·卡列尼娜》卡列宁形象再解读 // 名作欣赏. 2022. № 32. 29–31 页. (Чжао Вэй. «Возрождение» или «Неведение»: переосмысление образа Каренина в «Анне Карениной» // Шедевры и их восприятие. 2022. № 32. С. 29–31.).
23. 郑婷婷 浅析《安娜·卡列尼娜》中的婚姻百态 // 青年文学家. 2021. № 9. 106–107 页. (Чжэн Тинтин. Краткий анализ различных аспектов брака в «Анне Карениной» // Молодые литераторы. 2021. № 9. С. 106–107.).

Информация об авторах

Ли Юньчжу,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет» (Казань, Россия).
420008, Россия, Республика Татарстан, Казань,
ул. Кремлевская, 18.
Аспирант кафедры русской литературы
и методики ее преподавания.
Научные интересы: теория литературы.
ORCID ID: 0009-0004-6767-1033
SPIN-код: 5099-6929, AuthorID: 1327187
E-mail: yunzhuli8605@gmail.com

Венера Рудалевна Аминева,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет» (Казань, Россия).
420008, Россия, Республика Татарстан, Казань,

Information about the authors

Li Yunzhu,
Kazan Federal University
(Kazan, Russia).
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan,
Kremlevskaya str., 18.
Postgraduate student of the Department of Russian
Literature and Methods of Teaching
Research interests: literary theory.
ORCID ID: 0009-0004-6767-1033
SPIN-код: 5099-6929, AuthorID: 1327187
E-mail: yunzhuli8605@gmail.com

Venera R. Amineva,
Kazan Federal University
(Kazan, Russia).
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan,

ул. Кремлевская, 18.
Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской
литературы и методики ее преподавания.
Научные интересы: теория литературы,
сопоставительная поэтика.
ORCID ID: 0000-0003-4016-2242
SPIN-код: 9339-4147, AuthorID: 627370
E-mail: amineva1000@list.ru

Поступила в редакцию 27.12.2025;
одобрена после рецензирования 20.01.2026;
принята к публикации 20.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

Kremlevskaya str., 18.
Doctor of Sciences in Philology, Full Professor,
Professor of the Department of Russian Literature
and Methods of Teaching
Research interests: literary theory, comparative
poetics.
ORCID ID: 0000-0003-4016-2242
SPIN-код: 9339-4147, AuthorID: 627370
E-mail: amineva1000@list.ru

The article was submitted 27.12.2025;
approved after reviewing 20.01.2026;
accepted for publication 20.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Ли Юньчжу, Аминева, В.Р. Компаративистский дискурс в монографии Ян Чжэнсяня «Этюд об Анне Карениной» // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 100–108. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-100-108.

For citation: Li Yunzhu, Amineva, V.R. Comparativist discourse in Yang Zhengxian's monograph "A study of Anna Karenina" // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 100–108. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-100-108.

Права: © Ли Юньчжу, В.Р. Аминева (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

М.А. Стренетова, Л.А. Ковальчук
M.A. Strepetova, L.A. Kovalchuk

РЕЛИГИЯ И ТВОРЧЕСТВО: «ЯЗЫЧЕСТВО» КАТОЛИКА МОРИАКА В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

RELIGION AND CREATIVITY: CATHOLIC MAURIAC'S «PAGANISM» IN LIFE AND LITERATURE

В творчестве Ф. Мориака вечные вопросы добра и зла, смысла жизни, отношений его героев с окружающим миром решаются с позиции глубоко верующего католика. Однако, характеры его героев не отличаются ортодоксальной прямолинейностью безусловного следования догматам веры. И в этом, видимо, скрыта убедительная сила произведений писателя. Его вера произрастает из глубокой чувственной любви к окружающей природе, которую запечатлел, одухотворил и обожествил детский разум. Проживая в каждом произведении эту эволюцию от невинного идолопоклонства, – то дубу-исполину в поместье Сен-Симфорьен, где прошли детские годы писателя, то незримому духу бедной ослицы Гризетты, которому впечатлительные дети пели песни и подносили цветы, – к твердой вере христианина, Ф. Мориак не отрекается от своего «язычества», а вдыхает его в мысли, слова, судьбы своих героев. Этот «языческий» комплекс-прототип в сознании Мориака-католика как в бесконечной череде зеркал отражается и преломляется в человеческих судьбах его персонажей. При этом антитеза язычество – христианство отражает вовсе не конфликт между языческими и христианскими представлениями в сознании автора. Внимательное прочтение автобиографических эссе Мориака приводит к выводу, что для него эта антитеза представляла собой всего лишь метафору, констатирующую борьбу духовного и чувственного начал в душе грешного католика. Получая новую жизнь в художественных произведениях, этот диссонанс способствовал созданию особого типа трагического в романе, а также построению идеальной, по мнению автора, модели человеческой судьбы. В статье показан механизм превращения реальных чувств и впечатлений, связанных с противоречивыми религиозными взглядами, в эстетические факты судеб литературных персонажей. Промежуточной стадией литературного преобразования факторов реальной психической жизни в элементы внутреннего мира героев романов представляются мемуары, автобиографические эссе, дневники писателя, которые позволяют проникнуть в его творческую лабораторию.

Ключевые слова: язычество, чувственная привязанность, самораздвоение, грех, совесть, христианские ценности, конфликт между природой и Божьей благодатью, телесная природа.

In F. Mauriac's work, the eternal questions of good and evil, the meaning of life, and the relationship of his characters with the outside world are solved from the perspective of a deeply religious Catholic. However, the characters

are not distinguished by the orthodox straightforwardness of unconditional adherence to the tenets of faith. And this, apparently, hides the convincing power of the writer's works. His faith grows out of a deep sensual love for the surrounding nature, which was captured, spiritualized and deified by the child's mind. Living in each work this evolution from innocent idolatry, either to the giant oak tree in the Saint-Symphorien mansion, where the writer spent his childhood years, or to the invisible spirit of the poor donkey Grisette, to whom impressionable children sang songs and brought flowers, to the firm faith of a Christian, F. Mauriac does not renounce his "paganism", but he breathes it into the thoughts, words, and destinies of his characters. This "pagan" prototype complex in the mind of F. Mauriac, a Catholic, is reflected and refracted in the human destinies of his characters in an endless series of mirrors. At the same time, the antithesis of paganism – Christianity does not reflect at all the conflict between pagan and Christian ideas in the author's mind. A careful reading of Mauriac's autobiographical essays leads to the conclusion that for him this antithesis was just a metaphor stating the struggle of spiritual and sensual principles in the soul of a sinful Catholic. Receiving new life in the works of fiction, this dissonance contributed to the creation of a special type of tragic in the novel, as well as the construction of an ideal, in the author's opinion, model of human destiny. The article shows the mechanism of transformation of real feelings and impressions associated with contradictory religious views into aesthetic facts of the fate of literary characters. Memoirs, autobiographical essays, diaries of the writer, which allow to penetrate into his creative laboratory, are considered an intermediate stage of literary transformation of factors of real mental life into elements of the inner world of the characters of novels.

Key words: *paganism, sensual attachment, psychological dissonance, sin, conscience, Christian values, conflict between nature and God Grace, bodily nature.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-109-119

Современная кризисная ситуация во всех сферах общественно-политической, научной и культурной деятельности, распад системы традиционных ценностей на Западе заставляют искать либо новые ориентиры, либо углубляться в анализ опыта прошлого, в частности в опыт XX века. В связи со всеми потрясениями, войнами и революциями, а также достижениями и технологическими прорывами общественно-политическая и культурная жизнь XX века была насыщена вопросами и ответами. А как известно, ответы всегда порождают все новые и новые, гораздо более сложные вопросы.

Не теряют поэтому актуальности религиозно-философские и литературные «решения» многих острых внутренних проблем человека, которые мы находим в творчестве западноевропейских писателей-верующих. С этой точки зрения одной из наиболее ярких фигур XX века представляется Франсуа Мориак (1885–1970), лауреат Нобелевской премии по литературе, романист, публицист, активный участник антифашистской борьбы во время Второй мировой войны. Как показывает анализ всего его творческого наследия и фактов его биографии, решение им вопросов добра и зла, смысла жизни, отношений человека с окружающим миром и многие другие неразрывно связано с его глубокой верой.

Так называемое язычество представляет собой одну из самых сложных и спорных проблем мировоззрения и творчества Ф. Мориака. Без ее анализа невозможно изучение ни католических взглядов писателя, ни содержания, ни стиля его романов. В настоящей статье рассматривается эволюция «языческого» комплекса-прототипа в сознании автора на материале его мемуарно-автобиографических и нравственно-религиозных эссе и несколько случаев его реализации на литературном уровне композиции трех романов: уровне, на котором воплощается концепция человеческой судьбы, раскрываются характеры персонажей, развивается сюжет.

Свою экзальтированную любовь к растительному и животному миру бордосских ланд Мориак устойчиво называл языческой, провозглашая язычником самого себя и главных героев трех своих романов, построенных на автобиографическом материале – Ива Фронтенака («Тайна Фронтенаков», 1933), Пьера Костадо («Дороги в никуда», 1939) и Алена Гажака («Подросток былых времен», 1969).

«Я наделил Алена собственной чувственной привязанностью к земле, которая явилась источником моего писательского вдохновения и наполнила мои романы вкусом, запахами, звуками бордосского лета. Я был настоящим идолопоклонником», – заявил Мориак в интервью газете «Монд» 15 марта 1969 года. Это не случайно брошенная фраза, подобного рода высказываний было немало, высказываний, вдвойне парадоксальных от того, что они звучали из уст глубоко веровавшего католика, жившего в XX веке.

В «Новых внутренних мемуарах» Мориак подробно рассказывал о том, какого рода «языческие» культы он со своими братьями исповедовал в детстве. Мальчики регулярно совершали ритуал поклонения огромному дубу в парке в поместье Сен-Симфорьен, который представлялся им божеством. А среди виноградарей, на заброшенной ферме, как казалось детям, обитал дух околешней ослицы Гризетты, которому они с песнопениями подносили цветы. «Мы совершали, – писал Мориак, – настоящее идолопоклонство, в котором язычники упрекали первых христиан, поклонявшихся ослиной голове» [7, 64].

Таким образом, в детстве язычество представляло для Мориака не просто культурно-религиозный комплекс, давно ушедший в прошлое и изучаемый на уроках, оно вошло в реальную жизнь, соединившись с близостью к природе. Впрочем, если судить с современных позиций, это был вовсе не языческий анимизм, а просто игры начитанных детей с богатым воображением, хорошо знакомых не только с античными богами, но и с дриадами, океанидами и прочими лесными духами. При этом, правда, не следует забывать, что речь идет о французах-католиках, живших в провинции в конце XIX века. В той системе строгого янсенистского воспитания, которое получали юные Мориаки в семье и в школе при монастыре, такие игры расценивались отнюдь не как невинные забавы, а как кощунство, что, конечно, тогда детьми еще осознавалось весьма смутно. О своем интуитивном язычестве Мориак писал в автобиографической книге «Начало жизни»: «Совестливый маленький католик приносил жертвы Кибеле и не понимал еще, что предаст своего Бога» [9, 167].

Для оценки влияния языческого эмоционально-интеллектуального комплекса на формирование у Мориака принципов художественного изображения окружающего мира и человеческой судьбы прежде всего следует учитывать то, что к периоду своего детского «язычества» у писателя было двойственное отношение. С одной стороны, он испытывал ностальгию по утраченному душевному покою ребенка, еще не страдавшего от чувства вины и жившего в гармонии с природой и в мире с самим собой. С другой стороны, называя «настоящим идолопоклонством» невинные детские развлечения, писатель-католик подчеркивал, что чувственно-поэтическая привязанность к земле, породившая эти игры, стала почвой для развития конфликта, который он сам переживал в течение многих лет и который в существенной мере повлиял на формирование его концепции героя романа.

Сущность этого конфликта в более позднем возрасте – когда Мориак перестал носить цветы духу ослицы – заключалась в мучительном ощущении собственной расколотости на два борющихся начала – божественное и животное (плотское).

Это проблема не только не выходящая за рамки христианского понимания мира и статуса человека в нем, но непосредственно обусловленная христианской концепцией двойственной природы человека. В той системе воспитания, которое получил Мориак, общехристианская идея раздвоенности человека доводилась до крайности и тем самым в существенной степени искажалась: ему внушалось чувство презрения к плоти как к источнику зла. С этих позиций любое удовольствие, полученное благодаря органам чувств, даже радость соприкосновения с цветами, деревьями и водой, стала осознаваться как грех, и все это выливалось в своего рода комплекс вины перед Спасителем. «Я был

одержим Богом до такой степени, – писал Мориак в 1929 году в эссе "Бог и Маммона", – что в период пробуждения чувств все мои беспокойства превращались в мучительные угрызения совести. Для меня все сконцентрировалось вокруг понятий чистоты, греха и благодати» [10, 288].

Природа в сознании Мориака превратилась в соперницу Бога, не только отвлекающую человека своими красотами от мыслей о Высоком и Вечном, но и вызывающую в его теле инстинкты, влекущие его на стезю греха. На формирование у Мориака представления о том, что Бог – некое начало, требующее от человека, чтобы он любил его одного, оказали идеи Паскаля и Боссюэ, внушавшиеся мальчику сначала матерью и школьными наставниками, а затем, в юности, почерпнутые из книг и попавшие на хорошо подготовленную почву.

В уже упоминавшемся эссе «Бог и Маммона» Мориак оценивал влияние идей Паскаля на развитие в его внутреннем мире конфликта природы и божественной благодати: «Что христианский Бог требует всего, я это знал. Что он не признает плоть, что природа и благодать – два враждующих мира, Паскаль мне это преподавал с излишней и несправедливой строгостью, и все это мне представлялось чудовищно очевидным» [3, 94]. Чудовищно очевидной представлялась Мориаку и мысль Боссюэ из «Трактата о вожделении» (1694), которую он цитировал в книге «Жизнь Жана Расина»: «Нет ничего более противоположного, чем жизнь в соответствии с законами природы и жизнь в соответствии с законами, предписываемыми Богом» [4, 254]. Таким образом, внутренняя драма, о которой идет речь, – это драма сурового католического воспитания, или, иначе говоря, – конфликт природы и божественной благодати.

Возникает естественный вопрос: Почему Мориак так часто называл внутренний диссонанс грешного католика столкновением язычества и христианства в своем мировоззрении? Исследователи, уделявшие внимание этой проблеме, решали ее по-разному. Н. Кормо, А. Сеай, П.-А. Симон, основываясь на противоречивых высказываниях самого Мориака, сделанных в разные годы, указывают на наличие конфликта между языческим пантеизмом и христианством. Ф. Дюран наличие такого противоречия отрицает, считая термин «языческий пантеизм», применяемый Мориаком и перечисленными выше учеными для определения отношения писателя к природе, преувеличением.

Следует отметить, что Дюран ближе всех подходит к истине в этом вопросе, и в разных главах своей диссертации делает немало верных выводов, анализируя странное «язычество» Мориака, а не следуя буквально за рассуждениями самого писателя. Так, исследователь справедливо утверждает, что не последнюю роль в том, что писатель называл свои чувственные порывы язычеством, сыграло его многолетнее увлечение творчеством поэта-романтика Мориса де Герена. Формула, которую де Герен нашел для определения своего мировоззрения – «огонь небесный, горящий на границе двух миров» (языческого и христианского) – очень нравилась Мориаку и представлялась ему идеальной формулой его собственной судьбы, хотя это было не совсем так. Мориак никогда не порывал с христианством так отчетливо, как это сделал де Герен (в жизни и творчестве, особенно в поэме «Кентавр»), но, находясь под обаянием поэзии и личности Мориса де Герена, Мориак склонен был преувеличивать свое «язычество» – черту, которая, как ему казалось, сближала его с одним из его кумиров.

Доказательству этого утверждения Дюран уделяет очень большое место в своей работе. О том же, в чем заключалась истинная сущность той внутренней драмы, которую Мориак называл столкновением язычества и христианства, исследователь пишет вскользь. Анализируя «языческую» поэму «Кровь Атиса», Дюран отмечает, что смысл поэмы не в столкновении языческих и христианских представлений, а в выражении противоречий между духом и плотью. На самом деле, это очень важно, так как именно в глубоком переживании ощущения расколотости на два противоположных начала заключался не только смысл названной поэмы, но, как уже говорилось, и смысл «язычества» Мориака. Гармония Мориака с природой от истинно языческой и даже от гармонии, о которой писал

в своем дневнике де Герен, отличалась прежде всего тем, что «я» Мориака не растворялось в природе, а наоборот, ощущало себя полнее и ярче, и этот своеобразный персонализм был обусловлен постоянным личным общением с личным христианским Богом. «Меня в себе интересовало прежде всего то, что отличало меня от других, – писал Мориак в книге "Начало жизни", – на природе я всегда обретал самого себя» [9, 162].

Антитеза язычество – христианство (или Кибела – Христос) не что иное, как метафора, выражающая борьбу чувственного и духовного начал. В подтверждение можно привести выдержку из эссе «Великий четверг» (1931), где это наиболее очевидно: «Христос говорит нашим душам, что он – лоза, а мы – ее побеги, Кибела дает тот же самый урок нашим телам. Именно так в сознании молодого христианина начиналась страшная битва, которая должна была закончиться лишь по прошествии многих лет» [5, 42–43]. При этом одной констатации того факта, что Мориак употреблял понятие «язычество» по отношению к себе как метафору, недостаточно. Необходимо вдуматься в субъективно-оценочный смысл устойчивого применения автором этого тропа. А заключался он в том, чтобы более четко выразить субъективное ощущение внутренней двойственности, которая долгое время ощущалась как непоправимая.

Давая имена враждебных друг другу богов – Христа и Кибелы – двум борющимся внутри его «я» началам, Мориак подчеркивал наличие пропасти между ними. Смутная противоречивость синхронно, на разных уровнях существовавших ощущений, впечатлений, импульсов подвергалась называнию, обобщению, расчленению. Будучи названными, эти разнородные чувства и впечатления были разнесены по разным культурно-религиозным рядам. В художественных произведениях происходит символизация, сублимация этого внутреннего опыта уже на другом уровне. Поэтому автобиографические эссе Мориака, где он не просто рационализирует, а подвергает уже литературной обработке вербализованную аффективную материю, можно расценивать как промежуточную стадию процесса превращения внетекстового факта (факта реальной психической жизни человека) в факт эстетический.

Для оценки изменений, которые произошли в художественном видении Мориака к последнему – послевоенному – периоду творчества, необходимо, кроме всего прочего, учитывать и изменения концепции телесной природы человека. После одного из самых тяжелых духовных кризисов, этапы которого отражены в вышедшей в 1929 году книге «Страдания и счастье христианина», у Мориака появилось более близкое к ортодоксальному представление о телесной природе человека: тело предстает уже не как источник зла, а как «храм духа, который возродится однажды, когда исполнится день» [8, 141]. Меняется к концу 20-х годов и представление Мориака об отношениях человека и Бога. Если раньше они казались ему чем-то вроде судебного процесса, в котором Бог – карающее начало, то в 1929 году Мориак проникается идеей «Бог есть любовь», идеей, предполагающей милосердие и всепрощение Бога. Писатель приходит к следующему выводу: «Абсурдно было бы, если бы Бог требовал, чтобы человек любил его одного. Он хочет, чтобы любая любовь была поглощена, стала частью огромной любви к нему» [10, 144].

Этот выстраданный вывод серьезно повлиял на представления автора о трагическом и способах воплощения трагического в романе, а также на общую эстетическую тональность текстов. Отчетливые результаты всех этих перемен мы увидим лишь в самом последнем законченном романе Мориака «Подросток былых времен».

Три персонажа Мориака – Ив Фронтенак («Тайна Фронтенаков»), Пьер Костадо («Дороги в никуда») и Ален Гажак – в плане рассматриваемой языческой темы изображаются автором на разных стадиях его собственной эволюции: от стихийного детского анимизма к осознанию конфликта между Христом и Кибелой, затем – к примирению этого противоречия. В каждом из названных романов элементы «языческого» комплекса автора сложным образом соотношены с другими элементами структуры произведения, участвуя в создании идейно-эстетического единства.

В ходе работы над романом «Тайна Фронтенаков» основным эстетическим намерением автора было написать произведение, в котором был бы воплощен иной тип семьи, нежели в мрачном «Клубке змей». Мориак стремился нарисовать картину спокойного и гармоничного периода, воспоминания о котором поддерживают героев в их дальнейшей жизни. Главный герой романа Ив Фронтенак поклоняется священному дубу. Поклонение это выражается в ритуальном прикосновении к коре дерева в парке Буридея. Герой инстинктивно стремится к природе как к утешительнице, он далек еще от мысли, что это предательство по отношению к христианскому Богу. В начале книги автор изображает Иву на элементарной, дорефлективной стадии развития проблемы: когда она уже существует (автор со своей временной и смысловой позиции знает, что она существует), но еще не осознается (не осознается героем с его позиции). Элементы языческого пантеизма спокойно сочетаются в сознании персонажа с верой в трансцендентного, стоящего над природой Творца. А в сущности, это мирное сосуществование духовного и телесного начал в ребенке, когда тело еще не охвачено страстями и довольствуется радостями общения с природой, а разум еще не вступил в пору трудных вопросов. Автор подчеркивает именно инстинктивное, плотское слияние героя с природой. «Прижавшись к дубу, мальчик слышал внутри старого живого ствола, который он всегда с благоговением обнимал перед отъездом, как бьется его собственное недолговечное, опечаленное сердечко» [6, 98]. Этот языческий автобиографизм в романе многофункционален. В нем воплощается авторское художественное видение связи человека с окружающим миром, описание природы в тесной связи с душевным состоянием героя. Так называемый одушевленный пейзаж становится своеобразным показателем внутренней жизни персонажей, приобретая особое, символическое значение. Представление Мориака о том, что человек детерминирован окружающим миром, эстетически воплощается в мастерски выполненных пейзажах. Обостренное авторское ощущение причинно-следственной связанности природы и человека в художественном творчестве привело к тому, что формирующая человека природа находится с ним в символическом отношении. Центральным экспрессивным знаком в той картине мира, которую рисует «Тайна Фронтенаков», является дерево. Эпизод ритуального прикосновения к коре дуба превращается в композиционную доминанту всей структуры текста. Он создает контраст первой части романа – прекрасной картины счастливого детства под древесной сенью – и второй части, где каждый герой в одиночку переживает свою драму. Этот контраст, выполняя организующую роль, несет в себе также мощный этический заряд. Воспоминания о периоде душевного покоя и чистоты – когда зерно конфликта, может, и было, но разрыва еще не было – своего рода мера нравственной оценки событий настоящего, залог восстановления поправленной чистоты.

В романе 1939 года «Дороги моря» (название которого неверно переводится «Дороги в никуда») языческий комплекс играет еще более значительную роль, чем в «Тайне Фронтенаков» – и в генетическом, и в структурно-функциональном планах.

Развернутая метафора моря, которой начинается и заканчивается роман, служит одновременно и эстетической рамкой, из которой выступает картина переплетенных человеческих судеб, и организующим стержнем композиции произведения, так как формулирует авторский идейно-художественный замысел.

«Жизнь большинства людей – мертвая дорога, не ведущая никуда. Но иные знают с детства, что они идут к неведомому морю. Их удивляет горький запах ветра, они чувствуют на губах вкус соли, а когда они преодолели последнюю дюну, этот океан бесконечной любви бросает им прямо в лицо песок и пену. Остается броситься в него или повернуть назад» [12, 239]. Этот зачин-концовка в подчеркнuto символической форме – с явным увеличением дистанции между означаемым и означающим – формулирует представление автора о двух типах человеческих судеб. Жизнь большей части персонажей «Дорог моря» и всех остальных художественных произведений Мориака – мертвая дорога, не ведущая никуда. Идеальным же типом человеческой судьбы представлялся романисту сопряженный с огромными трудностями и препятствиями путь к неведомому морю –

Бесконечной Всеблагостью Любви. Роль «язычества» в этой концепции – в создании препятствий. «Язычество» – это все соблазны земной жизни, это та последняя дюна, которая может заставить человека, идущего к морю, повернуть назад.

На страницах романа автор называет одного из главных героев – Пьера Костадо – юным язычником, который «в густой июньской траве следит за дыханием Кибелы и Атиса», но в то же время «в его ушах никогда не замолкают голоса ангелов» [12, 376]. Пьер Костадо уже в полной мере осознает в себе борьбу противоположных устремлений. В романе, так же, как и в дневниках автора, конфликт Христа и Кибелы – метафорическое выражение трагической расколотости человека, обусловленной его двойственной природой. Внутренняя борьба Пьера – это спор в его сознании голоса крови, влекущего в бездну чувственных удовольствий, с голосом Бога, зовущего к чистоте. Импульсы вожделения к девушке, с которой у него завязался недолгий роман, Пьер связывает с окружающей природой. Телесная природа человека и природа растительная – для него проявления одного и того же, противостоящего Творцу, языческого начала: «Все запахи земли переполняли его изнутри, ток его крови совпадал с движением соков в растениях» [12, 376]. Пьер обнаруживает непреодолимую власть над его существом всего земного и в то же время свою полную неспособность окунуться в земные улады без отчаяния. Наблюдая за окружающими, герой приходит к выводу о том, что они подчиняются зову природы и не видят трагизма в плотском наслаждении. Когда сам Мориак находился на этом этапе осознания конфликта природы и божественной благодати, на котором он изображает Пьера, он прочел «Яства земные» А. Жида, произведение, представляющее один из путей избавления от этого конфликта. Следует сделать маленькое отступление и коротко проанализировать влияние «Яств земных» на мировоззрение Мориака, так как это важно для понимания идейно-художественного замысла «Дорог моря». Жид решил освободиться от всего, что религия, в которой он был воспитан, выработала в нем узкого, ограничивающего его натуру (Жид, как известно, получил не менее суровое, чем Мориак, религиозное воспитание, с той лишь разницей, что оно было протестантским). Он уже знал, что если начнет вкушать удовольствия, которые до сих пор запрещал себе, то станет это делать не с осознанием греховности, а свободно и радостно. В 1893 году Жид написал своему родственнику Марселю Друэну: «Сегодня твой друг язычник». Как видим, Жид употребил слово «язычник» как метафору, которая для него означала человека, обладающего системой ценностей, не соответствующей религиозной нравственности. Несмотря на то, что Мориак не склонен был сбрасывать с себя оковы католицизма, в отличие от Жида, который стремился сбросить с себя оковы кальвинизма, небольшая книга его старшего современника заронила в его душу семена будущих бунтов и кризисов. «Нельзя сказать, – записал Мориак в Блокнотах в 60-е годы, – что я испытывал искушение откликнуться на этот призыв. Религиозный барьер, который Жид преодолел, мне было не преодолеть, и я это знал. Но сладостный мир существовал, и я при желании мог бы в него погрузиться» [2, 232]. Возвращаясь к «Дорогам в никуда», следует отметить, что реакция Пьера на людей, без оглядки вкушающих земные удовольствия, аналогичны реакции автора на систему ценностей, провозглашенную Жидом. Пьеру кажется, что ощущение падения в пропасть, которое возникало у него в моменты близости с женщиной, тем людям незнакомо. Автор акцентировал невозможность для героя избавления от мучительного внутреннего конфликта путем отказа от христианских религиозно-нравственных принципов.

Необходимо подчеркнуть, что сопоставление авторского мировоззрения с мировоззрением вымышленного героя проводится не с целью выявления соответствий целого автора-человека целому вымышленному герою. Интересно проследить, каким образом авторский «языческий» комплекс-прототип получает в романе новую событийную художественную жизнь, какие новые возможности он приобретает, будучи включенным в контекст судьбы персонажа. Генетически путь Пьера Костадо – это воплощенный в слове путь самого Мориака от страданий к счастью христианина (от «языческой» чувственности к христианской одухотворенности). Однако жизненеподобие в данном случае частичное,

в намерения автора вовсе не входило добиться того, чтобы романная судьба героя полностью соответствовала представлениям, возникшим из его собственного жизненного опыта. Опираясь на факты реальной психической жизни, романист строил соответствовавшую его представлениям идеальную модель человеческой судьбы.

Как уже говорилось, в тексте романа автор метафорически определил идеальную модель судьбы как трудную дорогу к неведомому морю. Вне текста он называл такой тип судьбы «драмой спасения». В «Дорогах моря» моменты «языческого» единения героя с природой (которые воспроизведены исключительно в его воспоминаниях) представлены как моменты, определившие всю его судьбу. С одной стороны, это время чистоты, гармонии души и тела, воспоминание о котором, возможно, позволит вновь обрести утраченную душевную целостность. С другой стороны, автор со своей позиции подчеркивал, что гармония, о которой идет речь, была иллюзорной, так как заключала в себе зерна будущих кризисов, бесконечно отдаляющих человека от того, для чего он предназначен.

Одним из способов такого четкого прочерчивания пути героя от начала до конца является стягивание в настоящем героя моментов прошлого и будущего. Автор, вставая на временную позицию Пьера, заставляя его погружаться мыслями в «языческое» прошлое, а затем со своей – авторской – ретроспективной позиции делал предсказание его дальнейшей судьбы. Автор не просто стягивал эти моменты в последнем эпизоде, связанном с сюжетной линией Пьера, он подчеркивал отчетливую причинно-следственную связь между событиями и чувствами, которыми эти моменты были наполнены. Используя опыт пережитого внутреннего конфликта, который в жизни ему удалось преодолеть, автор в романе сделал его принципиально неразрешимым, приводящим к гибели. «Гнусная вода входила в него через глаза, ноздри, уши, рот. Какая боль! Он не мог ни обойтись без удовольствий, ставших ему необходимыми, как хлеб и вино, ни вынести подобной жизни» [2, 376]. Чтобы разрубить узел внутреннего противоречия, герой записывается в колониальную армию, а затем – в 1915 году – погибает. Автор делает намек на его христианскую кончину.

Таким образом, «языческий» комплекс, представляя собой причину непоправимого самораздвоения, приводящего к гибели тела и к конечному спасению грешной души, является в романе основной движущей силой развития драмы или, точнее, «трагедии спасения». Трагизм мироощущения многих персонажей Мориака (в том числе и Пьера Костадо) усиливается еще оттого, что они, будучи не в состоянии отказаться от впитанных с молоком матери христианских ценностей, в то же время не обладают безусловной верой в конечное спасение. Их неудержимо влечет к себе неведомое море, море, в которое можно окунуться с головой лишь после смерти, но единственное, в чем они уверены абсолютно, так это в том, что смерть – это конец их пусть и нелегкого, но и не лишнего радостей земного существования. Пьер Костадо «не мог вынести подобной жизни, но и умирать ему не хотелось. Языческая радость захлестывала его. Даже если бы он ослеп, смыслом его жизни могли бы стать шум грозового ливня в листве деревьев и испарения, идущие от наполненного влагой чрева земли» [12, 376].

Своеобразный символический сгусток противоречивых размышлений автора и его героя о проблемах духа и плоти, «язычества» и христианства представляет собой произведение в произведении: фрагменты из поэмы «Кровь Атиса», включенные Мориаком в текст «Дорог моря». В романе автором поэмы является Пьер Костадо, но она была сочинена не специально для романа. Поэму «Кровь Атиса» на мифологический сюжет автор вынашивал много лет и опубликовал ее в 1940 году полностью (и от своего имени) в Нувель ревю франсез. «Я жил с этими стихами, беспрестанно переделывая их. Языческая сторона моей натуры обнаруживается в них с ужасающей очевидностью» [11, 1418], – писал Мориак в предисловии к поэме. «Кровь Атиса» – вполне типичный образец мифотворчества XX века. Она представляет собой своеобразный сплав античного и христианского мифов с материалом личных размышлений автора на религиозно-философские темы, и христианская сторона натуры писателя обнаруживается в ней с еще большей

очевидностью, чем языческая. Как и у многих других современных литературных произведений, ориентированных на миф – романах-мифах, драмах-мифах, поэмах-мифах – мифологическое прочтение у поэмы Мориака принципиально не является единственно возможным (и это отдельная тема). В результате включения фрагментов поэмы в роман миф перестает быть также и единственной линией повествования, образуя с романом единое художественное целое, где проза и стихи выполняют взаимообъясняющую, взаимоуглубляющую функцию. У Мориака проявляется свойственное многим писателям XX века отношение к языческой мифологии как к сокровищнице универсальных символов, помогающих описать ситуации современного общества и – что для писателя в данном случае было важнее всего – трагическую невозможность для христианина приспособиться к земному уделу.

Если воспользоваться категориями рассуждения Б. Успенского из книги «Поэтика композиции», то драма главного героя в романе – это знак действительной, пережитой автором драмы, путь Атиса это знак знака действительности. В поэме Кибела – не столько языческая богиня как таковая, сколько символ всего земного. Мориак описывает сначала «языческое» единение Атиса и Кибелы, затем Атис изменяет Кибеле с нимфой, чем вызывает ее гнев. Богиня превращает Атиса в сосну, чтобы обладать им вечно. Неожиданно в сердце Атиса проникает образ залитого кровью сына божьего, он отворачивается от природных богов, и дух его устремляется к единому Богу. Сначала это пугает Кибелу, она восстает и пытается искушать Атиса разного рода соблазнами, затем смиряется. Происходит единение Кибелы и Атиса на новом уровне. Языческая богиня не может помешать и не мешает переходу Атиса к христианским ценностям. Финал поэмы символизирует примирение велений духа и плоти во внутреннем мире, когда плотское начало не препятствует осуществлению духовных целей. Такое состояние Мориак и называл «счастьем христианина».

Функция приема включения произведения в произведение в «Дорогах моря» заключается прежде всего в символизации духовного опыта персонажа, направленной на усиление восприятия значимости решаемых им проблем. Кроме того, в композиционном плане, «языческие» стихи служат для обозначения наиболее важных моментов развития судеб остальных персонажей: Дени и Розы Револю, Леони Костадо. Как свидетельствуют варианты текста романа, автор тщательно продумывал, в каких сценах следует приводить поэтические цитаты и тем самым придавать им символическое звучание и большую глубину, чем другим.

Так, Дени выражает свою нежность к сестре, не осознавая этого, в момент чтения стихов своего друга. В сцене, когда Леони Костадо смотрит на спящего сына и случайно ей попадает на глаза тетрадь с его поэмой, которую она читает, возникает параллель между страстью Великой матери всего живого, любящейся спящим Атисом и мечтающей господствовать над ним, и стремлением Леони подчинить себе непокорного младшего сына.

В 1969 году, в своем последнем законченном романе «Подросток былых времен» Мориак вновь возвращается к проблеме «язычества». В эпизоде, когда герой-рассказчик исповедуется священнику и признается в грехе идолопоклонства, автор почти слово в слово воспроизводит уже упоминавшийся отрывок из «Новых внутренних мемуаров» о поклонении священному дубу и ослице. Казалось бы, 84-летний писатель повторяется, вновь и вновь изображая себя разрывающимся между Христом и Кибелой, но в звучании «языческой» темы в «Подростке былых времен» нет ни прежнего пафоса, ни трагизма, а скорее элементы самопародии. Тот же самый материал, помещенный в иной контекст, начинает служить противоположным целям. Если в «Дорогах моря» языческая тема послужила основой создания трагического эффекта, то в «Подростке» полушутливое покаяние Алена Гажака в грехе идолопоклонства представлено как дерзкая выходка героя, пожелавшего посмеяться над настоятелем. Наряду с другими эпизодами, где проявляется смелость, раскрепощенность героя, эта исповедь способствует обрисовке характера несколько иного плана, чем Ив Фронтенак и Пьер Костадо, несмотря на то, что Алел Гажак

решает те же проблемы, что и они. Он решает те же проблемы, что и они, но решает их иначе. Вывод Алена о том, что его «языческое поклонение природе никогда не посягало на иную любовь, на иное поклонение – христианскому Богу, а вместе с ним хлебу и вину, рожденным землей, солнцем и дождем» [1, 427] – это, безусловно, собственный вывод автора, к которому он пришел в конце 20-х годов. Позволив своему последнему герою встать на собственную смысловую позицию в решении одного из самых мучительных для грешного католика вопросов, автор тем самым в романе снимает проблему трагического, делает общую эстетическую тональность произведения более светлой, чем тональность всех предыдущих. Впрочем, Мориак дарит закомплексованному подростку былых времен не только собственную, добытую ценой многолетних угрызений совести и напряженных размышлений, раскрепощенность. Ален Гажак, насколько это было возможно для автора, вообрал в себя и толику раскованности и бунтарского духа участников молодежных волнений 1968 года.

Снятию трагического эффекта способствует также и выбор Мориаком иной по сравнению с другими рассмотренными романами композиционной структуры. Повествование ведется от первого лица – лица героя рассказчика. Композиционная невыраженность авторской позиции делает принципиально невозможными авторские предсказания, авторские завершающие характеристики, превращающие время героя в уплотненный блок, где отчетливо обозначены начало и конец. Ален Гажак – образ незавершенный. «Подросток былых времен», подобно многим современным произведениям искусства, имеет открытый финал, то есть не кончается ничем. Герой на страницах романа сказал очень много, но не сказал последнего слова ни о себе, ни о мире, и автор тоже о нем последнего слова не сказал. В последнем романе своему мучительному языческому комплексу Мориак дал еще одну возможность: возможность блеснуть в юмористическом контексте, а самому себе – написать новое и вполне современное произведение на, казалось бы, давно и окончательно переработанном материале воспоминаний детства и юности.

В заключение следует упомянуть о том, что чрезвычайно важную роль «язычество» сыграло и на речевом уровне романов Мориака, став основой создания системы стилистических приемов всего его художественного творчества. Можно даже сказать, что «язычество» представляет собой основу художественного мышления писателя, а дерево и земля – антропоморфные символы (Атис и Кибела) – центральные экспрессивные знаки в той картине мира, которую рисуют его романы [13].

1. Мориак Ф. Тереза Дескейру. Клубок Змей. Фарисейка. Мартышка. Подросток былых времен. Кишинев, 1984.
2. Mauriac F. Bloc-notes V. Paris, 1971.
3. Mauriac F. Dieu et Mammon. Paris, 1929.
4. Mauriac F. La vie de J.Racine. Paris, 1928.
5. Mauriac F. Le Jeudi Saint. Paris, 1931.
6. Mauriac F. Le Mystère Frontenac. Paris, 1934.
7. Mauriac F. Nouveaux mémoires intérieurs. Paris, 1965.
8. Mauriac F. Œuvres autobiographiques. Bibliothèque de la pléiade. Paris, 1990.
9. Mauriac F. Œuvres complètes. Paris, 1950. T.4.
10. Mauriac F. Œuvres complètes. Paris, 1950. T.7.
11. Mauriac F. Œuvres romanesques et théâtrales complètes. T.3.
12. Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. Le Noeud de vipères. Les Chemins de la mer. Moscou, 1966.
13. Tousot J. La planète Mauriac. Paris, 1985.

Информация об авторах

Маргарита Анатольевна Стрепетова,
Военно-космическая академия

Information about the authors

Margarita A. Strepetova,
Mozhaisky Military Space Academy

имени А.Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Россия).
197198, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Ждановская наб., 13.
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков.
Научные интересы: генезис литературных
произведений.
ORCID ID: 0009-0008-8491-6572
SPIN-код: 7027-5210, AuthorID: 444124
E-mail: alexey.strepetov@mail.ru

Лариса Аркадьевна Ковальчук,
Военно-космическая академия
имени А.Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Россия).
197198, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Ждановская наб., 13.
Старший преподаватель кафедры
иностраных языков.
Научные интересы: теоретические
и практические аспекты лексикологии
и стилистики.
ORCID ID: 0009-0004-7438-2459
SPIN-код: 8546-5664, AuthorID: 1331816.
E-mail: vilariss@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2026;
одобрена после рецензирования 02.03.2026;
принята к публикации 02.03.2026;
опубликована 20.03.2026.

(Saint Petersburg, Russia).
197198, Russia, St. Petersburg,
Zhdanovskaya nab., 13.
Candidate of Sciences in Philology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages.
Research interests: the genesis
of literary works.
ORCID ID: 0009-0008-8491-6572
SPIN-код: 7027-5210, AuthorID: 444124
E-mail: alexey.strepetov@mail.ru

Larisa A. Kovalchuk,
Mozhaisky Military Space Academy
(Saint Petersburg, Russia).
197198, Russia, St. Petersburg,
Zhdanovskaya nab., 13.
Senior Lecturer of the Department
of Foreign Languages.
Research interests: theoretical and practical
aspects of lexicology and stylistics.
ORCID ID: 0009-0004-7438-2459
SPIN-код: 8546-5664, AuthorID: 1331816
E-mail: vilariss@mail.ru

The article was submitted 03.02.2026;
approved after reviewing 02.03.2026;
accepted for publication 02.03.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Стрепетова, М.А., Ковальчук, Л.А. Религия и творчество: «язычество» католика Мориака в жизни и в литературе. // *Филологос*. 2026. № 1 (68). С. 109–119. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-109-119.

For citation: Strepetova, M.A., Kovalchuk, L.A Religion and creativity: catholic Mauriac's «paganism» in life and literature // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 109–119. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-109-119.

Права: © М.А. Стрепетова, Л.А. Ковальчук (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А.Н. Паикуров
A.N. Pashkurov

«ПО СПИРАЛИ ВРЕМЕНИ...»

**(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АВТУХОВИЧ Т.Е. «МАССОВАЯ
ЛИТЕРАТУРА XVIII И XXI ВВ. КАК КУЛЬТ-ТОВАР:
ПАРАЛЛЕЛИ И СООТВЕТСТВИЯ».**

ГРОДНО: ГрГУ ИМ. ЯНКИ КУПАЛЫ, 2025. 379 С.)

"IN TIME SPIRAL..."

**(BOOK REVIEW: AVTUKHOVICH T.E. "POPULAR LITERATURE
OF THE 18TH AND 21ST CENTURIES AS CULTURAL GOODS:
PARALLELS AND MATCHES". GRODNO: YANKA KUPALA STATE
UNIVERSITY OF GRODNO, 2025. 379 P.)**

Новая книга авторитетного современного филолога, специалиста в области теории и истории литературы профессора Татьяны Евгеньевны Автухович посвящена комплексному исследованию очень актуального для современного гуманитарного знания феномена массовой литературы в его временном движении: от истоков в литературном сознании XVIII столетия – к динамичной современной культурной ситуации первых десятилетий XXI века. Проблема рассмотрена на фоне широкого контекста, как историко-литературного, так и историко-теоретического.

***Ключевые слова:** литературная культура, массовая литература, традиции культуры XVIII века, современный историко-литературный процесс, типологические параллели.*

A new book of Professor Tatyana Evgenievna Avtukhovich, a distinguished modern philologist, a specialist in the field of theory and history of literature, is devoted to a complex study of the popular literature phenomenon in its time movement: from the dawn of literary conscience in the 18th century to a dynamic modern cultural situation of the first decades of the 21st century, which is of great relevance for contemporary humanitarian knowledge. The problem is considered against the background of a broad context, both historic-literary, and historic-theoretical.

***Key words:** literary culture, popular literature, traditions of the 18th century's culture, contemporary historic-literary process, typological parallels.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-120-122

Хотя в название новой книги авторитетного современного исследователя, специалиста по теории и истории литературы, профессора Татьяны Евгеньевны Автухович,

и вынесен приоритетно только центральный из интересующих ее феноменов литературной культуры – массовая литература, на деле панорамный научный замысел исследователя много шире.

Массовая литература выступает скорее как некий «камертон» при проверке разнообразных историко-теоретических и историко-литературных регистров. В плане регистров первого уровня, уже в обстоятельнейшем прологе четко постулируется целый ряд опорных для уважаемого автора идей, среди них такие, как: «автор как читатель», «формирование житнетворческих и мифотворческих стратегий», проблема так называемого «срединного центра» аксиологической системы литературной культуры и другие.

Пять смысловых глав-разделов в полной мере раскрывают и композиционно-содержательный замысел ученого. Открывая картину рассмотрением явления перекрестных литературных диалогов (глава-часть 1), Татьяна Евгеньевна далее обращается к вопросам общих стратегий формирования и существования мифолого-утопических стратегий (часть 2) и к проблеме представления «человека на переломе эпох» (глава 3). Наконец, заключительный блок, представляемый частями 4 и 5, переходит к комплексному анализу внутренней «лаборатории» словесности: через триаду «автор – текст – читатель» (глава 4) и феноменологическое явление нового художественного языка (часть 5).

Чрезвычайно показательно, что книга имеет и внутренние циклы «закольцованности», что для эстетики филологического восприятия более чем важно и существенно: первый параграф открывающей монографию части – о XVIII столетии в зеркале экфрасисов поэтов Серебряного века, первый раздел финальной пятой части – об экфрастической поэтике в «Письмах русского путешественника» Карамзина.

Как видим, XVIII век становится также сквозным «камертоном для проверки»: поэтика словесности этой чрезвычайно сложной и знаковой эпохи выступает для Т.Е. Автухович сразу в нескольких «пластах» ролей –

- а) как исток явления литературных диалогов (символично имя первой части – «В диалоге с XVIII веком»!);
- б) перекрестье феноменов повседневности и нового культурного канона (часть 2);
- в) проблема жизненного пространства человека в динамике меняющегося мира (глава 3);
- г) тринитарная система «автор – текст – читатель» в контексте переходных эпох (на обширнейшем культурном контексте: от стратегий творческого поведения в массовой литературе XVIII века – до «ситуации цифровой эпохи» – панорама части 4);
- д) один из эпицентров главы 5 – анализ подвижной феноменологии травелога как (не)готового текста.

Сама монография, как и ее исследовательские предметы, также сотворена на перекрестии стратегий разных дисциплин, о чем Татьяна Евгеньевна Автухович подробно пишет еще в прологе Введения: это основные курсы по истории и теории литературы, равно как и многогранные спецкурсы (с эпицентром «в лице» спецкурса по массовой литературе). Хотя номинативно трагический феномен «перехода / слома эпох» вынесен только в имя части третьей, на деле он – один из глубинных рефренов всей книги (к примеру, в главе 2 – рассмотрение «эха» распада СССР, «жизни после утопии», вторичной мифологизации и др.; трагический типаж романых героев, ищущих идиллию в «эпоху бурь» – один из центров части третьей).

Для исследователя русской литературы XVIII века истинное наслаждение – погружение на всех уровнях книги в феноменологию самого «столетия безумна и мудра» (по крылатому определению Александра Радищева). При медленном чтении составляется свой «букет», свой «роман в романе» (как определяют феномен авторского начала в «Евгении Онегине» пушкиноведы):

– мифологические горизонты развития писательской литературной репутации XVIII века в последующие периоды (Карамзин в рецепции Алданова),

- диалог повседневности и «нового культурного кода» у Пионера Петровской эпохи Ф. Прокоповича,
- соотношение векторов дидактики Просвещения и мировоззренческих векторов явления сатиры в его развитии,
- Федор Эмин как родоначальник массовой литературы,
- экфрасис как «движущаяся эстетика» в стратегиях жанрового явления травелога (от Карамзина и далее).

В лучших традициях науки, сложнейшие научные проблемы представлены, воплощены прозрачным, и аналитическим и свежо-образным одномоментно, языком, что, бесспорно, превращает новую книгу Татьяны Евгеньевны Автухович в притягательный центр далеко не только для искушенных филологов разнообразных профилей специализации, но и для просвещенного читателя, образованного человека, ищущего, словами Алексея Мерзлякова начала XIX века, «спасительную Ариаднину нить в лабиринте...».

Искренне желаем новому исследованию, равно как и его уважаемому автору, долгой плодотворной жизни.

Информация об авторе

Алексей Николаевич Пашкуров,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет (Казань, Россия).
420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания.
Научные интересы: история русской литературы
1700–1830-х годов, жанрово-тематические
модификации отечественной философской
поэзии классического периода.
ORCID ID: 0000-0002-7280-736X
SPIN-код: 8481-9323, AuthorID: 405710
E-mail: anp.72@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2026;
одобрена после рецензирования 02.03.2026;
принята к публикации 02.03.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the author

Aleksey N. Pashkurov,
Kazan (Volga Region) State University
(Kazan, Russia).
420008, Russia, Kazan, Kremlyovskaya str., 18.
Doctor of Sciences in Philology, Full Professor,
Professor of the Department of Russian Literature
and Methodology of Literature Teaching.
Research interests: the history of Russian literature
of the 1700–1830-ies, the genre and thematic
modifications of national philosophical poetry
of the classical period.
ORCID ID: 0000-0002-7280-736X
SPIN-код: 8481-9323, AuthorID: 405710
E-mail: anp.72@mail.ru

The article was submitted 03.02.2026;
approved after reviewing 02.03.2026;
accepted for publication 02.03.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Пашкуров, А.Н. «По спирали времени...» (Рецензия на книгу: Автухович Т.Е. «Массовая литература XVIII и XXI вв. как культ-товар: параллели и соответствия». Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2025. 379 с.) // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 120–122. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-120-122.

For citation: Pashkurov, A.N. "In time spiral..." (Book review: Avtukhovich T.E. "Popular literature of the 18th and 21st centuries as cultural goods: parallels and matches". Grodno: Yanka Kupala state university of Grodno, 2025. 379 p.) // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 120–122. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-120-122.

Права: © А.Н. Пашкуров (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «ФИЛОЛОГОС» учрежден Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: ПИ № ФС77- 40325 от 15 июня 2010 г.).

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Журнал публикует разножанровый материал по актуальным лингвистическим и литературоведческим проблемам (статьи, публикации, рецензии, хронику научной жизни и др.). Периодичность издания – четыре номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Всем статьям журнала присваивается цифровой идентификатор DOI.

Принимаются материалы по следующим группам научных специальностей:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.2 Литературы народов мира;

5.9.3 Теория литературы;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России;

5.9.6 Языки народов зарубежных стран (славянские языки);

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

Е-mail: filologos07@mail.ru. Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Более подробная информация – на сайте редакции: www.elsu.ru/filologos.

Научный журнал

ФИЛОLOGOS

Выпуск 1 (68)

Технический редактор – Н. П. Безногих

Техническое исполнение – В. М. Гришин

Дизайн обложки – Б. П. Иванюк

Подписано в печать 19.03.2026

Дата выхода в свет 20.03.2026

Бумага 62,0 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.

Печать трафаретная

Тираж 1000 экз. Заказ № 9

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1

E-mail: filologos07@mail.ru

Сайт редколлегии: www.elsu.ru/filologos

Подписной индекс журнала **№ 43284** в объединенном каталоге
«Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1